Арзамасский государственный педагогический институт
им. А.П. Гайдара
Нижегородский университет
Центр стратегических исследований

мой экз

АНГЛИЯ И УЭЛЬС В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Арзамас
1999

АНГЛИЯ И УЭЛЬС
В ПЕРИОД
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Арзамас
1999

ББК 63.3 /4Вл/ 4
А 64

Серия научной и учебной литературы
ВУЗОВСКАЯ И ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П. Гайдара

Рецензенты: кафедра истории древнего мира и средних веков
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского;
доктор исторических наук, профессор Ю.Е. ИВОНИН;
доктор исторических наук, профессор О.А. КОЛОБОВ

А 64 АНГЛИЯ И УЭЛЬС В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. Монография /Отв. ред. доктор исторических наук, профессор Е.В. КУЗНЕЦОВ. - Арзамас, АГПИ, 1999, 179 с.

Редакционная коллегия: доктор исторических наук,
профессор Е.В. КУЗНЕЦОВ;
(ответственный редактор),
доктор исторических наук,
профессор Г.Ш. САГАТЕЛЯН;
кандидат исторических наук,
доцент Е.П. ТИТКОВ;
кандидат исторических наук,
доцент М.В. ТРЕТЬЯКОВА

Авторский коллектив: **О.В. Губанова** (Глава 6 § 1), **Е.В. Кузнецов** (Введение, Глава 3), **Т.Б. Меркулова** (Глава 5), **Т.Г. Минеева** (Глава 1, 4), **В.Б. Романовская** (Глава 3), **О.Н. Сенюткина** (Глава 2, Заключение), **М.В. Третьякова** (Введение, Глава 2 § 2, Заключение), **Н.В. Щелокова** (Глава 7).

Подбор иллюстраций: **О.Н. Сенюткина**
Карты по эскизу: **Е.В. Кузнецов**
Генеалогические таблицы: **В.С. Саечников, М.В. Третьякова**
Составитель указателя имен: **В.С. Саечников**
Оформление: **С.П. Никонов, В.Ю. Гаврилов**

0501000000 - 103
А ----------
6 и 9 (03) - 99

ББК 63. 3 /4Вл/ 4

ISBN 5-86517-063-5

© Издательство Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара

ВВЕДЕНИЕ

История Англии распадается на ряд достаточно четко очерченных периодов. Один из них охватывает полтораста лет с 60-х годов XIV в. до начала первого десятилетия XVI в. Огрублено: от мира в Бретиньи до ликвидации Генрихом VII последнего антитюдоровского заговора, 1360-1502 гг. Обе даты совпадают с вершинами подъема экономической и политической мощи английского феодального государства.

К началу 60-х гг. XIV в. островные феодалы, победно завершив первый этап Столетней войны, подчинили своей власти юго-западную треть тогдашнего французского королевства[1], стратегически важный анклав Кале[2], заставили население Франции и Шотландии платить выкуп за своих оказавшихся в плену монархов[3], начали активно вмешиваться в политическую жизнь государств Пиренейского полуострова[4]. Их сухопутная армия и флот не имели соперников в западной части европейского континента[5]. Двор Плантагенетов превратился едва ли не в важнейший центр политической жизни Запада[6]. Щедрость его владыки, невиданная роскошь вассалов находили оправдание благодаря значительным запасам благородных металлов в подвалах лондонского Тауэра. Именно казначеям Эдуарда III удалось впервые[7] в Англии наладить выпуск золотых монет - nobles[8], которые получили признание на многих рынках, у феодалов и купцов различных стран[9].

Шестнадцатое столетие Англия встречала как централизованное, хорошо управляемое государство[10]. Самодержавное правление Генриха VII Тюдора опиралось на значительные ресурсы королевского казначейства[11] и богатство его послушных подданных[12]. К началу XVI в. заново была покорена Ирландия[13]. Гордые шотландские бароны, долгие десятилетия грабившие северные английские графства, были вынуждены под ударами регулярной английской армии искать мира[14]. Готовясь к возобновлению экспансии на материке, адмиралтейство первого Тюдора приступило к строительству невиданных ранее боевых многопушечных кораблей[15]. Властители Дании, Испании, Германии стремились заручиться дружбой островной монархии[16]. О мощи купеческого флота англичан свидетельствовало проникновение их кораблей к берегам Африки и Италии[17], а также, конечно, открытие (повторное, после викингов) североамериканского континента[18].

Однако экономические, социальные и государственно-правовые факторы, обеспечивавшие расцвет Англии в каждом из этих двух случаев - в 60-е гг. XIV в. и спустя 150 лет - далеко не одинаковы. Золотой блеск двора Эдуарда III Плантагенета явился результатом усиления эксплуатации трудящихся, в первую очередь - крепостных или повторно закрепощаемых крестьян, а также военного и налогового грабежа жителей Франции, принадлежащих к различным сословиям. Промышленное производство в Англии тех лет покоилось на рутинной ремесленно-цеховой основе. Торговля внутри острова и на заморских рынках только еще начинала перемещаться в руки "отечественного" купечества. Это определило отсталость английской экономики по сравнению с развитыми регионами континентальной Европы. Социальная структура островного государства не отличалась устойчивостью. В деревне ширилось движение против сеньориальной реакции, за освобождение от крепостнических уз, в городе шла упорная борьба за ликвидацию всевозможных феодальных привилегий, стеснявших развитие городской общины, а также в ряде мест против засилья иностранцев. Сословно-представительные учреждения не могли перед лицом растущего самовластия

могущественных баронов, опиравшихся на растущую силу восстановленных к этому времени частных дружин, обеспечить политическую устойчивость в центре и на местах. Все это предопределило недолговечность расцвета Англии в XIV в., быстрое сползание английского общества в пучину тяжелого кризиса.

Совсем иное дело раннетюдоровский абсолютизм. Он опирался на хорошо организованный административный и судебно-репрессивный аппарат, уничтоживший частные дружины, замки и другие атрибуты магнатской самостоятельности. Успехи английской шерстеобрабатывающей мануфактуры и заморской торговли подкреплялись начавшейся перестройкой сельского хозяйства. "Изумрудные" луга острова стали свидетелями первой в мире "аграрной революции", открывшей столбовую дорогу для решающих буржуазных преобразований и, как следствие их, превращения маленького островного королевства в самую передовую страну планеты.

Уже это сопоставление наталкивает на мысль, что в течение 150 лет от мира в Бретиньи до триумфа абсолютистской политики первого Тюдора английское общество прошло крутой, замысловато закрученный виток спирали прогрессивного исторического движения.

Один из авторитетнейших историков Великобритании начала XX века Чарльз Кингсфорд писал, имея в виду XV век, что в "моральном, интеллектуальном и материальном отношении это был не век застоя, а век брожения". "Брожение", "кризис", "перестройка" начались в Англии за несколько десятилетий до начала XVI столетия. Они, подчеркнем еще раз, не укладываются в хронологические рамки века. Всему отрезку английской истории - от шестидесятых годов XIV века до начала XVI века - присуще нечто общее, некие непрерывные доминантные линии, проступающие как бы сквозь пену водоворотов бурно движущегося потока социального бытия. Раскрыть эти доминанты, закономерности развития общественного организма стремились историки разных поколений, живущие в разных странах. Свою лепту в их изучение стремятся внести и авторы данной книги.

---

[1] По миру в Бретиньи (местечко близ г. Шартра) англичанам достались земли между нижним течением Гаронны и Пиренеями, а также на север и восток от этой реки - Пуату, Лимузен, Ангулем, Ла-Рошель, Родез (Руэрг). Baker R. A Chronicle of Kings of England. L.,1654. P. 124.

[2] Приморская крепость Кале, а также ряд замков, прикрывавших подступы к ней с юга и востока (крупнейший из них - Juysnes), которые оказались в руках у англичан в 1347 г., дали им возможность установить контроль над Па-де-Кале, обеспечили тесные коммерческие, а в случае нужды, и военные связи с городами Фландрии. Англия сохраняла Кале длительное время. Окончательно он был потерян ими лишь по миру в Като-Камбрези (1559 г.).

[3] За шотландского короля Дэвида Брюса его подданные должны были внести в казну Эдуарда III в течение десяти лет 100 000 марок (одна марка равна 13 шил. 4 пенсам) - очень тяжелый побор для такой бедной страны, какой была Шотландия. - Stow. P. 416. Для того, чтобы оплатить выкуп в 300 000 флоринов, французский монарх Иоанн Добрый не только ввел дополнительные налоги на жителей своего королевства, но и оказался вынужденным разрешить возвращение во Францию изгнанным Филиппом IV евреям. Каждый еврей, въезжавший во Францию, платил 20 флоринов

за право поселиться на ее территории, а затем шесть флоринов в виде ежегодной подати. - Stow. P. 417. Baker R. A Chronicle... P. 125.

[4] Дипломатические интриги английских феодалов в пользу Педро Жестокого против другого претендента на кастильский трон Генриха Трастамары завершились военной интервенцией. В 1367 г. Эдуард, принц Уэльский (титул, дававшийся в Англии наследнику престола) и правитель юго-западной части Франции, принадлежавшей англичанам, вторгся в Кастилию со значительной армией и разбил Генриха в битве при Nazars (3 апреля 1367 г.), однако эпидемия, охватившая его войско, помешала ему закрепить успех. - Stow. P. 422. После гибели Педро Джон Гонт, герцог Ланкастерский, один из младших братьев Эдуарда, женился на его дочери Констанце и стал именовать себя королем Кастилии. - Stow. P. 426. Младшую дочь Педро Изабеллу взял в жены Эдмунд, граф Кембриджский. - Ibid. В 1386 г. Джон Гонт сделал попытку реализовать свои права и с отрядом в 2 000 рыцарей и 8 000 тысяч стрелков отправился к берегам Пиренейского полуострова. - Ibid. P. 480. Поход, продолжавшийся три года, окончился неудачей. Джон Гонт вернулся на родину в 1389 г. - Stow. P. 490. См. также - Baker R. A Chronicle... P. 127.

[5] Как выразился Д. М. Тревельян, от гор Сьерра-Невады до Богемского леса не было дворянской конницы, способной противостоять английским стрелкам из лука. - Trevelyan J.M. England in the Age of Wycliffe. L., 1900., 3d. ed. P. 2.

[6] 1362 г. Лондон принимал посольства из Кипра, Армении, Испании, просившие помощь против неверных. На следующий год двор Эдуарда III с подарками посетили король Франции Иоанн, шотландский монарх Дэвид Брюс и кипрский король Петр. - Stow. P. 419. Baker R. A Chronicle... P. 125-6. Сын Эдуарда III Лионель стал мужем дочери миланского герцога. Внук Ричард был просватан за Анну, дочь богатейшего монарха Центральной Европы - Вацлава Чешского.

[7] Первый выпуск состоялся в августе 1344 г. - Zalzman G. M. The English Trade in the Middle Ages. Ox. 1931. P. 16-17.

[8] Noble приравнивался к половине серебряной марки (6 s. 8 d.). - Ibid. P. 17.

[9] Монеты имели хождение в XV в. и на Руси, где их называли "корабленниками". В конце XV в. новгородцы заплатили ими дань Ивану III.

[10] В 1497 г. армия Генриха VII разгромила повстанческое войско крестьян, ремесленников, рудокопов юго-западных графств. Тогда же был захвачен Перкин Варбек, самозванец, пытавшийся захватить трон, действуя под именем младшего сына, Эдуарда IV Ричарда (Ричард IV). В 1502 г. королевские войска подавили последнюю попытку организовать мятеж в защиту интересов свергнутого дома Йорков (их наследником претендовал быть Эдмунд Пул, граф Сеффолк). Наряду со старыми формами государственного аппарата: канцлерством, судом Королевской скамьи, шерифами, мировыми судьями и т.д. - возникают новые, более оперативные и эффективные - Звездная палата, Палата прошений, Советы Севера и Запада. Чиновники Генриха VII добиваются роспуска частных дружин ("ливрей"), разоряют баронские замки. - Кузнецов Е.В. Народные восстания в Англии последних лет XV века. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 1. С. 163-4, 67-8; Он же. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). Автореферат канд. диссертации. Горький. 1959. С. 32, 33,37.

[11] Об огромных суммах (the huge mass), хранившихся тайно в королевской крепости Ричмонд, пишет Ф. Бэкон. - Bacon F. A History of the Reign of King Henry VII. Works. VI. L., 1878. P. 236. Вопрос о богатствах Генриха VII обсуждался в ряде исследований. - См., например, Dietz F. C. The English Government Finance, 1485 - 1520 The University of Illinois Studies in the Social Sciences. 1920. P. 418. Mackie F.D. The Earlier Tudors. 1485 - 1588. Величина королевских сокровищ определяется от 1 800 000 до 1 300 000 ф. ст.

[12] Итальянский наблюдатель свидетельствует: "Англия богаче всех государств Европы... И каждому, кто путешествует по острову, скоро бросается в глаза это богатство... Воистину, здесь нет ни одного хозяина малой гостиницы, как бы беден и скромен он не был, кто не сервировал бы свой стол серебряными тарелками и чашами для питья; и никто не почитается англичанами достойным уважения лицом, если в его доме нет серебряной посуды стоимостью, по крайней мере, в 100 ф. ст.

[13] В результате военной экспедиции из двух батальонов, возглавленных сквайром Эдуардом Пойнингом. Экспедиция состоялась в 1494 -1495 гг.

[14] Бэкон сообщает, что 25 января 1503 года объявлено в Лондонском соборе святого Павла о браке шотландского короля Якова IV и дочери Генриха VII Маргариты. Этому событию предшествовали длительные переговоры, начатые еще 1497 г., когда над Шотландией нависла реальная угроза вторжения английской армии. Первым шагом к умиротворению явилось перемирие, заключенное лордом - хранителем Малой государственной печати Джоном Фоксом шотландцами 30 сентября 1497 г. на срок жизни царствующих монархов и один год после их смерти. - Bacon. P. 187-189, 200, 216.

[15] Строительство крупных кораблей началось в Англии во второй половине XV столетия. В 1512 году Генрих VIII положил начало организации постоянного королевского флота, основав "Navy office". В 1514 г. в Англии был построен первый многопушечный корабль, имевший 186 пушек, которые были расположены вдоль бортов нижней палубы по системе французского инженера Дефорша. - Chipolla C. The Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion. 1400 - 1700. L., 1965. P. 85, 81, 82.

[16] В 1490 г. был заключен выгодный англичанам торговый договор с Данией, дававший им право свободной торговли в гаванях Дании и Исландии.- Foedera. XII. P.373, 381. В 1500 г. Генрих VII вел переговоры с Максимилианом Габсбургом в Кале. В 1502 г. принимал чету «католических королей» Фердинанда и Изабеллу и успешно завершил переговоры о подписании брачного контракта между их дочерью и своим наследником Артуром. - Bacon. P. 206-207, 215-216. Торговый договор между Англией и Испанией был подписан в июле 1498 г. The Reign ...II. Part. 2, № 150.

[17] Был установлен стэпль в Пизе. – Foedera. XII. P. 389. Materials for a History of the Reign of Henry VII. Ed. W.Campbell. I. P. 543.

[18] В известной экспедиции Джона Кабота участвовали один корабль, снаряженный лондонскими купцами, и два (или три) бристольских корабля. –The Reign ... II Part. 342, 345. В 1506 г. в Бристоле была основана «Company Adventurers into the New-Found Lands».– Mackie F.D. The Earlier Tudors ... P. 227. Участвовали в плаваниях к Ньюфаунленду и лондонские купцы.-The Acts of the Court of the Mercer's Company. Ed. L.Lyell. Camb., 1936.

ГЛАВА 1

ДАЙДЖЕСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В АНГЛИИ 1360-1500 гг.

На протяжении интересующего нас периода времени ритм общественного развития Англия имел отнюдь не ровный характер. Краткие периоды стабильности (стагнации - если угодно) перемежались более длительными отрезками времени, когда алгоритмы различных сфер народного и государственного бытия являли собой стремительное, порой бурно - поступательное, иногда турбулентное движение. Если попытаться прибегнуть для наглядности к образу, то можно сказать, что английское общество являло собой подобие человека, страдающего сердечным недугом: пульс его лишь иногда, в краткие промежутки времени, бился ровно. Преобладало аритмическое, лихорадочное движение жизненных сил общественного организма.

Но прежде чем мы обратимся к описанию пульса общественного движения в Англии конца XIV- XV вв., попытаемся, хотя бы коротко, представить, так сказать, "арену" социального действия.

Вспомним, что английское королевство в XIV веке являлось одним из самых могущественных монархий тогдашней Европы. Территории, подвластные семье Плантагенетов, делились на собственно английское королевство - метрополию (см. карту № 1) и "колониальные" (юридически или фактически) земли. Среди последних - Уэльс (см. карту № 2), Ирландия (восточная часть - "Пэйл"), Кале с окрестными фортами и юго-западная часть французского государства, на королевскую корону которого английские государи претендовали более двух столетий. В XIV веке шел процесс "национализации" на английской основе, некогда французско-английской, с преобладанием французских компонентов культуры империи Плантагенетов. Английское королевство, лишившись южной Шотландии, но, приобретя "принципат" Уэльс (северная часть подковы валлийского полуострова) имело площадь 153340 км - примерно, из которых на валлийские территории приходилась одна четырнадцатая часть (несколько меньше 11000 км)[1]. С ирландским "Пэйл", а также завоеванными (признанными завоеванными миром в Бретиньи[2]) территориями на северо-востоке, а главным образом на юге-западе Франции, территория, подвластная короне британских Плантагенетов, возрастает более чем в два раза. Здесь уместно сделать сразу одну исторически важную "заметку" долговременного свойства: уже в то время внешняя "империя", а стало быть, международная политика, направленная на колониальные приобретения, имела в жизни английского общества особо важную роль. Эта мысль может быть аргументирована не только посредством территориального, но и демографического "аргумента". После чумных эпидемий середины XIV века островитяне "английской нации" насчитывали много менее трех миллионов человек - подданных в колониях было больше.

Итак, какова же была динамика политической жизни Англии на протяжении интересующего нас стосорокалетнего исторического периода?

Попробуем в сжатой "табличной" форме представить более - менее исторически значимые факты политического развития Англии с 1360 по 1500 гг.

Годы	Важные события года	Важное событие пяти лет
1360-1361	Победоносный для Англии договор с Францией в Бретиньи (1360). Оккупация юго-запада Франции.	Военное преобладание англичан в Западной Европе
1362	Англичане сажают на герцогский трон в Бретани марионетку Джона де Монфорса	
1362	Локальные конфликты. Грабежи во Франции частных дружин.	
1364	Локальные конфликты. Грабежи во Франции частных дружин.	
1365	Локальные конфликты. Грабежи во Франции частных дружин.	
1366	Начало крупномасштабной войны в Кастилии (Пиренейский полуостров)[3]	Английская агрессия Кастилии. Восстание на юго-западе Франции против англичан
1367	Военные действия англичан и французов в Кастилии. Победа англичан над французско-кастильском войском.	
1368	Вершина успехов англичан. Сговор английских сил.	
1369	Гибель кастильского короля – ставленника Англии. Мятеж против англичан на юго-западе Франции.	
1370	Антианглийское восстание на юго-западе Франции.	
1371	Поражение англичан во Франции. Ослабление королевской власти в Англии.	Разгром англичан на юго-западе Франции
1372	Поражение англичан во Франции. Кризис власти в Англии.	
1373	Неудача похода по линии Кале-Бордо Джона, герцога Ланкастера.	
1374	Англичане теряют юго-западные земли Франции (кроме Бордо, Байенны).	
1375	Англичане признают свои военные неудачи. Перемирие на один год при сохранении status quo	
1376	Перемирие продлено. Нарастание кризиса в Англии. "Добрый" парламент выступает против королевской политики.	Наступление французов остановлено. Политический кризис в Англии. Смена поколений в политике.
1377	Усиление кризиса власти: смерть Эдуарда III. Французы атакуют берега Англии.	
1378	Французы и кастильцы блокируют Англию. Грабят берега острова.	
1379	Контрнаступление англичан в Бретани. Проанглийское восстание во Фландрии.	
1380	Компромиссное перемирие. Смерть Карла V. Правительство Ричарда собирает ресурсы.	

1381	Сбор поголовной подати провоцирует народное восстание. Повстанцы выдвигают антифеодальные требования.	Новое наступление англичан на континенте.
1382	Стабилизация положения в Англии. Подавлена народная оппозиция. Разгром виклифитской ереси в Оксфорде. Появление лоллардов.	
1383	Неудачный поход англичан во Фландрию.	
1384	Военные действия затихают. Обострение политической ситуации в Англии и Франции.	
1385	Союзное англо-португальское войско разбивает армию кастильцев и французов.	
1386	Джон Ланкастер с английской армией вторгается в Кастилию.	Борьба Ричарда с феодальной знатью. Компромисс.
1387	Объединение лордов – аппеллантов (lords-appellantes) против двора Ричарда II.	
1388	Захват лордами – аппеллантами власти. «Безжалостный» парламент.	
1389	Ричард II возвращает себе власть (май). Общее перемирие в Столетней войне[4].	
1390	Укрепление стабильности в Европе, в Англии. Власть Ричарда II усиливается[5].	
1391	Укрепление власти Ричарда II. Переговоры о мире с Карлом VI.	Тридцатилетний мир с Францией (1395 г.)
1392	Парламент Англии поддерживает миролюбивую политику Ричарда II. Конфликт Ричарда II с Лондоном (секвестр привилегий города).	
1393	Обострение английской агрессии в Ирландии.	
1394	Поход в Ирландию Переговоры во Франции. Подъем движения лоллардов.	
1395	Возвращение Ричарда II из Ирландии Тридцатилетний мир во Франции. Женитьба на Изабелле. Репрессии против лоллардов.	
1396	Разгром крестоносцев при Никополе. В битве участвовал Генрих Ланкастер, будущий король.	Смена династий (1399-1400). Свержение Ричарда II.
1397	Разгром партии аппеллантов Ричардом II. Награды друзьям и сторонникам.	
1398	Изгнание Генриха Ланкастера. Он в герцогстве Бретань готовится к реваншу.	
1399	Второй поход Ричарда II в Ирландию. Возвращение Ланкастера. Плен и низложение Ричарда II. Генрих IV - первый король «ланкастерской» династии.	
1400	Заговор сторонников Ричарда II. Ричард убит. Генрих IV Ланкастер укрепляет свою власть.	

1401	Восстание в Уэльсе. Генрих IV расширяет привилегии парламента. Статут о "О сожжении еретиков"	Победа при Шрусбери
1402	Поражение английских войск в Уэльсе. Эдмунд Мортимер в Уэльсе в плену.	
1403	Восстание Перси против Генриха IV. Победа Генриха над врагами у города Шрусбери.	
1404	Поражение в Уэльсе. Парламент берет под контроль королевский совет.	
1405	Восстание против Генриха IV на севере Англии. Подавление восстания. Казнь Ричарда архиепископа Йоркского.	
1406	Первые крупные победы англичан в Уэльсе.	Победы в Уэльсе. Преодоление кризиса.
1407	Военные успехи в Уэльсе. Болезнь Генриха IV.	
1408	Последний неудачный поход баронов севера против Генриха IV. Решающие победы в Уэльсе.	
1409	Разгром лоллардов в Оксфорде.	
1410	Парламент после дискуссий отклоняет "билль" о секуляризации церковных земель (январь).	
1411	Сын Генриха IV (позднее Генрих V) выдвигает идею войны во Франции, где междоусобицы знати при полусумасшедшем короле парализовали власть. Поход на помощь бургундской партии отряда графа Арундела (с ним около 2000 человек).	Победа при Азенкуре
1412	Новый поход англичан во Францию (около 1000 человек) в поддержку арманьякам.	
1413	Смерть Генриха IV. (20 марта). Заговор лоллардов во главе с Джоном Олдкаслом против Генриха V.	
1414	Разгром восставших лоллардов. Подготовка к вторжению на континент.	
1415	Первый неудачный заговор приверженцев "дома Йорка" против Генриха V в Саутгемптоне (июль)[6]. Вторжение во Францию (август). Победа Генриха V над французами при Азенкуре (октябрь).	
1416	Договор с императором Сигизмундом. Переговоры успешные с герцогом Бургундии.	Захват Нормандии и других областей Франции.
1417	Начало завоевания англичанами Нормандии. Успешная осада города Кан.	
1418	Завоевание западной Нормандии Генрихом V. Осада города Руана (восток Нормандии).	
1419	Взятие Руана. Убийство Жана Бургундского на мосту Монтре (май). Союзный договор с Бургундией.	
1420	Договор в Труа. Брак Генриха V с дочерью Карла VI Екатериной (2 июня). Генрих V получил права на французский престол, как наследник Карла VI и регент.	

1421	Англичане заняли Париж. Родился Генрих (будущий Генрих VI).	Военные победы во Франции. Распри магнатов в Англии.
1422	Военные действия в центре Франции. Англичане взяли город Мо. Смерть Генриха V (31 августа).	
1423	Успешные военные действия во Франции регента Джона, герцога Бедфорда.	
1424	Военные победы во Франции. Распри внутри Англии между герцогом Глостером и Бьюфортами.	
1425	Победы во Франции. Ухудшение политической ситуации в Англии.	
1426	Обострение конфликта. "Дубинный парламент" в Англии. Победы во Франции.	Поражение англичан под Орлеаном. Перелом в войне в пользу французов.
1427	Успешное наступление англичан на область Мэн.	
1428	Поход основных английских сил на город Орлеан. Окружение города.	
1429	Жанна д Арк в Орлеане. Разгром англичан (май). Взятие Реймса. Коронация Карла VII. Генрих VI коронован в Англии.	
1430	Жанна взята в плен (23 мая). Во Франции бои с переменным успехом.	
1431	Бургундцы заключают перемирие с Карлом VII.	Изоляция Англии после переговоров в Аррасе.
1432	Ухудшение военной ситуации во Франции. Растут военные расходы.	
1433	Финансовая катастрофа (164815 фунтов стерлингов – казна должна[7]). Парламент обвиняет Джона Бедфорда.	
1434	Последний неудачный поход Бедфорда во Францию. Начало переговоров.	
1435	Переговоры в Аррасе (июль-сентябрь). Союз Франции и Бургундии против англичан. Смерть Бедфорда (15 сентября).	
1436	Французы взяли Париж. Освободили восток Нормандии. Поход Ричарда Йорка во Францию.	Военные успехи французов
1437	Наступление французов на юго-западе Франции.	
1438	Неудачная осада французами Бордо. Нападение на Кале бургундцев. Контрнаступление англичан.	
1439	Успешное контрнаступление англичан. Карл VII вынужден вступить в мирные переговоры (в Кале). Бургундцы заключают перемирие с Англией и торговый договор...	
1440	Переговоры в Кале продолжаются. Англичане освобождают герцога Орлеанского, дабы ускорить мирный договор.	

1441	Распри между регентом Гэмфри и Бьюфортами. Переговоры в Кале.	Политический кризис. Брак Генриха VI и Маргариты Анжуйской.
1442	Возобновление военных действий. Неудачи англичан. Перемирие на полтора года.	
1443	Переговоры в Кале. Англичане идут на уступки. Верх берут в Англии молодые советники Генриха VI – Эдмунд Сомерсет, Уильям Сеффолк и др.	
1444	По инициативе Сеффолка брачный контракт Маргариты Анжуйской и Генриха VI невыгодный для Англии: Англия отдает ее отцу Рене, вассалу Карла VII, графство Мэн.	
1445	Возражение герцогов Глостера и Йорка против уступки Франции Мэна. Генрих VI утверждает контракт. Полемика в парламенте, совете и др.	
1446	Нарастание кризиса в Англии. Местные неурядицы. Образование партии Йорков и Ланкастеров.	Разгром англичан в Нормандии. Восстание Кэда.
1447	Ланкастерцы убивают герцога Глостера. Йорк отправлен в почетную ссылку в Ирландию.	
1448	Крепости графства Мэн переданы французам.	
1449	Французские войска вторгаются в Нормандию. Взят Руан (ноябрь), Кан и др.	
1450	Внутренний кризис из политического перерастает в социальный: убиты епископы Чичестера (январь) и Солсбери (июнь). Восстание в Кенте во главе с Джоном Кэдом. Гибель английского войска в Нормандии.	
1451	Французы взяли Бордо (30 июня). Междоусобицы в Англии. Парламент парализован противостоянием аристократических партий.	Потеря Бордо. Победа 1455 г. йоркистов при Олбенсе (22 июня).
1452	Неудачная попытка Йорка вооруженным путем взять власть. Концентрация йоркистов в уэльских "марчах". Англичане отбили Бордо у французов.	
1453	Французы разбили англичан у Шатильона (16 июля). 19 октября - Бордо сдался. Столетняя война завершилась. Генрих VI душевно болен. Йорк - регент страны. Родился Эдуард, сын Генриха VI.	
1454	Йорк – регент страны. Распри в графствах нарастают. Маргарита отстраняет Йорка от власти (декабрь), так как Генрих VI чувствует себя лучше.	
1455	Вооруженное противостояние йоркистов и ланкастерцев завершился битвой (22 мая) при Сент-Олбенсе (Альбансе). Ричард Йорк, как победитель берет власть.	

1456	Англией правит Йорк, но неудачно. Распри в графствах растут. Восстание в Лондоне против купцов и банкиров.	Политическая и военная борьба за власть Йорков и Ланкастеров.
1457	Маргарита вернула власть. Франция поддерживает ланкастерцев. Французы берут Сэндвич (август). Ричард Невиль, граф Уорвик, назначен руководить флотом Англии.	
1458	Йоркисты и ланкастерцы заключают перемирие в Лондоне (24 марта). Йорк и его сторонники платят деньги семьям убитых ими при Сент-Олбенсе. Уорвик побеждает французский флот. У ланкастерцев новый лидер – Генрих Бьюфорт, третий герцог Ланкастер.	
1459	Война ланкастерцев и йоркистов. Разгром Ричарда Йорка. Ланкастерцы грабят его главную крепость Ладлоу. Уорвик удерживает Кале.	
1460	Контрнаступление йоркистов (июнь-июль). Уорвик берет Лондон. Побеждает при Нортгемптоне (10 июля). Маргарита обороняет север от Йорка. Разгром в Йоркшире герцога Йорка и его гибель.	
1461	Ланкастерцы наступают на Лондон. Во второй битве при Сент-Олбенсе Уорвик разбит. Лондон не впускает войско королевы в свои стены. В битве при Таутоне йоркисты разбивают северян. 4 марта сын Ричарда Йорка – Эдуард становится королем. Новая – Йоркская династия .	Победа Эдуарда IV в "Нортумберлендской войне".
1462	Маргарита с помощью Франции и Шотландии ведет войну на севере ("Нортумберлендская война").	
1463	Ланкастерцы терпят неудачи. Шотландцы заключают перемирие (9 декабря).	
1464	Победы йоркистов при Хаджеле Мур (апрель), и Хексеме (май). Маргарита бежит во Францию. Генрих Бьюфорт казнен. Людовик XI Французский заключает с Эдуардом IV мир на 15 лет. Эдуард женится на Елизавете Вудвиль.	
1465	Пленен Генрих VI. Стабильное положение в стране.	
1466	Мирное положение в стране.	Гегемония Ричарда Уорвика. Победа над Уорвиком при Эджкоте.
1467	Эдуард IV принимает меры по ограничению мощи Уорвика, через парламент[8]. Раскол йоркистов на "вудвилистов" и "невилистов".	
1468	Сестра Эдуарда IV Маргарита вышла замуж за Карла Смелого. Парламент дал денег на подготовку войны с Францией. Неудачная атака Джаспера Тюдора в Уэльсе, приближенного Маргариты Анжуйской.	

Таутона

1469	Восстание Робина из Ридесдейля, агента Уорвика, на севере страны. Северяне разбили при Эджкоте (Оксфордшир) уэльское ополчение Эдуарда IV (26 июля). Совет знати (ноябрь) возвращает власть Эдуарду IV.	
1470	Восстание в Линкольншире (март). Победа Эдуарда IV. Объединив силы, Уорвик и Маргарита свергли Эдуарда (3 октября он бежит в Нидерланды). Уорвик занял Лондон и возвратил власть Генриху VI.	
1471	Возвращение Эдуарда IV. Победа при Барнеме (апрель) и убийство Уорвика. Решающая победа при Тьюксбери над войсками Маргариты (В обоих случаях Ричард, младший брат Эдуарда IV, сыграл решающую роль). Убийство Генриха VI и его сына Эдуарда. Маргарита в плену. Конец Ланкастерской династии.	Победа Эдуарда при Барнеме. Разгром невилистов.
1472	Распри Ричарда Глостера и Георга Кларенса из-за наследства Уорвика. Женитьба Ричарда на дочери Уорвика Анне. Он становится наместником севера Англии.	
1473	В стране спокойно. Мирный договор с Ганзой.	
1474	Стабильно все и везде.	
1475	Поход во Францию. Мир в Пиквиньи - французы платят за мир большие деньги.	
1476	Стабильное положение. Укрепление госаппарата. Начало абсолютизма	Мир в Англии. «Самодержавие» Эдуарда IV.
1477		
1478		
1479		
1480		
1481	Поход в Шотландию. Победа англичан. В стране стабильно.	Битва при Босворте. Поражение Йорков. Установление династии Генриха VII Тюдора.
1482	Ричард Глостер берет у шотландцев крепость Бервик. В стране стабильно.	
1483	Смерть Эдуарда IV. Захват власти Ричардом (24 июня). Гибель советников Эдуарда IV. Убийство сыновей Эдуарда.	
1484	Положение государства стабильно. Объединяются все обиженные - "вудвилисты", "йоркисты", "ланкастерцы" - против тирана Ричарда III.	

1485	Генрих Тюдор возглавляет армию против Ричарда III. Гибель Ричарда III при Босворте. Генрих VII Тюдор – король Англии (1485-1509 гг.). Династия Тюдоров (1485-1603 гг.).	
1486	Мелкие волнения.	Битва при Стоуке. Укрепление власти Генриха Тюдора.
1487	Поход йоркистов из Ирландии на Лондон. Разбиты Генрихом VII при Стоуке (Линкольншир).	
1488	Положение стабилизируется, кроме севера.	
1489	Восстание в Йоркшире социального характера. Подавлено.	
1490	Укрепление государственной власти.	
1491	Сепаратистское движение в Ирландии. Появление самозванца Перкина Варбека.	Первые атаки Перкина (1493).
1492	В стране спокойно. Маргарита Бургундская поддерживает Перкина Варбека.	
1493	В стране спокойно.	
1494	В стране спокойно.	
1495	Заговор Стенли против Генриха VII. Десант в Кенте неудачен. Осада Уотерфорда (Ирландия) Перкином Варбеком.	
1496	Вторжение шотландцев и наемников Перкина на север Англии. Разбиты.	Победа над повстанцами. Казнь Перкина Варбека
1497	Восстание на юго-западе Англии (май-июнь). Перкин присоединяется к восставшим (сентябрь). Перкин взят в плен и казнен.	
1498	Стабильное положение в стране.	
1499		
1500		
1501	Стабильное положение в стране.	
1502	Заговор графа Сеффолка и Джемса Тиррела остаточного характера и безнадежный. Последняя и решающая победа Генриха Тюдора.	

Если попытаться обобщить приведенные факты политической истории за 140 лет (1360-1500), то можно получить довольно "красноречивый" график.

График № 1

Динамика политической жизни в Англии 1360 - 1500 гг.

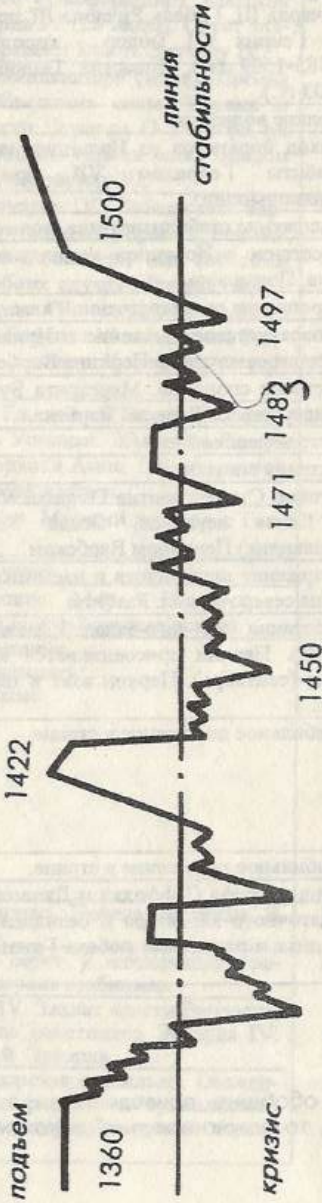

График показывает, что периоды стабильного развития (стагнации) перемежались в истории Англии с периодами интенсификации общественной жизни (кризисами), чтобы объяснить причины этих сложных явлений необходимо провести элементарную логическую операцию: периодизировать полученный материал фактов. Однако здесь сразу же возникает вопрос о принципах периодизации. Обычно периодизация ориентирована на события, т.е. тот или иной исторический отрезок времени делится по разнохарактерности групп событий, происшедших на его протяжении. Но известен и другой принцип хронологической группировки - по людям. Принцип этот достаточно древен. Во всяком случае, все средневековые летописцы (хронисты) организовывали историческое время по "королям" (например: седьмой год правления Генриха IV, девятый год Эдуарда IV и т.д.). Хронологи христианских стран или государств, жители которых исповедуют ислам, своими исходными датами имеют также личностное начало (Рождество Иисуса Христа, Хиджру пророка Мохаммеда). Рассматривая факты английской истории XIV-XV вв., невольно приходишь к заключению, что личностные факторы, иначе - субъективные факторы, определяли политическое развитие английского общества позднего средневековья. Фиксированный нами график может быть проведен через анализ движения (и смены, конечно) поколений феодальной политической элиты. Степень динамизма общественной жизни в островном государстве, вектор социальной динамики определялся волевыми усилиями выдвигавшихся на авансцену общественно-политической жизни элитарных групп, реже - одной элитарной группы. Позиция же этих групп определялась их менталитетом, т.е. группой идей (может быть, точнее – концептов, концептуальных идей) которые определяли и регулировали их политическое поведение. Несомненно, эти политические концепты возникали в головах элитарных руководителей под воздействием различных факторов, в том числе - экономических. Но концептуальное осмысление и переложение внешне воздействующих, объективно существующих обстоятельств не было механическим. "Человеческие факторы" действовали как разнообразный, порой сложный комплекс личностных, интеллектуальных и психических характеристик и взаимодействий. Опосредовал эти индивидуальности, создавая более или менее однородную матрицу, на наш взгляд принцип общности одного, данного поколения, отмежевывавший его от других, ранних или позднейших поколений. Необходимо сделать два замечания: элитарная концептуальность зависела от общественного мнения более широких слоев населения, а также в какой-то мере, определяемой исторически (эмпирически) от интеллектуально-психических характеристик их лидеров. Элита, логически рассуждая, могла быть единой и расколотой на фракции (две или больше). Степень зависимости ее от общественного мнения других составных частей общественного организма была обратно пропорциональна интенсивности центростремительных тенденций внутри элиты, т.е., чем сплоченнее элита, тем менее она зависит от внешних общественных влияний, и наоборот... С другой стороны, общественное мнение редко бывает единым. Напротив: стремления (чаяния) различных общественных слоев достаточно разнообразны. Искусство управления социальными процессами со стороны элиты (элитных групп) как раз и состоит в умении разобщать и сталкивать друг с другом классовые (сословные) подразделения неэлитарного населения, иначе - простого народа. Консолидация общественного мнения чревата для элиты на-

рушением того баланса сил, который поддерживает общественную иерархию и ее "элитную" позицию вверху этой иерархии.

Последнее: сила "элиты" во многом определяется ее лидером (лидерами) - формальными (король) и неформальными (знатный лорд, член королевского дома, глава церковной иерархии и др.). Специфика феодальных отношений состоит в том, что лидер, особенно - имеющий формально высокий сан, является особенно значимой величиной. Но его воля не может еще быть сильнее менталитета и воли окружавшей его элиты, т.е. феодальной знати, противопоставить которой эффективно в тех условиях какие-то иные силы из более низких слоев населения ему не удается - это дело будущего, хотя уже недалекого.

Наложение нашей теоретической модели на собранные конкретно-исторические факты позволило получить определенные результаты.

Первое политическое поколение, с которым мы сталкиваемся в 60-е гг. XIV века - это элита, объединившаяся вокруг Эдуарда и выработавшая под его влиянием определенные принципы (концепты) политического поведения. Это была агрессивная военная элита - жадная, жестокая, неразборчивая в средствах. Успех в военных действиях на территории Франции, крупнейшего государства тогдашней Европы, окрылил ее, вызвал гипертрофированный рост ее амбиций, причем эта военно-агрессивная амбициозность проникла глубоко в недра английского общества - вплоть до самых низов. Несомненно, что лучники островитян были лучшими в Европе, что неудивительно. Удивительно, что английские рыцарские дружины не имели на время того поколения себе равных на западе континента. Об этом свидетельствуют победы английского оружия в Бретани[9], Испании[10], Италии. Некая "Большая компания" безнаказанно свирепствовала, вызывая ужас мирных обывателей, в центральной части Франции, оставшейся под контролем французского королевского дома Валуа. Другая "Белая компания", т.е. одетая в белую униформу, во главе с рыцарем Джоном Хоквудом (т.е. лесным ястребом) перешла Альпы, став первой и лучшей дружиной итальянских наемников (кондотьеров) в Италии[11].

«Все дурное является продолжением хорошего», - гласит известная поговорка, - «и его искажением». Английский призыв на войну в богатые континентальные земли породил наемничество, сделав военную службу делом прибыльным, хотя, естественно, не безопасным. Деньги, платившиеся солдату, оттеснили на второй (или даже третий) план понятие чести, верности родной земле, ее монарху и многому другому. Поэтому немало англичан переходили на службу к бывшим врагам - французам[12]. Главное же состояло в том, что Столетняя война создала и укоренила систему частных дружин (ливрей - liveries), раньше неизвестную в Англии. Под предлогом помощи королю во «французской войне»

Островные феодалы стали создавать свои частные военные отряды, оплачивая их чаще всего за счет военной добычи. Наемники получали особую форму (livery), особые значки (badges), т.е. знаки отличия, и, конечно, оружие. Впрочем, часто какая-то часть оружия: лук и стрелы были личным (или семейным) достоянием. Постепенно, руководители этих наемных дружин забывали первоначальные цели, ради которых они надели ливрею, и стали использовать свои силы для реализации частных или частно-групповых интересов. В Англии стал развиваться «бастардный» ("bastard"- незаконнорожденный) феодализм. «Бастардные» «ливреи» уже не воевали за дело Эдуарда III, а воевали за свои интересы, имевшие чаще всего мало общего с нуждами островного королевства и его монарха. Частные ливреи незаконнорожденного, а частью преступного происхождения подорвали военную мощь Англии. Больше того, вынудили французов, впервые в истории, объединиться во имя защиты общих, национальных интересов... Можно сказать конкретнее: воинственная самоуверенность знатных английских феодалов (графов, баронов и др.)[13], пренебрегавших элементарными приемами «народной» дипломатии и делавших ставку на вооруженной террор озлобляла населения подчиненных ими французских областей и провоцировала возмущение в различных слоях населения, включая и тех, которые дотоле оставались вне политических интересов. 1369 год оказался поворотным. Неудачи[14] английского экспедиционного корпуса в Испании, утомленного многолетней войной в непривычных условиях северокастильского высокогорья или Наваррских гор, заставили увеличить налоговые тяготы на население подвластных английским феодалам юго-западных областей Франции. Ответом были различные формы протеста - вплоть до восстаний. Антианглийское восстание вспыхнуло в Лиможе и других городах. Кровавая бойня в Лиможе, учиненная гордыми британцами, только усугубила ситуацию. Один город восставал за другим. Реорганизованная французская армия во главе со способным полководцем Бертраном Дюгекленом разработала новую, соответствовавшую обстановке, особенностям народной войны стратегию. Французы избегали крупных сражений, но беспощадно истребляли мелкие отряды оккупантов, их обозы, подкрепления, арьергарды и др. Против «лома» народной войны островные командиры не нашли эффективного «приема». Наиболее ярко стратегия изматывания грозного врага в мелких стычках проявилась во время «рейда» Джона, герцога Ланкастера, летом-осенью 1373 гг. За пять месяцев англичане пересекли Францию с северо-востока (от Кале) до юго-запада (Бордо), уничтожив десятки городов, многие сотни селений и не одну тысячу людей, но Дюгеклен так и не вышел на «открытый» бой ... Тем не менее, англичане потеряли убитыми большую часть войска, остальные были ранены и истощены физически и морально. Остатки английских войск пришлось эвакуировать в британские порты. К середине 1374 г. на юго-западе Франции англичане удерживали лишь города Бордо и Байонну и узкую прибрежную полосу между ними - знаменитые песчаные Ланды, еще малонаселенные в то время. На севере за британскими баронами остался лишь Кале с несколькими укрепленными аванпостами (фортами).

1375-1377 гг. - явились годами перемирия.

Позднее война возобновилась, но уже на море и английских берегах. Несколько французских десантов опустошили южные и восточные порты острова. Заговорили о крупном вторжении французских войск на остров.

Продолжению войны в прежних масштабах и непримиримостью, уверенных в победе людей, помешала смена поколений. В 1377 г. умирает после тяжелой болезни Эдуард «Черный принц» Уэльский, опора своего престарелого отца. Через несколько месяцев (1378 г.) Англия хоронит Эдуарда III. В 1380 г. Франция лишилась Карла V, восстановителя ее мощи. Немощь, иные политические интересы уводят со сцены военно-политического театра Джона Ланкастера, Бертрана Дюгеклена, их соратников и подчиненных. Появляются новые фигуры в политике - Ричард II (1367 года рождения) Английский и Карл VI Французский. Оба человека со слабыми задатками поли-

тиков и полководцев. Оба - со слабой психикой. Через несколько лет Карл VI будет признан сумасшедшим, так сказать, официально. «Неуравновешенность» (?) Ричарда II также станет причиной многих неурядиц и его личной трагедией (в 1399 г. он потерял трон, в 1400 г. - жизнь).

Кроме того, кризисные явления в политике обоих государств, приводят к более глубоким и опасным социальным процессам. Прежде всего, назовем народное движение в Англии 1381 г. и последующих лет[15], восстание фландрских городов[16], а также восстание в Руане в 1382 году[17]. Упорядочение социальной жизни, «утишение» городской и сельской «черни» требовало времени и сил.

Но, пожалуй, более серьезным и долго действующим фактором стала борьба внутри феодальных элит за контроль над главным богатством - землей, за главным доходным источником - королевской казной. Борьба эта имела быть и во Франции, и в Англии. По характеру они схожи, похожи и монотонны в своих деталях...

В островном королевстве за власть с приближенными молодого короля сражался могущественный блок из представителей самых знатных семей королевства. Среди них младший дядя Ричарда II Томас Вудсток, Томас Бьючемп, граф Уорвик (Warwick), два брата Арундел (из древнего рода Фицалленов) - Ричард, носивший соответствующий графский титул, и Томас, видный церковный иерарх, архиепископ Йоркский, позднее (с 1396 г.) Кентерберийский. Они присвоили себе трудно объяснимый в рамках русской речи титул «аппелланты». С переменным успехом соперничество «аппеллирующих» лордов и королевского двора длилось полтора десятка лет, и закончились гибелью знатных лордов и установлением на краткий срок неограниченного (историки чаще употребляют понятие «тираническое»[18]) правления.

Верхушечные внутриэлитарные разборки и социальные конфликты (riots, rebellions, revolts) парализовали во многом агрессивные намерения как английских, так и французских феодалов. Больше того, королевские дворы того и другого государства, дабы укрепить свои властные функции, встали на путь замирения ценой взаимных уступок. Компромисс, как казалось, был достигнут в 1396 году, когда было оформлено перемирие между обоими государствами на двадцать восемь лет, а главное заключен брачный контракт между Ричардом II и малолетней дочерью Карла VI Французского, с существенной оговоркой - дети от этого брака не могли претендовать на французский престол. Это был успех дипломатов Генриха VI Валуа. Но не единственный: Ричард II увел английские гарнизоны из Бреста и Шербура (Шербурга), передав их, правда, не самому французскому королю, а его вассалам, т.е. соответственно герцогу Бретани и королю Наварры[19]. Капитулянтская позиция «миролюбивого» Ричарда, попытка его с помощью французов расширить свою власть в собственной стране были осуждены, причем не только знатью, но и представителями средних слоев (рыцарством, верхушкой городов). Кризисные явления в Англии обострились. Их результатом было выдвижение на передний рубеж английской политики Генриха, сына герцога Ланкастера Джона (Гонта), и население страны в 1399 году поддержало Генриха. Ричард II, армия которого разбежалась, был взят в плен (1399 г.) и вскоре погиб (1400 г.) В Англии династию Плантагенетов, последним представителем которой считают Ричарда II, сменили потомки великого Джона Ланкастера. Эта династия стала называться ланкастерской.

Смена королей не принесло Англии немедленного мира. Однако Генриху IV удалось ценой колоссальных усилий и практически собственной жизни (весной 1407 г., как раз когда он победил своих врагов, его настигла неизлечимая болезнь) удалось стабилизировать положение в завоеванном королевстве. Отметим, что усиливавшееся сумасшествие его континентального визави Карла VI, наоборот, ухудшило положение во Франции. Элитарные распри, разыгравшиеся вокруг трона больного «Валуа», истощали ресурсы казны, дезорганизовывали ее оборонные ресурсы. Поэтому к началу второго десятилетия XV в. английская монархия пришла с большими плюсами, а двор Карла VI вынужден был подсчитывать убытки, как в сфере государственных финансов, так и в военной организации. Возвращаясь вспять, отметим, что поначалу у Генриха IV проблемы были намного сложнее, чем у короля Франции. Это и национально-освободительное по своему характеру, хотя и в феодальных формах восстание в Уэльсе во главе с Оуэном Глендоуэром, и оппозиция могущественных магнатов северной (шотландской) границы из дома Перси, и, наконец, движение лоллардов, лозунги которых о секуляризации[20] церковных имуществ ставили перед государственной властью проблемы социального и экономического планов. Консолидации государственных институтов и общественных сил способствовал, так называемый, «ланкастерский эксперимент». Суть его - в максимальном использовании парламентских правительственных учреждений в решении различных государственных проблем - в это время главным образом конкретно-ситуативных.

Ричард II и Генрих IV - казалось бы по характеру и, возможно, по таланту разные величины на политическом Олимпе английского королевства, но это различие внешнее. Внутренне они принадлежат к одной элитарной генерации. Это не агрессоры, не авантюристы. Их стремления - на порядок скромнее, чем у предшествующего политического поколения. Они борются за власть - причем далеко не всегда успешно - внутри собственного государства и, так сказать, в своих исконных колониях: Ирландия и Уэльс... Бедность казны, отсутствие достаточной военной опоры побуждает обоих английских королей искать противовес своим соперникам из ближайшего элитарного круга, которые сумели окружить себя многочисленными ливреями, использовать парламентских "рыцарей" и "горожан" в качестве реферирующей силы. Несмело, «ощупью» можно сказать, они пытаются найти опору королевским прерогативам в «общинах», т.е. среди мелких феодалов (их стали называть «джентри») и богатых горожан. Эта политика вела к тому, что сословно-представительные учреждения Англии вступают в полосу своего высшего развития, равно как и соответствующие ситуации в центре местные судебные и, в меньшей степени, административные органы.

На смену элите Эдуарда III, элите завоевателей и победителей, людей со всеевропейским мышлением, пришли элитарные политики более узких интересов. Государственники-сколидомы. «Политичные» - осторожные вплоть до трусости.

Но к власти в Англии пришел второй Ланкастер Генрих V и с ним у руля государственного кормила встала новая генерация феодальной элиты английского королевства. Это она, защищая не очень-то «легитимного» Генриха IV, подавила восстания северян и валлийцев, утихомирила шотландцев и загнала религиозных реформаторов (лоллардов) в подполье. Именно двор принца, а позднее короля Генриха V выдвинул «национальную» программу,

на знамени которой было написано «война». Отвергнув идею «обеднения» английской церкви во имя дворянства и других «средних классов», они предложили консолидировавшую (национально-консолидировавшую) идею возвращения во Францию с ее тучными нивами и наполненными всяческим скарбом городами. Английский Давид вновь готовился вступить в схватку с материковым Голиафом[21]. Можно сказать иначе: внуки, подарив презрительные улыбки своим трезво мыслящим отцам, отправились по стопам своих славных дедов за титулами и богатством.

* * *

1411 г. стал годом очередного резкого изменения монотонно текущего политического процесса. Во Франции долго тлевшие костры феодальных противоречий и распрей слились в мощный пожар феодальной войны двух магнатских клик[22]: «Бургундцев», т.е. приверженцев герцогского дома Бургундии, и «Арманьяков», знатного дома из южной Франции. Генрих Ланкастер (на тот момент еще принц Уэльский, королем он станет в 1413 г., когда умрет его тяжело больной отец) и его друзья не упустили шанса погреть себе руки у чужого огня. Возглавленный принцем отряд принял участие в боях на стороне герцога Бургундии против Арманьяков. Успех пусть еще скромный, оказался на стороне англичан и их союзников - бургундцев. Военные победы привели к возникновению взаимовыгодного союза, а это изменяло баланс сил не в пользу политически плохо организованного двора больного Карла VI Французского.

В сентябре 1414 г. «большой» совет английской знати решился на «большую» войну на континенте. В ноябре того же года добро было получено у парламента. Генрих V нашел нужным лично выступить перед лондонской знатью и получить ее поддержку.

11 августа 1415 г., переправившись через водное пространство между британским островом и французским берегом, весьма многочисленная английская армия - современники называют разные цифры до 30 000 бойцов и обслуги (?) - высадилась в устье р. Сены. 25 октября того же года экспедиционный корпус англичан разгромил французское рыцарское ополчение в сражении при деревушке Азенкур. За Азенкуром последовали новые успехи - порой, казалось бы, все решавшие. В мае 1418 г. союзник англичан бургундский герцог Жан (Иоанн Бесстрашный) взял Париж, к декабрю 1419 г. в руках англичан оказалась богатейшая провинция французского королевства Нормандия (столица провинции Руан сдалась к концу декабря). Были и другие успехи ....

За военными успехами пошли политические. После длительных переговоров, которые была вынуждена начать с англичанами королева Изабелла, супруга больного Карла VI Валуа, в г. Труа в мае 1420 г. был заключен «мирный» договор, отдававший французское королевство в руки Генриха V. По условиям договора в Труа он объявлялся наследником больного французского короля. Наследник безумного Карла VI - дофин Карл, будущий король Франции Карл VII объявлялся незаконнорожденным (батардом, бастардом), а потому лишенным наследства. Генрих V брал в жены дочь Карла VI Валуа Екатерину, чем подкреплялись его претензии на французскую корону.

Гибель Генриха V в 1422 г.[23] явилась для оккупационной армии англичан трагическим событием, но не фатальным. Дело умершего продолжили с успехом его братья Джон, герцог Бедфорд, и Гемфри, герцог Глостер. Первый

из них стал старшим регентом, управлявшим французскими землями. Гемфри правил в Англии, но как второй после Джона человек в государстве. Оставались и другие знатные и талантливые командиры, еще много было знаменитых в боях и беззаветно верящих в свою фортуну солдат.

К концу 20-х гг. XV в. дофин Карл контролировал меньше трети территории своего государства к югу от р. Луара. Англичане осаждали последний крупный город центральной Франции, находившийся в его руках. Эти факты достаточно известны. Как известно и другое: возрождение мощи дома Валуа началось с победы французских войск в мае 1429 г. под Орлеаном после того как во главе них встала «орлеанская дева» Жанна д' Арк. Затем армия «девственницы», двигаясь на северо-восток, взяла Труа и Реймс. В последнем дофин Карл после торжественной церемонии стал королем, получив седьмой номер (Карл VII).

В литературе обычно считаются эти успехи французского оружия, инспирированные «Девой», как решающие. Однако это не совсем так. Уже в 1430 г. бургундские союзники перешли в наступление и осадили Компьен. Под его стенами и была пленена Жанна (23 мая 1430 г.)[24]. В 1431 г. англичане провели коронацию Генриха VI Английского в Париже. Решительный перелом наступил в 1435 г. Международная конференция в Аррасе, собранная по инициативе римского папы, не поддержала претензий Ланкастеров на французскую корону. Больше того, Карл VII подписал договор с герцогом Бургундии Филиппом, по которому последний согласился подчиниться французскому королю (признал свою вассальную зависимость от него) и выступить совместно с ним против англичан. "Совет в Аррасе был поворотным пунктом английской истории XV века"[25]. Действительно, на следующий год при поддержке своего нового вассала Карл VII вернулся со своим двором в Париж...

Однако за внешней канвой политического процесса следует разглядеть глубинные факторы ослабления английских сил. Выше уже писалось о преемственности поколений дедов и внуков. Однако если дела у внуков были те же, что и у их дальних предков, средства, которыми они мыслили достигнуть этих целей, были совсем иными. Благородные рыцарские идеалы умерли - наемничество изменило сам "дух войны". Ярчайший пример: в ходе битвы при Азенкуре Генрих V истребил безоружных военнопленных... Насилия, грабежи, вероломства, алчность без предела, сексуальное насилие - все эти прелести в наемных войсках расцвели пышным цветом. Опустошались целые области. В ответ мирные люди французских сел и городов брались за оружие и били пришельцев (оккупантов) по одиночке, истребляли малыми группами. Этот народный подъем усилился благодаря энергии и бесстрашию Жанны д' Арк. Вспомним знаменитое в нашей истории выражение - "дубина народной войны". Вот эта дубина истребила - во всяком случае, истребила в значительных размерах - "живую" силу англичан. Чем дальше шла война, тем чаще в документах встречаются жалобы островных полководцев на недостаток солдат разных категорий - лучников, конницы и др. К концу 30-х гг. началась "смена караула" и среди военачальников и между высшими советниками государства.

Смена поколений затянулась в данном случае на двенадцать лет. Осенью 1435 года умер глава правительства Джон Ланкастер (Джон II), герцог Бедфорд. В 1447 г. с разницей в несколько месяцев ушли из жизни великий канцлер Генриха V епископ Винчестера Генрих Бофор (Бьюфорт) и самый

младший брат великого Генриха герцог Глостер Гемфри. Выдвигаются новые люди, которые свертывали боевые знамена, искали компромисса, договорных отношений с непримиримым прежним врагом. Примирение с Францией диктовалось и ситуацией внутри английского королевства. Подросший Генрих VI был, как говорится, "не в отца", править самостоятельно у него не получалось. Он становится игрушкой в руках своих приближенных. После смерти Бедфорда в конце 30- 40-х гг. в английской феодальной знати произошла кристаллизация двух феодальных клик из честолюбивых представителей следующего поколения. Одна из них, получившая со временем название "ланкастерской партии", включала в себя в качестве лидеров представителя "боковой" ветви потомков Джона I Ланкастера - Эдмунда Бьюфорта, герцога Сомерсета и Уильяма Пула (Поля, де ля), породнившегося с королевской семьей, потомка удачливого йоркширского купца. Он приобрел по праву жены титул герцога Сеффолка. К ним примыкали влиятельный на севере графский дом Перси и полдюжины других магнатских семей. Но лидеров было двое. Эдмунд был ближайшим родственником молодого короля - его сводным двоюродным братом. Влияние Уильяма Пула, талантливого и беспринципного дипломата и лидера "миротворческой партии", было не меньшим, особенно после того как он в 1444 г. договорился с французами о прекращении военных действий и сосватал королю Маргариту, дочь одного из французских феодалов графа Анжу Рене, родственника Карла Валуа. Рене, кроме графского, носил два королевских титула - короля Сицилии и Иерусалимского короля Но к 1444 г., когда заключался брачный контракт, его королевские и графские титулы не имели под собой материальной основы - в Иерусалиме правили египетские мамлюки, в Сицилии - короли испанского королевства Арагон, а на землях графства Анжу, в частности, в области Мэн стояли английские гарнизоны. По условиям брачного контракта Рене "в обмен" на красавицу-дочь вернул себе северную часть графства Анжу (Мэн) с ее неприступными крепостями, защищавшими жемчужину владений Ланкастеров на материке - область Нормандию. Пройдет меньше пяти лет и за столь "предательскую" сделку Уильям Пул будет обвинен парламентом в государственной измене (high treason) и вскоре лишится головы (2 мая 1450 года). Однако, прежде чем произошли столь трагические события, Маргарита, эксплуатируя привязанность своего неумного мужа, с помощью Бьюфорта и Пула попыталась разгромить оппозицию и взять власть в стране.

Йоркская оппозиция возглавлялась последним сыном Генриха IV Гемфри, герцогом Глостером и Ричардом, герцогом Йорком, генеалогические права которого по нормам действовавшей тогда общеевропейской феодально-иерархической традиции (может быть, лучше сказать - обычая или обычного права) выглядели предпочтительнее, чем у правящего монарха Генриха VI Ланкастера (см. генеалогическую таблицу).

1447 г. принес партии Маргариты Анжуйской, казалось, решающий успех. Гемфри Глостер умер при загадочных обстоятельствах, а Ричард Йорк был отправлен в почетную ссылку правителем Ирландии. Другие оппозиционеры разъехались по своим сельским замкам... без протеста, пока. Пользуясь случаем, правительство Генриха VI реализовало важнейшее условие брачного контракта - передало французам область Мэн (конец 1447 - начало 1448 гг.). Но этого "ланкастерцам" показалось недостаточным... Нормандские крепости не укреплялись. Гарнизоны не имели самого необходи-

мого. Военное преимущество французов росло, возможности противостоять их мощи у англичан неуклонно уменьшались. Создается впечатление, что это делалось сознательно. Вероятно, готовясь к решающим схваткам за власть в Англии, если не все, то какая-то часть ланкастерцев, в первую очередь Уильям Пул, решили обеспечить себе французскую помощь путем предательства государственных интересов.

Развязка англо-французского соперничества свершилась в 1449-1450 гг., когда после провокационного нападения одного из английских отрядов (во главе его стоял иностранец) на бретонскую крепость, Карл VII разорвал договор о перемирии и двинул войско на завоевание Нормандии... Основные крепости провинции были взяты в 1449 г. Весной следующего года у местечка Форминьи был разбит английский экспедиционный корпус. В 1450 г. французы одержали решающие победы на юго-западе, хотя боевые действия здесь продолжались до осени 1453 г. Именно последняя дата (1453) считается концом Столетней войны (1337 - 1453).

Военные неудачи элиты, как правило, не проходят мимо широких слоев населения, вызывая всплески патриотических настроений, а порой и действий. Так было на рубеже 70-80-х гг. XIV в., так произошло и в 1450 г. Страну потряс мощный взрыв социального недовольства, исходным мотивом которого стало предательство во Франции правящих кругов и королевы-француженки.

Восстание Джека Кэда и сопутствовавшие ему выступления подорвало власть ланкастерской партии. Оппозиция йоркистов, используя ослабление своих соперников, развернула крупномасштабную борьбу за власть. Английское общество замкнулось в себе. Внутри него происходили тяжелые кризисные процессы, получившие у историков красивое имя "войны Алой и Белой розы"[26]. Действительно, алого цвета было в жизни этого поколения английской элиты немало - о кровавых деяниях магнатов и их ливрей можно исписать не одну страницу, а вот белый цвет, символизирующий чистоту мыслей и дел найти очень трудно. Двадцатилетняя внутренняя война, привела к деморализации верхушечных слоев английского общества, измельчению их ментальных оценок и эмоциональных устремлений.

Вот краткая хроника событий...

В сентябре 1450 г., когда наиболее революционно настроенные бойцы разбитого в июле на Лондонском мосту войска Кэда вновь собрались под знаменем "второго" капитана Кента Уильяма Парминтера, герцог Йорк покинул место своей ссылки - Ирландию - и высадился с небольшой дружиной на территории Англии. Ни приказы короля, ни высланные ему навстречу вооруженные отряды не остановили его. Увеличив свою дружину до 4000 человек, он 20 сентября вступил в Лондон и предъявил Генриху VI свой "билль", в котором требовал передачи ему власти и наказания его врагов как государственных изменников. По нашему мнению, именно это событие следует признать исходным моментом "войны Алой и Белой розы". Сражение у Сент Олбенса 22 мая 1455 г., которое считают началом этой войны, не внесло ничего качественно нового в развернувшуюся долголетнюю борьбу. Уже дважды до него - в сентябре 1450 г. и феврале 1452 г. - герцог Йорк пытался вооруженной рукой проложить себе дорогу к власти. Лозунг отстранения Сомерсета и его сторонников от королевского совета был выдвинут впервые, как только что указывалось, в 1450 году, а не в 1455 г. Как и в 1455, в 1450 и 1452 гг. противодействие короля и возможность воору-

женного столкновения с его армией не испугали руководство йоркской партии. И если герцогу Йорку до 1455 года не удавалось устроить массовой резни своих врагов, то это не его вина. Не были значительны и исторические последствия битвы при Сент Олбенсе. Вопрос о смене династии даже не ставился, а свое господство в государственном аппарате победители сумели сохранить лишь в течение 7 месяцев.

Среди английских историков (Стаббс, Тернер, Мортон) распространено мнение, что йоркская партия была более прогрессивной, чем ланкастерская. Эта точка зрения принята и в нашей учебной литературе, в которой подчеркивается тесная связь Йорка с "новым" дворянством и горожанами. Эти взгляды не находят подтверждения при анализе исторических документов. Обе враждующие партии являются выразителями и защитниками одного элитного класса Англии, только двух его фракций, различавшихся между собой не больше, чем розы их гербов.

Разнузданный "военный" грабеж, массовые "законные" конфискации земли и имущества побежденных врагов, раздел между "друзьями" высших государственных постов и установление неограниченного контроля над государственными доходами - вот чем сопровождался каждый из пяти переворотов 50-х гг. XV в.

Йоркские главари, борясь с реакционным ланкастерским режимом, действовали на протяжении 1450-1459 гг. как типичные феодальные бунтовщики. В их программе тех лет мы не видим ни строчки, как-либо отражающей интересы широких социальных слоев английского населения. Лишь полный разгром под Ладлоу в 1459 г. заставил наиболее молодых и гибких вождей йоркской партии (Ричарда Уорвика и Эдуарда Йорка) искать поддержку в рядах местного дворянства и йоменства английских графств и торгово-ремесленной верхушки городов, выдвинув некоторые лозунги кэдовского восстания. Это сложившийся в первые месяцы 1460 г. союз и позволил им в течение следующего двухлетия одержать решающую победу над их врагами и, прекратив смену феодальных правительств в стране, возвести на королевский трон Эдуарда Йорка.

Что касается географического расположения районов с преобладающим влиянием той или иной партии (см. карту 3), то здесь общепринятая схема Стаббса также нуждается в исправлении. Основной опорной базой йоркистского движения на протяжении 1450-1461 гг. являлись не восточные графства и Лондон, а пограничные с Уэльсом районы Англии (графства Шропшир, Герифордшир и частично - Уорвикшир и Вустершир), а также Северный Уэльс и его пограничье с находящимися здесь крепостями - Вигмор, Ладлоу, Уорвик, Дэнби, Кармартен и др. Именно здесь Йорк собирает свои ударные силы в 1450, 1451-1452, 1455, 1459 гг. Сюда же он скрывается после неудач 1452, 1454, 1456 гг. В противовес ему король опирается на графства центральной Англии - Лейстершир, Нортгемптоншир, Оксфорд, Бедфордшир и Бекингемшир. Крепости Кенилворт, Виндзор, города Лейстер, Нортгемптон, Ковентри - вот где чаще всего застаем мы в эти годы королевский двор Генриха VI, здесь он собирает ополчения, в эти пункты прибывают на совет магнаты и созываются парламенты. Юг Уэльса, где находились обширные поместья фамилии Тюдоров, как и дворянство графства Чешир, были верной опорой ланкастерской династии. Северные, ближайшие к Шотландии графства находились в руках союзников королевского правительства - семей Перси, лорда Клиффорда и др. Крупнейшее графство Англии - Йоркшир - и смежные районы Дербишира и Линкольншира служили ареной упорной борьбы крупнейших магнатских фамилий враждовавших партий - Невилей и Перси, маноры и земли которых здесь были разбросаны чересполосно. Другим районом, где кипела местная кровавая война, был юго-запад Англии (графства Девоншир, Сомерсет, Дорсет). Хотя и граф Девоншир и лорд Бонвиль систематически меняли своих покровителей в лице Йорка и короля, тем не менее, они никогда не оказывались вместе под одними знаменами. На востоке "твердо йоркским" мы можем признать, пожалуй, лишь графство Норфолк, где герцог Джон Моубрей имел многочисленных сторонников среди местного дворянства. Но престарелый герцог Джон был скорее умеренным союзником, чем ведущим лидером партии, который лишь один раз - в ноябре 1453 года взял на себя первую роль в обвинении Сомерсета. Джентри же и горожане юго-восточных графств - Сеффолка, Эссекса, Миддлсекса, Серри, Кента - и Лондона на протяжении 10 лет, начиная с восстания Кеда, относились враждебно к ланкастерцам, но лишь в начале (лето 1450 г.) и в конце (1460-1461 гг.) шли за йоркскими главарями, причем и в том и в другом случае их поддержка одной из враждующих партий оказывалась решающей в борьбе. Юго-восток страны, как наиболее многолюдный и экономически развитый район, был той областью, где за преобладание боролись обе партии и где они чаще, чем в других местах Англии, сталкивались с самостоятельным политическим движением среди джентри и городской буржуазии. В этом, а не в йоркских симпатиях, специфика его политического лица в борьбе тех дней.

К лету 1461 года йоркская партия, которую после гибели Ричарда Йорка возглавляли его сын Эдуард и Ричард Невиль, граф Уорвик, полностью овладела властью почти на всей территории Англии. Лишь на севере в Нортумберленде, и в Северном Уэльсе, возле крепости Харлех, борьба с остатками дружин баронов ланкастерской партии продолжалась еще в течение ряда лет (до 1464 г.). Семейство Йорка - сыновья Эдуард, Георг (Джордж) и Ричард, а также семья Ричарда Невиля, их знатные и не очень знатные клиенты, составили новое поколение элитной части общественной структуры Англии. Мелочность их эгоистических устремлений сочеталась с жестокостью и кровожадностью, не имевших аналогий в истории островного королевства феодальной поры.

Во время ожесточенной борьбы с Ланкастерами Эдуард Йорк и его сторонники не скупились на обещания различным группам населения Англии. Однако после того, как власть оказалась в их руках, они забыли свои декларации. Победа йоркской партии не принесла облегчения ни английскому "новому" дворянству, ни йоменам, ни горожанам. Начиная с 1463 года, Эдуард IV быстро увеличивает налоговое бремя. Всего за 6 лет с 1463 по 1469г. - было собрано только прямых налогов на сумму в

93 000 ф. ст. В полном объеме восстанавливаются таможенные пошлины. В октябре 1464 года правительство провело спекулятивную денежную реформу. Не была ликвидирована коррупция чиновничьего аппарата. Росли и множились феодальные усобицы в графствах. "Малые" феодальные войны происходили в эти годы в Сомерсетшире, Глостершире, Йоркшире, Норфолке, Ноттингемшире, Дербишире, Девоншире. Не были обеспечены столь нужные английскому купечеству морские коммуникации. В течение 1463-1468 гг. была фактически прервана торговля с Нидерландами. В 1468 г. началась морская война с Ганзейским союзом, парализовавшая торговлю англичан не только на Балтике, но и в значительной степени на Северном море. Хронисты отмечают недовольство среди различных слоев населения политикой Эдуарда IV. Стабилизировать положение в государстве йоркской партии не удалось. Во второй половине рассматриваемого десятилетия складываются объективные предпосылки для возобновления баронской войны.

Раскол некогда единой йоркской группировки на две враждебные фракции в существующей обстановке сделал войну неизбежной. Одну из враждебных сторон возглавлял Ричард Невиль, граф Уорвик, к нему примыкали его многочисленные родственники (двое Невилей были пэрами Англии), младший брат Эдуарда IV, Георг, герцог Кларенс, и некоторые другие менее видные бароны и рыцари. "Невилистам" противостояли феодалы, группировавшиеся вокруг родственников жены Эдуарда - Елизаветы Вудвиль. Наряду с Ричардом Вудвилем, отцом королевы, ее видными членами являлись Джон Типтофт, граф Вустер, Уильям Герберт, уэльский дворянин, возведенный королем в ранг графа. Есть некоторые различия в классовом лице этих двух фракций. Если костяк первой составляли аристократы "голубой крови", то во второй преобладали выскочки. Сами Вудвили были типичными представителями среднего дворянства.

В 1469 г. мирная борьба этих двух группировок переросла в вооруженный конфликт.

Политическая борьба 1469-1471 гг. имеет много общего с тем, что мы наблюдали в 50-е гг. И "невилисты", и "вудвилисты", и "ланкастерцы" - это все те же баронские группировки, опиравшиеся в первую очередь на силу своих вассалов и ливрейных дружин и стремившиеся к обладанию политической властью и ресурсами государства. Но - и это очень существенно - роль мелкого и среднего дворянства, крестьян и горожан в политической борьбе 1469-1471 гг. значительно заметнее, чем в пятидесятые годы: в 1469 году Уорвик организует на севере страны мощное антиправительственное выступление, в котором участвует не только дворянство. В своем манифесте этого года он довольно искусно драпируется в одежды защитника "бедных общин" Англии. Весной 1470 г. агенты лорда Уэллеса собирают под свои знамена многочисленные ополчения крестьян Линкольншира. Тогда же Кларенс и Уорвик в своих "биллях" обращаются за помощью к жителям Лондона. В 1471 году враждебность населения округа Хильдернис (Йоркшир) едва не сорвала похода Эдуарда Йорка, но зато поддержка горожан Лондона

оказалась тем козырным тузом, который обеспечил ему выигрыш в развернувшейся ожесточенной борьбе. Восстание Бастарда Фальконбриджа (май 1471 г.) дает своеобразный и потому интересный образец соединения народного движения с узкой группой политических авантюристов. В 1469-1471 гг. нет крупных самостоятельных политических выступлений народных масс, подобно восстанию Джека Кэда, но тем чаще апеллируют к их помощи и сочувствию вожди магнатских партий. Причина ясна: если в 1450-1461 гг. йоркисты были вынуждены вытащить на свет некоторые лозунги кэдовского восстания, чтобы обеспечить себе поддержку со стороны дворянства и горожан юго-востока в своей борьбе за власть, то тем более в 1469-1470 гг., когда силы баронства были значительно ослаблены не только в результате кровопусканий предыдущих лет (50-е годы), изгнания многих его членов за границу (ланкастерцы), значительных материальных потерь (конфискации, военные расходы), но и в силу большего раздробления внутри его (каждая из трех боровшихся в 60-е гг. партий была значительно слабее противостоящих в 50-е гг. друг другу йоркской и ланкастерской партии). Ослабление баронства усиливало политические позиции других классов английского общества, увеличивало их влияние на ход борьбы между магнатскими партиями.

Итоги второго этапа политического кризиса обусловлены только что охарактеризованной расстановкой классовых сил в развернувшейся политической борьбе. Две партии - "невилистов" и "ланкастерцев" - оказались разгромленными полностью. Большинство наиболее видных и богатых их членов погибли в борьбе, другие оказались в темнице, третьи эмигрировали. Огромные их земельные владения (особенно графа Уорвика) оказались в руках короны, что значительно усилило ее. Партия "вудвилистов" тоже вышла из борьбы потрепанной (погибли ее глава граф Риверс, его сын и т.д.).

Таким образом, первым и важнейшим итогом борьбы явилось резкое, еще более заметное, чем после первого этапа войны, ослабление английского магнатства. И хотя формально победил Эдуард IV и боровшиеся вместе с ним остатки вудвилистской партии, фактически же баронство потеряло свое прежнее положение в государстве. В партии победителей уже преобладают выходцы из неродовитых слоев дворянства. Они составляют основу королевского совета, в то время как старое магнатство, еще сохранившееся в Англии (Поли, Стаффорды, Перси), отступают на второй план. В ходе многолетней войны произошло изменение классовой природы английского феодального государства: на смену баронскому «классу» к власти приходят более демократичные слои английского феодального класса в лице среднего и мелкого дворянства. Это качественное изменение не есть акт творения государственного ума Эдуарда IV и не мгновенный переворот. Оно явилось результатом сложного и противоречивого объективно действующего и довольно продолжительного исторического процесса. Необходимость борьбы с всесилием Невилей толкнула Эдуарда IV к брачному альянсу с дворянской фамилией Вудвилей: ожесточенная политическая борьба 1469-1471 гг. показала ему, что единственной твердой опорой трона могут явиться лишь мел-

кое и среднее дворянство вместе с английскими горожанами как силы, заинтересованные в крепкой государственной власти для успешного хода их хозяйственной деятельности, и семейный альянс перерос в основной принцип его политики. И о том, что он оказался правильным и жизненным, убедительно говорят его политические и экономические успехи в последние годы правления. Опора на джентри, ограничение экономической и политической мощи баронства, стремление привязать всех представителей к правящей династии путем брачных контрактов, деловой союз с городами - таковы основные черты политики королевской власти в 70-е годы XV в.

Новая расстановка классовых сил, новые политические принципы потребовали и новых форм для их воплощения. Происходит изменение государственного строя, начинают возникать первые ростки абсолютной монархии (Советы Севера и Запада). Зарождение нового государственного строя - абсолютизма - таков важнейший положительный результат политического кризиса 1469-1471 гг.

1471 г. был самым кровавым в истории "войны Роз", самым губительным для английской элиты. В битвах при Баркете, Тьюксбери и последовавших за ними карательных акциях погиб Генрих VI Ланкастер и его сын, были истреблены и представители боковой ветви Ланкастеров - Бьюфорты, большинство членов дома Невилей. Немалые потери были и у победителей - Ричард, герцог Йорк, в частности, (1461). К власти пришли дети Ричарда Йоркского -Эдуард IV и его братья Георг, носивший титул герцога Кларенса, и Ричард, герцог Глостер. Последний, хотя и самый молодой, сыграл решающую роль в военных действиях и истребительных акциях 1471 г. Ему приписывают убийство Генриха VI, его сына Эдуарда, графа Уорвика и др. Братья практически разделили Англию на три части: центр у Эдуарда IV, север страны у Ричарда Глостера, запад под контролем Георга Кларенса. Заслугой Эдуарда было то, что на место старой " родовитой" знати он стал выдвигать людей из менее привилегированных групп феодального класса. Можно сказать, что к 1471 г. на верхние этажи политической элиты поднялись новые люди. Состав элиты , таким образом, претерпел коренные изменения. Часто пишут о «новом» дворянстве, как хозяйственно-общественном феномене. Еще предстоит написать о «новой» элите страны, подчинившей свои интересы воле самодержавного монарха.

Последние тридцать лет XV столетия стали временем "смены вех" в жизни ведущих и экономически крепких групп островной элиты. Это время, когда управлять страной вместо истребивших себя магнатов стали представители джентри - отчасти по своему родству (происхождению), отчасти из-за изменения менталитета наиболее трезво мыслящих представителей древних родов. "Почин" сделал сам Эдуард IV, "король-купец", не чуравшийся участием в торговых предприятиях своих подданных за морем. Его линию продолжил Генрих VII (1485-1509). Торговля в ближайших странах европейского материка (Нидерланды - в особенности), на Балтике, в Средиземном море. Наконец - освоение просторов Атлантики. Ни Эдуард IV, ни Генрих VII не забыли о своих правах (или, лучше сказать, претензиях) на французскую ко-

рону. Но и тот, и другой не стремились защищать оружием свои права, но пытались - и не без успеха извлечь из них реальную выгоду. Договор в Пиквиньи (1475 г.) между Эдуардом и Людовиком XI напоминает купеческую сделку. За отказ от защиты своих прав вооруженным путем Эдуард получил от французского короля 70 тысяч золотых крон немедленно. А затем французское правительство согласилось оплачивать его "дружбу" по 50 тысяч монет такого достоинства каждый год. Эту линию продолжал и Генрих VII. Интересно, что источники фиксируют широкое одобрение "мирного" договора в Пиквиньи среди англичан.

В целом последнее тридцатилетие XV в. прошло под знаком стабилизации. Если бы не раскол среди семьи преждевременно умершего Эдуарда IV (1483), то процесс этот прошел бы мирно и безболезненно. Однако узурпация Ричардом III власти у малолетних сыновей Эдуарда IV вызвала новую вспышку баронских неурядиц. Обиженные им представители "белой розы" объединились с остатками ланкастерской партии, жившими в эмиграции. Счастливым обстоятельством явилось то, что у оппозиционеров нашелся способный лидер Генрих Тюдор. Он нашел "спонсоров" среди монархов континента[27] и поддержку в Англии, особенно в родном для его семьи Уэльсе. Аморализм Ричарда III, убившего наряду с соперниками и врагами, двух малолетних племянников работал на Генриха Тюдора также.

Битва при Босворте 22 августа 1485 г. закончилась гибелью Ричарда III и захватом короны Генрихом VII Тюдором. Однако она не явилась заключительным моментом политического кризиса. Понадобилось еще восемнадцать лет непрерывной борьбы, прежде чем королевской власти удалось ликвидировать остатки феодальной оппозиции. Военные действия велись на севере, западе и в самом Лондоне в 1486 г., в 1487 г. происходит битва при Стоуке, мало чем уступающая по своим масштабам и историческому значению битве при Босворте. В 1495-1497 гг. самозванец Перкин Варбек, присвоивший себе имя Ричарда IV, пытался вооруженной рукой восстановить на троне "Белую розу". Наконец, в 1502 г. происходит осада королевскими войсками форта Гин близ Кале, комендант которого Д. Тирелл вместе с эмигрировавшим в Германию Эдмундом Пулом (де ла Поль), графом Сеффолком, готовился вновь поднять знамя мятежа против династии Тюдоров. Выкинуть эти события за рамки названной войны вряд ли оправданно. Больше того, если следовать точному смыслу символов, то следует назвать "войной Роз" именно те политические и военные конфликты, которые развернулись между 1485 и 1502 годами, поскольку именно тогда «розы» - и в особенности "белая" - стали эмблемами боровшихся феодальных партий, получили, как таковые, не только английскую, но и общеевропейскую известность, чего мы не наблюдали ни в 50-е, ни в 60-е, ни в 70-е года XV в. Третий этап политического кризиса, начавшийся в 1483 г., окончился в 1502 г. разгромом заговора графа Сеффолка. Вместе с этим заговором ушла в прошлое и пресловутая "война Роз". Загрязненная руками продажных самозванцев и бездарных интриганов "белая роза", как эмблема политической партии, потеряла свое значение. Правительству Генриха VII уда-

лось уничтожить и предпосылки для возрождения феодальных усобиц, уничтожив феодальные дружины - эту основу военно-политического могущества английского баронства.

В борьбе с мятежами и заговорами оппозиционной знати креп новый государственный строй, создавались материальные средства, которые должны были претворять в жизнь новые нормы государственной жизни. Если при Эдуарде IV и Ричарде III мы видим лишь зачатки новых государственных органов, то к концу XV в. они уже занимают господствующее положение в государстве. Тайный Совет, Звездная палата, Палата прошений, суды справедливости, Советы Севера, Запада, Курия "посторонних аудиторов" оттеснили на второй план и Суд королевской скамьи, и казначейство, и канцлерство, и суды общего права. Парламент же был превращен в послушное орудие для утверждения выработанных королевской властью законов и предоставления субсидий. Если при королях йоркской династии абсолютизм только зарождался, то при Тюдорах он победил.

Причины, которые привели к торжеству абсолютизма в Англии на рубеже XV-XVI вв., следует искать в глубинах экономического базиса общества. Процесс первоначального накопления, начавшийся в Англии в последние десятилетия XV в., резко обострил классовые противоречия в английской деревне и городе между трудящимися и эксплуататорами. Чтобы успешно осуществлять накопление, английскому джентри и фермерству, как и торгово-ремесленной верхушке городов, нужна была сильная королевская власть. Рост товарооборота, увеличение роли денег подняли значение английских горожан в экономике Англии и увеличили их влияние на политическую власть в стране. В лице развивавшегося класса буржуазии королевская власть нашла надежный противовес засилью феодальных магнатов. "Война Алой и Белой Розы" изменила соотношение сил между различными сословными группами феодального класса Англии. Поредевшее старое баронство и в экономике, и в области управления страной теряет свои командные позиции, уступая их выходцам из числа джентри. Эти последние, заинтересованные в энергичном наступлении на права английских крестьян, нуждались в сильной, способной обеспечить защиту их классовых интересов, государственной власти. Кроме того, противоречия между отдельными группировками феодального класса, равно как и противоречия между феодальным классом в целом и городами открывали перед королевской властью широкие возможности для маневрирования между ними, делали ее менее зависимой. Такова та совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, которые привели к коренной реконструкции политических институтов страны.

Всеобщая усталость от непрерывных кровавых войн, стремление различных общественных группировок к стабилизации государственной жизни, миру и спокойствию также создавали благоприятные условия для короны. Важную роль сыграл и субъективный фактор. Генрих VII и пришедшее с ним вместе к власти новое поколение феодальной элиты сумели использовать эти объективные условия и провести в жизнь целую серию крупных мероприятий, в значительной степени укрепивших королевскую власть (реформа центрального и местного административного и судебного аппаратов, улучшение налогового ведомства, протекционистские мероприятия и т.д.).

---

[1] Следовательно, чисто английская территория равнялась 145 000 кв. км, включая еще не ассимилированный, говоривший на валлийском, Корнуолл, остров Мэн также должен быть исключен из чисто английских территорий.

[2] По миру в Бретиньи англичане получили, кроме Бордо и Ландов, которые контролировались лондонским правительством уже свыше двухсот лет, Родез (Руэрг), Аквитанию, Лимузен и др.

[3] Сторонник англичан - Педро Жестокий. Французскую сторону держал Генрих Трастамара. Педро был убит соперником в 1369 г.

[4] Перемирие заключено в Лилиенгене близ Кале в июле 1389 г. В подписании участвовали, кроме Англии и Франции, союзник последней - Шотландия. В Лилиенгене фактически было признано соглашение о мире с Кастилией. Войско Джона Ланкастера вернулось домой (ноябрь). Герцог привез 600 000 золотых франков. Не без добычи были его командиры и солдаты.

[5] Источники акцентируют внимание на демократизме Ричарда II и вследствие этого вражды к нему аристократии.

[6] Во главе саутгемптонского заговора стоял Ричард Йорк, носивший титул графа Кембриджа. Герцог Эдуард Йорк, старший брат и глава дома, не поддерживал заговор. Эдуард погиб при Азенкуре.

[7] Годовой доход в начале 50-х годов 75 000 фунтов стерлингов, превышение расходов над доходами 21 477 фунтов стерлингов. Улучшить бюджет не удалось. В 1459 г. долг правительства вырос до 27 200 фунтов стерлингов.

[8] Знаменитый Act of Resumption 1467 г., утвержденный парламентом, лишал Уорвика и некоторых членов его семьи ряда земель, пожалованных ранее ему Эдуардом VI.

[9] Война в Бретани шла в 1362-1364 гг. Герцогом Бретани стал представитель английской ветви знаменитого англо-французского рода Монфоров Жан (Джон).

[10] Имеется в виду в первую очередь победа англичан над объединенным франко-испанским войском при Найере (точнее - между Najere и Navarette) в апреле 1367 г.

[11] Итальянцы звали "капитана" кондотьеров Джованни Акуто (Acuto). Его портрет украсил один из музеев Флоренции.

[12] В войске Бертрана Дюгеклена, отправившегося в Испанию воевать против английского герцога Эдуарда, принца Уэльского, было немало выходцев с Британских островов.

[13] Вот иерархическая лестница Англии XIV в.: герцогские титулы (по-английски - титул звучал как дюк - duke) носили члены королевской ветви, графы (ерлы - earls), бароны (barons), рыцари (knights) "знаменные" (banners) или без знамен фамильных (просто - knights). В отличие от Франции не было в Англии того времени - "маркизов", т.е. маркграфов, управляющих пограничными землями. Такие титулы

не давались даже феодальным собственникам пограничных с Уэльсом и Шотландией регионов (marches). Не встречаем мы среди английской знати и виконтов. В ходе Столетней войны из разбогатевших простолюдинов стали складываться низшие феодальные сословия - сквайров (esquires) и джентльменов (gentlemen).

[14] В 60 гг. XIV в. за королевскую власть боролись два члена правящей монархии сводные братья Педро и Энрике (Петр и Генрих). После победы англичан в 1367 г. два года правил Педро, но Энрике с помощью французов в 1369 г. захватил в плен английского ставленника и убил его.

[15] См. о восстании 1381 г.: Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. (разн. изд.) и др.

[16] Фландрские города восстали в 1379 г. В 1382 г. горожане были разбиты, но Гент крупнейший город Фландрии сопротивлялся.

[17] Восстание в Руане было описано М.М. Себенцовой. - Уч. Записки Московского госпединститута. М., 1957. Т.104. Вып. 5.

[18] Под "тираническим" понимают, как правило, политический режим, власть которого не ограничена представительством населения или законом.

[19] См. подробнее: Басовская Н.И. Столетняя война... С.87-88.

[20] Джентри (gentry) - термин XV в. Под этим понятием объединяли рыцарей, джентльменов, живших в сельской местности, какую-то часть аннобликованных городских богачей.

[21] Напомним, что территория, подвластная Ланкастерам в два с половиной раза меньше французской. Население же в 4-5 раз меньше, чем у французских Валуа.

[22] Магнатские "клики" - в смысле клики (группы) знатных людей (верхушки феодального сословия) Франции.

[23] Смерть наступила 1 сентября (20 августа по юлианскому календарю) в крепости Венсен, близ Парижа, через три месяца после торжественного въезда в Париж с молодой супругой, которая недавно подарила ему наследника - будущего короля Генриха VI. Безумный Карл VI пережил его на несколько недель (11 октября по юлианскому календарю), но из-за такого порядка вещей аннулировалось право Генриха на наследование короны Франции - во всяком случае, в договоре 1420 г. о правах Генриха VI на французский трон ничего не написано (он родился на год позднее).

[24] О Жанне д`Арк написано немало - в том числе и на русском языке. См.: Райцес В.И. Жанна д`Арк. Л.,1982. Левандовский А.М. Жанна д'Арк. (1412-1431). М.,1982. Басовская Н.И. Ук. соч. С.123 и след.

[25] Jacob E.F.The Fifteenth century. 1399-1485. /The Oxford History of England. Vol. VI. Ox. 1961. P.263.

[26] Алая роза стала эмблемой "ланкастерцев "лишь в 80-гг. XV в. Белая как символ использовался их соперниками-йоркистами в более раннее время. Высокое символическое значение двух роз разных цветов явилось плодом творчества историков XVI в.

[27] Французский король выделил ему значительные денежные средства, помог навербовать отряд из 2 000 волонтеров, дал корабли для их перевозки.

ГЛАВА 2

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Средневековая Англия, расположенная на границе европейского мира (цивилизации), не входила в число наиболее богатых стран континента ни по природным ресурсам, ни по экономике. Отчасти здесь кроется глубинный интерес правящих и тесно с ними связанных военных группировок островного королевства к грабежу и захвату земель у соседей, прежде всего - во Франции.

Как и другим европейцам, Природа-Мать дала англичанам прекрасные широколиственные леса из дуба, вяза, граба, бука, ясеня. Они занимали когда-то большую часть острова, перемежаясь кое-где с торфяными болотами (низины), вересковыми полями и сосновыми рощами (возвышенности), лугами (поймы рек). Однако жители острова, приспосабливая землю под пашню или разведение скота, уничтожили естественные ландшафты. В XV в. уже ощущается недостаток в древесине. Столетием раньше возникла проблема истощения почвы, и связанная с этим явлением скудность пищевого рынка. Чтобы компенсировать недостаток первой, англичане обратились к добыче каменного угля, залежи которого находили в разных концах острова (на северо-востоке, район Ньюкасла - главным образом). Что касается продуктовых ресурсов, то слабость английского земледелия компенсировалась отчасти рыбными богатствами омывающих остров морей, отчасти ввозом из материковых стран... Впрочем, следует сейчас же и категорически подчеркнуть, что пробелы английского земледелия и лесного хозяйства уже тогда с избытком восполнялись другими ресурсами экспортного значения. Во-первых, в средневековой Англии добывали полиметаллические руды[1], которые давали олово и свинец на вывоз, а серебро - для внутреннего рынка. Во-вторых, «и в главных», Англия становится основным европейским и мировым экспортером шерсти и изделий из нее. Островные публицисты XV в. не раз подчеркивали, что все люди нуждаются в еде, питье, одежде. Еду и питье (в той или иной мере) можно найти в любой европейской стране, а вот сырьем для одежды (шерсть) в изобилии обладает лишь Англия. С определенными оговорками с их мыслями приходится согласиться. Что-то около пяти-шести миллионов[2] овец кормились на ее зеленых круглый год пастбищах. Но дело не столько в числе, сколько в качестве ("породе"). Англия с ее морским, дождливым и туманным климатом стала родиной тонкорунных овец, чья длинная, тонкая, мягкая шерсть позволяла создавать шерстяные ткани качественно высших категорий: тонкие, мягкие, теплые... Лучшими среди различных разновидностей английских овец стали овцы из самой "сырой" части острова - юго-западных графств Глостершира, Сомерсетшира, где возвышенности Котсуолд и Мэндип создали уникальные условия для тонкорунного овцеводства (см. карту №4). Котсуолдские овцы ("глостерширские") дали начало знаменитым овечьим стадам Испании (XVI-XVII вв.), Северной Америки (XVII век и позднее), Австралии, Новой Зеландии. Вместе с переселенцами с Британского острова расселились по всему миру и их овцы. Экспорт шерсти существовал с древних времен, но к XIV веку он приобрел особо крупные масштабы. В XIV-XV веках англичане стремились вывезти не только сырье (шерсть, пряжу), но также сукна (готовые и полуфабрикат), другие виды шерстяных тканей. Цифры роста английского сукноделия впе-

чатляют, хотя абсолютно точными цифровыми данными наука не располагает. Один из крупнейших исследователей английской экономики средневековья Элеонора Карус-Вилсон установила, что за вторую половину XIV века экспорт шерстяных тканей увеличился без малого в десять раз (с 4442 кусков до 43000). Здесь речь шла о так называемых широких сукнах (broad cloths). Другой выдающийся специалист Ф. Дж. Фишер рассчитал, что в первую половину XVI века из одного Лондона вывоз "модных" тогда на оптовом рынке узких (strait) сукон вырос с 49214 кусков (1500 г.) до 132767 (1550 г.)[3]. Еще одна группа цифр - в середине XV века англичане перерабатывали на сукно, по крайней мере, 12800 мешков шерсти, изготавливая из них 55000 кусков шерстяных тканей разного формата и качества на вывоз; 9000 мешков шерсти вывозили без обработки. Рост шерстеобработки не мог происходить на базе городского ремесла. Его основой стала свободная от цеховых ограничений кооперация в сельских местностях мелких кустарей-мужчин (ткачи), женщин и детей (изготовление пряжи). Одна из самых трудоемких операций в сукнопроизводстве – уплотнение ткани (сукноваляние) было механизировано на быстротекущих реках и ручьях в разных районах страны распространились сукновальные мельницы (fulling-mills): теперь не руки работников прижимали прессы к рыхлой ткани, а водяной поток[4]. Микротехническая революция в сукноделии имела структурные последствия для всей экономики государства. Шерстью кормилась, в рассматриваемое время, четвертая часть населения. Из миллиона с небольшим трудящихся 150 000 были заняты выращиванием овец и утилизацией настригаемой с них шерсти[5].

Англичане в конце XIV-XV вв. сумели не только организовать шерстеобработку (и переработку), но и необходимую для массовой и постоянной реализации товаров за рубежом развитую инфраструктуру. Богатейшие купцы Лондона и других городов создали, объединившись, две первые компании межцехового буржуазного типа: «стэплеров» (от Staple-склад), сбывавших шерсть, и «купцов-авантюристов» (Merchants-Adventurers, т.е. предприимчивых купцов, не сидящих у своих складов), экспортировавших сукна. Если первые торговали либо в английских портах, либо (с середины XIV в.) в захваченном англичанами у французских королей Кале, то вторые рисковали пересечь Северное море ради рынков Антверпена, Голландии и Зеландии. Уже в первые десятилетия XV в. «авантюристы» создали фактории в балтийских портах Гданьске - Данциге, Стокгольме, Риге[6]. Стэплеры и авантюристы добывали для Англии основную часть благородного металла, причем на протяжении XIV-XV вв. стоимость их экспорта превышала ценовую оценку всего импорта страны на 14 - 15 тысяч ф. ст.[7] Именно эта хозяйственная вертикаль: разведение овец - стрижка шерсти - первичная обработка шерсти (в том числе прядение и ткачество) - сукноваляние на водных мельницах - окраска (и «доводка») тканей до фабриката - экспорт - обеспечила английской экономике устойчивость в кризисные годы, компенсируя и отставание других отраслей производства и потери от разного рода «восстаний», идеологических и иных неурядиц в социально-политической сфере. Следует сказать и другое: именно в сфере шерстяного производства зарождается тот процесс «первичного» накопления денежного (золотого и серебряного) капитала, который стал важнейшим принципом существования для государства, корпораций и частных лиц в Англии и который дал в исторической перспективе блестящий результат, превратив островное коро-

левство в лидеры планетарного прогресса (правда, уже в новое время). Кстати, идеи «мирового» господства английского королевства не были чужды в XV в. не только великому Генриху V, уповавшему на мощь своих дружин, но и торговым кругам страны, рассчитывавшим на неотразимую привлекательность своих шерстяных «изделий».

Английские короли, независимо от их политической ориентации, защищали интересы шерстепроизводства и шерстеобработки (протекционизм); берегли добытые стэплерами и авантюристами «монетные» ресурсы, запрещая вывоз благородных металлов из страны (ранний «стихийный» меркантилизм).

Быстрое и уверенное развитие «шерстепроизводящего и перерабатывающего» производства влияло на другие отрасли английской экономики и социальных отношений, в первую очередь – на аграрную сферу общественной жизни (т.е. на сельскохозяйственное производство и связанных с этим производством людей).

В Англии, как и в других странах средневековой эпохи, люди существовали за счет земли. Земля давала немного, но и христианская религия не поощряла наживы. Смысл трудовой деятельности сводился к созданию необходимого, но не сверх того. К тому же в раннее средневековье население Британии росло медленно и, по сравнению с ближайшими странами материковой Европы, было редким. Лишь XIII в. - век «образцового» феодализма – дал рост количества островитян в 2,5-3 раза. Население перешло через четырехмиллионную отметку. Был достигнут своего рода демографический пик, во всяком случае, в аграрной сфере островного общества – сейчас в сельской местности Англии живет едва ли больше постоянных жителей. Если бы при том уровне организации и развития производственной жизни людей было бы больше, это привело бы к резкому снижению жизненного уровня, к нищете, голоду и болезням [8]. Но обстоятельства XIV в. не допустили дальнейшего роста населения. Прежде всего, свою роль сыграли неурожайные годы 1315, 1316, 1320, 1321 гг. Затем на Европу (и Англию - в частности) обрушилось страшное бедствие, трудно сравнимое по своим ужасающим последствиям с какими-либо иными европейскими событиями. В 1347 г. четыре генуэзских корабля прибыли в Сицилию из Черного моря и вместе с товарами привезли из Азии, так называемую "черную смерть" - бубонную чуму (Black Death). В 1348 году смерть нашла свои первые жертвы в Германии, Венгрии и Франции. Английские солдаты, воевавшие во Франции, привезли "наказание божье" на острова. Первую атаку на южную Англию «черная смерть» произвела в 1348 г., дойдя к концу 1349 г. до центра Шотландии. Последующие смертоносные атаки относятся к 1360-1362, 1369 и 1375 гг. Результатом явилась резкая убыль народонаселения. Если в 1347 г., собственно в Англии жило около 3,7 млн. людей, то через 30 лет (немного более чем жизнь одного поколения) эта цифра составила 1,5 млн.[9]. Англичане долго не имели прироста населения: в 1377 г. - 2,2 млн., а 1525 г. - 2,26 млн. человек[10].

Начатая неурожайными годами и резко ускоренная чумой убыль народонаселения не замедлила сказаться на хозяйственной жизни страны.

Трудности в жизни человека были связаны и с климатом. В Европе климатические условия оказались наиболее благоприятными в X-XIII вв. Именно на первую половину XIII в. приходится максимум потепления. Как это ни кажется странным, в XI-XIII веках на Британских островах возделывали вино-

градную лозу и знали толк в изготовлении и потреблении виноградных вин. Похолодание, медленно наступавшее с середины XIII в. заставило англичан забыть о винограде и обратить внимание на ячмень и изготовление из него более простого и более доступного напитка - пива. По мнению климатологов между 1300-1450 гг. наметился переход к так называемому "малому ледниковому периоду". В частности, температура в Европе в среднем понизилась на 1,3-1,4° по Цельсию. В XV веке климатический оптимум для Европы и, в частности, для Англии, остался далеко позади.

Обладая определенными демографическими, природно-климатическими и иными возможностями, англичане выработали в средние века некую систему устойчивых отношений, центром которой в социально-экономическом смысле стал манор[11]. Манор не был однородным, но в каждом, несмотря на тип (церковный, крупный светский или мелкий рыцарский), существовал традиционный ритм жизни, выработанный многими поколениями и придававший стабильность общественной жизни на местном и общеанглийском уровне. Манориальная система предполагала слабую зависимость от внешнего рынка, отсутствие полное или почти полное рыночных интересов. Крестьянин был прикреплен к земле и обязан в принудительном порядке работать на собственника манориальной земли. Работа крепостных (вилланов) осуществлялась в угодьях феодала («домене») в виде отработок (пахоты, посевы, жнивья и прочих «барщинных» повинностей). Система данная описывается как барщинно-крепостническая. Отметим, что крестьяне работали на английского барина со своим инвентарем, на своем тягловом скоте и собственных продуктах питания. Лишь в XIV веке в страдные периоды феодалы (или их управляющие) стали кормить крепостных, но к таким милостыням власть имущих побудила изменение в стране экономической обстановки, с проникновением в деревню товарно-денежных (рыночных) отношений. Аграрный переворот начали феодалы Англии. Они оказались вовлеченными в погоню за роскошью – дорогим оружием и редкостными конями, шелковой одеждой, парфюмерией и т.п. Изменился их жизненный стандарт: «шик» пришел на смену аскетизму старых времен... Чтобы жить шикарно, требовались деньги. Наиболее верный для Англии способ добыть их – это заставить крестьян купить себе свободу за деньги, а также заменить отработки на барской земле денежными платежами. Последняя называлась коммутацией. Немногие из английских лендлордов пытались торговать сами продукцией своих хозяйств, но редко, кому это удавалось делать с прибылью. Они были вынуждены сдавать земли своих доменов в аренду (лизгольд - leasehold) зажиточным людям из города, из судебных и административных служащих графств, позднее – разбогатевшим крестьянам, сумевшим воспользоваться своей свободой. Так рядом со старыми земельными собственниками появились новые. Их звали «джентри» (новые дворяне) и «йоменри» (богатые крестьяне). Первые уже приобрели для своих потомков титулы – «сквайров» и «джентльменов», вторые – победнее – дворянских гербов купить себе не сумели. Инфильтрация неблагородных во дворянство, однако, не регулировалась жестко государством и переход из богатых крестьян в скромные дворянчики продолжалась непрестанно. Менее удачливые крестьяне стремились избавиться от родимых пятен прежней крепостной зависимости и подписывали со своими лендлордами письменные соглашения, где фиксировали свои права и свои платежи собственнику земли. Гарантом же этих частноправовых актов стал манор, точнее – его администрация и суд (их

совокупность – курия), архивы маноров, где хранились оригиналы этих актов. Так манор перестроился, приобрел новые функции и во многом благодаря этому прожил еще тройку сотен лет. Манориальная курия выдавала копию акта крестьянину, поэтому появились такие понятия, как держание по копии (copyhold) и держатель по копии (copyholder). Те, кто сумел выкупить свою землю, становились свободными держателями (freeholders). Разбогатевших фригольдеров звали йоменами.

Были люди, и их немало в Англии, кто порвал с землей. Превратившись в наемных рабочих (labourers). Причины «раскрестьянивания» индивидуальны, однако главная в том, что «черная смерть» разредила трудовой рынок и позволила получать хорошие деньги за наемный труд. Впервые в истории Англии возникла ситуация конкурентной борьбы работодателей за труженика. Попытки государства – тоже первые в истории – регулировать рынок труда (знаменитое «рабочее законодательство» XIV-XV вв.) лишь немногим помогло нуждавшимся в найме трудящимся. В общем, положение тех, кто избежал чумных эпидемий, и особенно их потомков оказалось экономически и в правовом отношении намного предпочтительней, чем их предков. Отсюда в историческом сознании английского народа конец XIV-большая часть XV вв. стал оцениваться, как «золотой век», когда существовала «добрая» или «добрая, старая» Англия. Бедность и нищета, однако, не исчезли и к концу XV в. стали расти в угрожающих размерах. Для этого была веская причина. Именно во второй половине XV в. начались интенсивные огораживания земли для увеличения числа овец. Лендлорды различных рангов, но главным образом из «новых» (джентри) начинают уничтожать мелкие крестьянские хозяйства и на их месте создают овечьи пастбища. Овцы стали поедать людей - так оценил процесс один из современников этой драмы великий Томас Мор.

Но не все дворяне стремились жить по-новому, добывая средства для жизни и роскоши экономическим путем, многие предпочли чисто военную карьеру, став наемными солдатами в дружинах богатых магнатов (графов, баронов) или крепких экономически рыцарей («знаменных» рыцарей). Дружины эти назывались в Англии «ливреями», так как члены их носили ту «форму» (форменную одежду) и те знаки отличия, которые им давал их господин. Именно ливрейные дружины воевали во Франции, они же стали участниками внутренней войны – феодальной «войны Алой и Белой Розы».

Люди, занимавшиеся ремеслом, жили и в деревнях и в городах. Именно ремесленники (вместе с торговцами) составляли основное население городов. Значительная часть горожан еще с XIV века была неполноправной. Во главе города стояла олигархическая верхушка (наиболее богатые купцы, ростовщики, землевладельцы), тесно связанная с королевской властью. XV век внес в жизнь ремесленных цеховых организаций новую тенденцию. В них активно проникают купцы. Располагая средствами, купец мог стать богатейшим членом цеха и постепенно подчинять его своему влиянию. К тому же купец как член корпорации торговцев, становясь влиятельным человеком в цехе, тем самым создавал ситуацию подчинения цеха (как правило, слабого) купеческой гильдии.

Купец мог воздействовать на цеховую жизнь, сосредотачивая в своих руках снабжение цеха сырьем, а также реализуя произведенную им продукцию. Это могло служить основой для создания впоследствии централизованной мануфактуры.

Городские ремесленники шли на расширение возможностей привлечения в производство дополнительной рабочей силы. В 1421 году ткачи Ковентри, изготовлявшие сукно, приняли решение, разрешавшее каждому мастеру нанять столько работников, сколько он пожелает. И все же заниматься предпринимательской деятельностью, связанной с сукном, было выгоднее в сельской местности, которая давала, как уже говорилось выше, дополнительные возможности по сравнению с городом, в котором довлели старые средневековые формы взаимодействия производителей.

Английские города начинают свою историю с X века, становясь в XII-XIII веках все в большей степени центрами товарного обмена и рыночных связей. В условиях генезиса и начального этапа развития складывается определенный внешний облик города (см. карту 6), что не мешало ему, однако, долгое время сохранять полудеревенский уклад жизни, насчитывая в среднем всего лишь по 2-3 тысячи жителей.

Наряду со своими собственными силами, наращивающими экономический потенциал общества, в XV веке в хозяйственную жизнь острова вливались приезжавшие с континента ремесленники и торговцы, селившиеся в наиболее развитых промышленных районах. Так, в 1436 году английские власти приняли в число граждан 1740 иностранцев, живущих на территории Англии и давших клятву верности короне[12].

Если в XIV в. такие города как Ковентри, Норич, Солсбери, Йорк демонстрируют быстрый рост производства сукна, то в первой половине XV столетия они теряют свое преобладание и уступают первенство деревенским районам, за которыми оказалось будущее.

Но вместе с тем в это же время возникали и набирали силу многие новые (в том числе мелкие) города, а также переживали расцвет крупные: Лондон, Йорк, Бристоль, Норидж и др.

Самым значимым был столичный город – Лондон[13], единственный из английских средневековых городов, население которого достигало в конце XIV в. 50 тысяч[14]. Удобно расположенный, он представлял собой главный вход в королевство. Корабли могли подниматься по Темзе до Вестминстера (см. карту 7), а многочисленные дороги соединяли столицу с другими городами и деревнями страны.

Процветание общества в XV в. во многом определяла торговля. Она влияла на развитие городов, деревень, составляла благополучие отдельных личностей, институтов и короны в целом.

Внутри страны еще со времен крестовых походов активно рос обмен произведенными продуктами. Общество в целом все больше нуждалось в расширении товарно-денежных отношений. Сохраняется уже ставший традиционным уровень обмена: город-деревня. Он происходил через еженедельные торги в городах. Например, майская ярмарка, охватывавшая ряд деревень около столицы, или Кембриджская, собиравшие один раз в год большое количество торговцев. Шел достаточно интенсивный внутренний обмен обыденными товарами, либо купцы из других стран приезжали с предметами роскоши (вино, одежда, ленты), чтобы обменять их на английскую шерсть, олово, уголь, железо. Активно обслуживали интересы местных сообществ рынки и ярмарки английского и уэльского побережий, которых насчитывались тысячи.

Конец XIV века весьма сложен для развития торговли: давали себя знать ситуация кризиса после мощного наступления чумы, момент социальной на-

пряженности и неустроенности. Резкое сокращение населения уменьшило спрос на продукты питания. Цены на них упали. В этом смысле было невыгодно работать на рынок. Процессы обмена замедлились. Но в то же время цены на импортные товары и мануфактурные изделия возросли. В этом заключалась противоречивость рыночных конъюнктурных обстоятельств. Считается, что общий объем торговли к началу XV в. был несколько меньше, чем к началу XIV в.

Конец XIV- начало XV вв. знаменуется активным включением английских торговцев в процесс экспорта. Английский купец уверенно вышел на европейский рынок.

Каковы же были основные направления их деятельности? (См. карту 9).

Прежде всего следует сказать о торговле в Северной Европе и, особенно, Балтии. В годы правления Ричарда II англичане из Лондона, Линна, Бостона, Гулля начали экономическую экспансию на контролируемую немцами территории, в частности, в порты Балтийского моря. Это неожиданное для ганзейских городов вторжение, естественно, не могло вызвать у них положительных эмоций. И на протяжении всего XV века шли споры, кому и как контролировать торговую ситуацию в этом регионе. Англичане настаивали на утверждение своих привилегий в городах Ганзы, ссылаясь на льготы ганзейцев в Лондоне, а ганзейцы не желали терпеть присутствия англичан в Балтии. Итогом пятидесятилетнего выяснения отношений (иногда с использованием пиратства) стал договор 1437 года, по которому англичане получили право торговать в тогдашнем Данциге (сейчас - Гданьск) с освобождением от уплаты части торговых пошлин. Некоторое время английская торговля в Балтийском регионе успешно развивалась. Однако после ряда конфликтов и военных столкновений Ганза договором 1474 года сохранила свои обширные привилегии, а англичанам пришлось резко сократить торговлю. Однако сохраненные при этом льготы ганзейских купцов в Лондоне говорят о полезности этих торговцев для Англии как импортеров хлеба, мехов и смол, а также экспортеров сукна. И, хотя как явствует из приведенных фактов вызов англичан коммерсантам других стран (challenge) не был однозначно успешным, торговые связи острова со странами Скандинавии и Балтии укреплялись. Особую активность на этом внешнеторговом направлении проявили «купцы-авантюристы».

Южное торговое направление видоизменяется. Старый торговый путь на Гасконь (торговля вином), претерпевавший трудности в связи со Столетней войной теряет свою актуальность к концу XV в. Англичане все настойчивее стремятся на рынки Средиземноморского бассейна, стараясь потеснить конкурентов.

Большое значение для укрепления англичан в южном торговом направлении имел порт Кале. В 1363 году здесь была создана особая, получившая имя «Стэпль», торговая база. «Компания купцов Стэпля» («The Company of Merchants of the Staple») должна была по указанию правительства осуществлять контроль над торговой базой Кале, а также получала монопольное право на экспорт большей части шерсти, настригаемой в Англии (право свободно вывозить шерсть сохранилось только за северными графствами).

В обход Стэпля, который все больше и больше утверждался за счет своей монополии, действовали итальянцы, покупавшие за дорогую цену особые

королевские лицензии. На своих галерах они доставляли в Англию самые разнообразные товары (всего более 70 наименований). Закупив на рынках Средиземноморья предметы восточной роскоши, шелк, пряности, оружие, вина, фрукты, конфеты, сахар, патоку, изюм, хлопок, кораллы, бумагу, а также погрузив на корабли изделия собственного производства: шелковые балдахины, покрывала со златотканными узорами, черный атлас, бочки, книги, стекло, ювелирные изделия, венецианцы и генуэзцы везли все это в Англию. Реализовав то, что привезено. они увозили из страны, минуя контроль Кале, шерсть, сукно, кожи, олово, оловянную посуду, свинец. Главное внимание венецианцы уделяли шерсти высокого качества, поскольку из нее делались ценные сорта тканей (в том числе известное в Европе алое сукно), на которых специализировалась шерстяная промышленность Венеции в XV в. Главным предметом экспорта в Италию в XV в. все больше становится сукно (а не шерсть), а также сохраняет свое значение традиционно вывозимое с Британских островов еще с незапамятных времен олово. По замечанию одного из английских историков, «олово для бронзовых статуй было небольшим вкладом Англии в развитие итальянского Возрождения».

Английские купцы все более предприимчивы и настойчивы. В 1456 году известный купец и мэр города Бристоля Уильям Стерми, загрузив корабль сукном и оловом, а также захватив с собой пилигримов, направлявшихся в Иерусалим, пытался привезти обратно груз со специями. Однако около Мальты попал в засаду генуэзцев и его корабль был потоплен. Подобные действия со стороны генуэзцев были и ранее, и впоследствии[15]. Несмотря на противодействие конкурентов, английские купцы продолжали прокладывать дорогу своим товарам. Так, бристольские купцы широко развернули торговлю с Испанией и Португалией. Коммерческие экспедиции в Португалию осуществляли также купцы из Плимута. Два корабля, которые уплыли из Бристоля в 1480 г., чтобы «открыть остров Бразилию» предвосхитили экспедиции Каботов, которые поплывут в Америку из того же порта, только несколько позже (1497 г.).

Кроме того, купцы Бристоля, Честера, Лондона успешно осваивали ирландский и исландский рынки.

Выход за пределы островной территории был немыслим без развития флота. Типичный средневековый купеческий корабль был неприспособлен для дальних плаваний; он не мог ходить против ветра, а в штормовую погоду становился совершенно неуправляемым. Вместимость средневековых кораблей редко приближалась к показателю в 200 тонн[16]. В Англии до 1400 года корабли водоизмещением более чем 100 тонн были большой редкостью. Впоследствии положение стало меняться. Перечень кораблей, используемых правительством в 1439 году для транспортировки войска, включал 11; их водоизмещение колебалось от 200 до 360 тонн. Другой сходный перечень, сделанный в 1451 году, содержал 23 корабля (от 200 до 400 тонн)[17]. Несколько позже известный купец из Бристоля Уильям Кенинг владел девятью кораблями (самый большой из них имел водоизмещение в 900 тонн). Совершенствовались также мореходные и экономические характеристики судов. Лучший флот давал большие возможности для экономической экспансии (см. рис. 8).

Из экспортера сырья и продуктов сельского хозяйства (хлеб, шерсть, кожа, олово) Англия в XV в. превратилась, прежде всего, в поставщика сукна

на внешний рынок. Этот серьезный поворот определил направление развития общества на многие годы, если не сказать столетия вперед.

Фигура купца приобретает особенное значение. Это уже не тот человек, которого можно было увидеть на дорогах Англии в XIV веке, несущим в замкнутый деревенский мир предметы роскоши и импортные вина. Не тот «пыльноногий» странник, которого с нетерпением ждут крестьяне, чтобы услышать новости извне. Это не только экспортер шерсти до ближайшего стэпля. Теперь это человек, располагающий значительными средствами и к тому же имеющий соответствующий психологический настрой, чтобы действовать активно и предприимчиво. Его жизненные горизонты расширяются во время очередных торговых экспедиций, организуемых от Балтии до Италии. Его карман пополняется за счет коммерческого кредита иностранцам, он богатеет на поставках в армию во время войны, не имевшей, как кажется конца (на то и Столетняя), он наживается на военных грабежах. И, конечно, самую большую уверенность в настоящем и на будущее ему дает сукно, поставки которого за рубеж все растут. Вместе с тем старый взгляд на мир побуждает его задумываться о земле. И если он приобретает землю, то нередко становится и обладателем дворянского герба. Люди все меньше удивляются в том случае, если купец превращается в хозяина рыцарского держания, а его дочь выходит замуж за джентльмена или даже сквайра .

Именно купец стоит у истоков первоначального накопления капитала. Будучи сам активным тружеником, он непрерывно делает долговременные вложения в бизнес, осознавая при этом свой труд как ценность, а свои растущие средства как вещественное проявление этой ценности. Вытесняя иностранца, он все более проникается чувством принадлежности к английскому купеческому братству, утверждая то национальное начало, которое позже приведет к победе над «Непобедимой Армадой» (1588 г.).

Все английское общество в силу объективных обстоятельств постепенно приобщается к товарно-денежным отношениям, купцы же выступают как непосредственные носители этих отношений. Своей деятельностью они усиливают тот монетный голод, который ощущало не только английское, но и европейское денежное хозяйство в условиях позднего средневековья. Монета как таковая для европейца имела значение еще с античных времен. В средние века денег было немного, но люди даже натуральный обмен пересчитывали на деньги, что подтверждает неутраченную к ним тягу. В Англии распространенной счетной единицей был фунт стерлингов. Такой монеты не выпускали, это была лишь счетная денежная единица.

Какие же монеты имели хождение в Англии XIV-XV веков? Прежде всего, следует сказать о традиционной английской серебряной монете – пенни. Ее продолжают использовать, а поскольку растет рыночный торг, увеличивается население, покупающее ежедневно продукты на рынке, появляется нужда и более мелкой даже, чем пенни, разменной монете. Начинают чеканить полупенни и фартинги – четверть пенни. Но хотя монетные мастерские получали распоряжения от короля и парламента чеканить больше мелкой монеты, эти распоряжения часто игнорировались, поскольку при изготовлении ее надо было потратить много труда, а дохода от этого дела было немного. Иногда, чтобы получить монету помельче, осуществляли примитивную операцию: разрезали пенни на части.

В Англии, как нигде в Европе, было распространено обрезание монет. Человек, стараясь перехитрить ситуацию, обрезал часть серебра с монеты

и на рынке выдавал обрезанную монету за полновесную, поскольку при мелком рыночном торге монеты на вес не проверялись. Эти действия рассматривались властями как правонарушение (даже за хранение обрезанных монет дома виновных наказывали как фальшивомонетчиков)[18].

Позднее средневековье во всей Европе характеризовался появлением тяжелой серебряной монеты. Начав в XIII веке чеканить крупную монету в 4 пенни, которую назвали гроутом, англичане активно используют ее и в XV в. Предусмотрительно, чтобы и гроут не оказался подверженным порче, на нем изображали крест, концы которого доходили до края монеты (без взвешивания становилось понятным, что монета обрезана). Однако и эти ухищрения не спасли гроут от недобросовестных людей. В течение всей Столетней войны и пенни, и гроут значительно потеряли в своем серебряном содержании.

Но, несмотря на сложности финансовой ситуации, связанные с ведением затяжной войны, англичане, используя природные возможности острова, а именно: наличие полиметаллических руд в Корнуоле и Девоншире, а также в Камберленде, Дербишире и Глостершире, продолжали чеканку своей собственной серебряной монеты.

Наряду с серебром англичане начинают использовать для чеканки монет и золото. Еще в XIII в. появляются золотые пенни. Но славу острову на европейском рынке составила другая золотая монета с ярким названием – «нобль» (благородный). Выпуск ее начался в 1344 г. при Эдуарде III. На аверсе помещалось изображение корабля, вероятно, в память о морской победе, одержанной в 1340 г. над Францией при Слейсе; над кораблем – фигура короля с мечом и гербовым щитом, а также его титулы. Это высокопробная монета содержала 7,72 грамма золота и была эквивалентна 80 пенсам.

Стали чеканить также полнобля (40 пенсов) и четверть его (20 пенсов). При Эдуарде IV появился новый тип нобля – розенобль, или райол, с изображением розы на борту корабля. С 1470 по 1485 гг. выпускались так называемые «энджелы» (англ. angel-ангел) весом в 5,2 г, на реверсе которых были изображение архангела Михаила.

То, что эти монеты имитировали уже с XIV века в других странах (особенно на севере европейского континента) говорит об их качестве и высокой популярности. Например, в конце XVI в. и нобли, и розенобли копировали в Нидерландах. Золотые монеты из Англии и подражания им попадали в Прибалтику и северо-западную Русь. Так, на Руси нобль получил название «корабленник» (от изображения корабля). Английские монеты служили средством накопления или использовались как денежные подарки.

В XV в. в Англии появился соверен, тоже золотая монета, чеканить которую начал в 1489 г. Генрих VII. Эта монета первоначальным весом в 15,55 грамма, что соответствовало стоимости фунта серебряных монет, в определенном финансовом смысле символизировала приход и утверждение новой династии Тюдоров у власти.

В XIV-XV вв. еще не был открыт закон обращения на рынках одинаковых по номинальной стоимости, но разных по содержанию в них драгоценного металла монет. Позднее, при Генрихе VIII, английские финансисты проведут денежную и монетную реформу, которые будут призваны защищать английское золото от вывоза в Европу. До этого используемый биметаллизм (золото и серебро – основа монетной системы) создавал много трудностей

английским властям. Первые английские золотые монеты были равны по своей стоимости 20 серебряным пенсам, а весили столько, сколько весят 2 серебряных пенса. То есть цена на серебро и золото в монетной системе относилась как 1:10. На рынке могло устанавливаться другое соотношение цен на благородные металлы. Возникала опасность ухода золота за границу. Короли Англии в XIV в. несколько раз меняли соотношение серебряной и золотой монет. Но все время денежное обращение лихорадило: то золото оценивалось слишком высоко, то серебро. «Золото не ладит с серебром» - говорили тогда.

Люди, располагавшие крупными денежными суммами, могли предоставлять их в качестве займов нуждавшимся из слоя феодальной элиты. Ярким примером крупного займа, предоставленного королевскому правительству, является заем в 10 000 марок (6666 ф. ст. 13 ш. 4 пенса) исходящий от группы английских купцов. В обмен был получен ряд торговых привилегий. Такая высокая сумма займа дала возможность историкам сравнивать банкира из Гулля Уильяма Пула (французский вариант - де ля Поль) с крупнейшими международными банкирами того времени, в частности, с итальянскими.

Облик европейского средневековья в XV в. находит свое выражение во все более отличавшихся друг от друга формирующихся национальных формах. Зрительный образ английского общества XV века – это, прежде всего, деревня, - несмотря на многие новации, общество остается аграрным. Ряд домов крестьян, церковь, мельница, возможно, дом господина – вот что предстает взору при мысленном воспроизведении внешнего облика деревни. Камень – основа для строительства церкви и господского дома. Все остальное – не из камня, а из других материалов. которые давала природа. Прежде всего, это древесина. С помощью этого материала создавалась специальная конструкция, напоминающая арку (см. рис. 9), позволяющая придать устойчивость всему сооружению.

Кроме того – глина, ею обмазывалось жилище снаружи. Увеличивая количество несущих конструкций можно было удлинять сооружения (см. рис. 10). Но большая часть домов английских крестьян оставалась все-таки небольшими, включавшими в себя одну, реже две комнаты. В них обитали не только люди, но и животные в случае холодной погоды, утепляясь с помощью единственного в доме примитивного очага (см. рис. 11).

Новым элементом внешнего облика деревни стал в XV веке дом иомена. Эти дома, естественно, имели отличия в разных местностях, но в любом случае они резко отличались от обычных крестьянских. Например, изобилие лесов в средневековом Кенте и накопленный опыт создания конструкций из дерева сделали стандартным на юго-востоке острова вполне определенный облик дома преуспевающего фермера (см. рис. 12).

Все большее количество мельниц (особенно суконовальных), мосты через реки, изгороди, огораживавшие пастбища и т.п. – все это знаки уходящего средневековья.

Замки феодалов, без которых невозможно представить специфический облик средневековой Англии, в XV веке уходят в прошлое. Желая покончить раз и навсегда с феодальными распрями, Генрих VII дает распоряжение срыть их до основания. Именно тогда большинство замков исчезает из архитектурного ландшафта острова.

Кроме жилища, замка, моста, культового сооружения и т.д., определенным образом вписывающихся в окружающий ландшафт, зрительный образ цивилизации содержит еще такой важнейший компонент как внешность самого человека. Одежда в средние века имела свой особый смысл, разделяя внешне различные социальные слои. Каждый из них имел свой облик, а смена его расценивалась как грех: грех гордыни или падения. Естественно, социальные трансформации меняли одежду, но в целом она в английском обществе XV века оставалась такой, какой мы ее видим на рис. 14.

Итак, если в течение приблизительно трехсот лет после нормандского завоевания условия жизни людей менялись крайне медленно; одежда, жилище, внутренние интерьеры зданий и пр. оставались почти неизменными, то в XV в. Англия начинает приобретать новые черты.

---

[1] Полиметаллы - потому так и называются, что в разных соотношениях содержат олово, свинец, серебро.

[2] Рассчитано овечье стадо так: мешок шерсти равен 250 "рунам" (руно - шерсть одной овцы). Настригали 21000-22000 мешков: 21000x250=5250000, т.е. 5250000 овец.

[3] Carus -Wilson E.M. The Medieval Merchant Venturs. Collected studies. L.,1954. Fisher F. J. The Commercial Trends and Policy in 16 century England (EHR. X. 1940, № 2). См. также: Essays in Economic History., Ed. by E. M. Carus- Wilson. L., 1954

[4] Прессы работали в особых емкостях («корытах», «баках»), в которых помещались еще непровяленные сукна в растворе из химикатов и уплотнителей.

[5] Dietz F.C. An Economic History of England. N .-Y., 1942.

[6] Официальное название: «The Company of Merchants of Staple», «The Company of Merchants Adventurs of England, trading to Holland, Zealand, Hainault and Flanders».

[7] World History. Respectives on the Past. Lexington – Toronto, 1990. P. 244.

[8] The Oxford Illustrated History of Britain. Ed. by O. Morgan. Oxford N-Y. 1992. P. 187.

[9] Studies in English Trade in the Fifteenth Century. Ed.by E. Power and M.M. Postan. L., 1933. Pp. 16-20. Lloyd T. H. Overseas Trade and English Money Supply in the Fourteenth Century. //The British Archeological Review. Ox. 1977. V. 36.

[10] The Oxford Illustrated History of Britain. P. 185.

[11] Английское понятие "manor" эквивалентно русскому "вотчина", (но не поместье). Манор – разновидность западноевропейского феода (лена).

[12] Подробнее см.: Медведева Т.А. Иностранные ремесленники в английских городах XV в. // Межвузовский сб. Англия XV-XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. Горький, 1981. С. 65-68.

[13] Лондон стал столицей за несколько лет до нормандского завоевания, сменив в качестве столичного города Винчестер (Уэссекс).

[14] Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 268

[15] Факты приводятся в: Кузнецов Е.В. История экономического развития Англии XIV, XV, XVI вв. – Горький, 1983. С. 25 и далее.

[16] Подробнее см.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 203-204.

[17] Morton A. L. A People's History of England. L ., 1984. P. 161.

[18] Подробнее см.: Федоров–Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. М., 1985. С. 64.

ГЛАВА 3

ПАРЛАМЕНТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

В истории Англии XIV-XV века – это время сословно-представительной монархии. Иначе – период развития парламентской политической системы, которая достигла при королях ланкастерской династии (первой половины XV в.) классической законченности.

Парламент феодального островного государства явился событием общеисторического масштаба, стал предметом подражания в большинстве государств нашей планеты, правда, в более близкое к нашим дням время.

«Классический» парламент («трех Генрихов» Ланкастеров) развился в ходе многих десятилетий XIII, XIV вв.

Основой процесса явилась «Magna Charta Libertatum». Принятый перевод – «Великая Хартия вольности», хотя современная языковая ситуация в отечественном языке позволяет заменить архаичное понятие «вольность» на более близкое нашему современнику слово – «свобода», т.е. «Великая Хартия свободы» (или, еще точнее – «свобод»). «ВХС» – это своеобразная конституция, действовавшая в Англии позднефеодального времени, убранная в архив в XVI в. и вновь восстановленная и обогащенная в ходе революционных событий XVII в. Протоколы и законодательные акты парламентов XIV-XV вв. пестрят ссылками на ВХС. Каждый парламент нового созыва начинал с того, что подтверждал ВХС и так было до победы абсолютизма...

Порядок работы парламента, подчеркнем еще раз, устанавливался в несколько приемов, отражая динамику общественной жизни. Основные процедуры приобрели устойчивость в первой трети XIV в. «Призывные письма» - writs, как правило, рассылались за 40 дней. Но часто случалось, что к назначенному сроку многие светские лорды и прелаты не являлись, и тогда открытие парламента откладывалось на несколько дней. Так, в декабре 1332 г. открытие сессии были отсрочено на месяц, так как большинство светских лордов и прелатов не приехали в Йорк[1]. В 1344 г. король сердечно благодарит тех немногих, которые прибыли вовремя.

В качестве прелюдии к сессии делалось публичное объявление о запрещении носить оружие тем, кто прибыл на заседание. Кроме того, запрещалось на время сессии некоторые игры взрослых и детей, которые могли нанести ущерб туалету (шляпам) членов парламента.

В самом зале парламентских заседаний сначала звучали несколько формальных выступлений. Обычно слово держал канцлер или главный судья, или архиепископ. Они объясняли причину сбора и представляли петиции, которые были адресованы не парламенту, а королю и его совету. Назначали получателей петиций – ими были обычно старшие клерки канцлерства или делопроизводители.

Следующая часть собрания проходила в более свободной форме. Члены парламента разделялись на группы по их целям. Проходило это стихийно. Например, в парламенте 1333 г. мы находим в одной группе шесть прелатов, двух графов и четырех баронов, оставшихся светских магнатов и прокторов в другой, а рыцарей и горожан – в третьей. Только после 1340 г., стало нормой, что рыцари и горожане стали собираться вместе и отдельно от представителей высшей знати. На парламенте 1340 г. представители от графств и городов дали ответ королю о новых налогах отдельно от баро-

нов и духовенства, и ответ этот был прямо противоположный. И, начиная с 1352 года, произошло окончательное разделение парламента на две палаты: верхнюю (house of Lords) и нижнюю (house of Commons), которые с этого времени стали заседать отдельно друг от друга.

Для общения Палаты общин с лордами и королем назначались небольшие депутации к королю, посредством которых и осуществлялся необходимый для обеих частей парламента контакт.

С 1377 г. Палатой общин стал выбираться спикер, который и стал в дальнейшем делать от ее имени представления королю. С этого времени складывается определенная процедура, утвердившаяся в целом в XVII веке и сохранившаяся во многом до новейшего времени.

Король обладает правом созыва парламента, роспуска его и пророгации, т.е. временного закрытия сессии. Когда парламент созывается в первый раз после новых выборов, то в назначенный день и час в зал Палаты общин является носитель «черного жезла» (Black Rod) и приглашает ее членов в Палату лордов. Там лорд-канцлер от имени монарха сообщает им, что как только они принесут присягу, король объявит им, «по какой причине их созвали» и затем предлагает им вернуться к себе и выбрать спикера. Возвратясь в свой зал, общины под председательством клерка палаты избирают спикера на все время существования данного состава палаты. На следующий день спикер в палате лордов получает королевское утверждение. Затем он от лица палаты общин выражает требование признания «древних и неоспоримых прав и привилегий общин и особенно свободы от ареста и насилия, свободы слова во время дебатов и свободного доступа к Его Величеству, когда в том окажется надобность, а также, чтоб всем их действиям давалось наиболее благоприятное толкование». По возвращении в палату общин спикер докладывает, что король одобрил выбор палаты и что подтвердил ее древние права и привилегии. Затем произносится присяга членами палаты. После этого палата общин приглашается в палату лордов, где они, стоя выслушивают тронную речь. Тронную речь читает иногда сам монарх, но чаще лорд-канцлер. В ней сообщается об отношениях с иностранными державами, о состоянии страны и о тех законопроектах, которые будут предложены на их рассмотрение. Затем следует обращенная только к общинам просьба утвердить предлагаемые финансовые проекты и бюджет. Затем общины уходят, и в течение сессии обе палаты совещаются отдельно. Каждая из них принимает ответный адрес на тронную речь, в палате общин этому предшествуют прения и лишь затем палаты приступают к текущим занятиям.

Сессии были обычно короткие, продолжительностью 7-10 дней, но не все вызванные оставались до конца, некоторые покидали парламент до ее окончания. Прежде чем отъехать, рыцари и горожане должны были получить writ о расходах, на основании которого они имели право получить компенсацию от своих выборщиков.

Здесь возникает самый трудный, поскольку нет необходимых документов, вопрос: кто и как избирал парламент. Речь идет о палате общин, ее членах, так как верхняя палата (палата лордов) комплектовалась на основе иных принципов: наследственного права, дарованного королем и рассылаемых на основе этого королевских приглашений... Еще раз подчеркнем, что окончательное размежевание верхней и нижней палаты произошло в 1352 г. У. Стаббс, изучавший редкие материалы архивов, установил, что в XV в.

количество выборщиков в графствах редко достигало сорока человек. В 1414 г. в северном Камберленде решало, кого послать в Лондон, всего 11 человек. В многолюдном Кенте на вызов шерифа откликнулось 12 человек. Тогда же в Серри под протоколом избираемых поставили свои подписи 19 дворян, в Сессексе – 16, в Сомерсете – «по согласию» всего графства –26. В 1447 г. в Глостершире собрались 31 выборщик, в Серри – 20. На избирательном собрании в Ланкашире в 1427 г. участвовало 18 таковых. Косвенные данные говорят о том, что в первые тридцать лет после ланкастерского переворота наметилась тенденция к демократизации состава выборщиков за счет зажиточного крестьянства, разного рода джентльменов – действительных и мнимых, активны были служащие разных судов... Тенденция была прервана парламентскими статутами 1429 г., 1445 г. Издав их, феодальная олигархия, захватившая власть в стране, развязала себе руки в деле подкупа выборщиков во имя своих групповых интересов.

Англия XV в. имела 37 графств. Правом выбирать в нижнюю палату пользовались 98 городов, не считая Лондона. Каждая из этих выбирающих единиц посылала по два представителя. К ним добавлялись четыре лондонца. Казалось бы перевес горожан – 200 представителей над сельским джентри (79 человек) бесспорен. Однако едва ли больше 20 городов имели средства на командирование своих представителей к месту заседания парламента. Все остальные искали «спонсоров» из местной знати и отправляли в парламент членов баронских ливрей (слуг судебных и военных).

Несмотря на важную роль, которую играл парламент в XIV в., его отношение к законодательной деятельности было обличено в такую форму, в силу которой источником законодательства признавался король, а парламенту была отведена роль советника и просителя. Иначе говоря, парламент обладал «петиционным правом». О «парламентских петициях» (the parliamentary petitions) шестьдесят лет назад была опубликована специальная, весьма обстоятельная работа. Ее автор – Е. Майерс (A. Myers). Оказывается петиции, как правило, письменные, в начальный период существования парламента отличались краткостью (12 строк) и столь же кратко адресовались: «A nostre seigneur le Roy» (язык английский еще не использовался). Однако парламентское делопроизводство усложнялось в силу профессионализации тех людей, которые его вели. Петиции «удлинились», формулировки приобрели витиеватую форму, которая требовала опытной руки. К началу XV в. привился порядок, который предусматривал после открытия парламента оповещать заинтересованных лиц о назначении специальных «приемщиков» петиций, числом не менее четырех из клерков канцлерства. Называлось время и место, где они встречались с желающими подать петиции, и эти петиции оформляли по принятому стандарту. Естественно, за подобные услуги брались деньги. Известно, что за оформление одной петиции лондонский цех изготовителей оловянной посуды отдал целую «марку» серебром (13 шил. 4 пенса). Составленные таким образом документы включались в «roll» парламента и докладывались в палате общин и в случае их одобрения коммонерами превращались в "билли", которые адресовались "лордам" и "королю". "Билли" после их рассмотрения королем превращались в парламентские акты – статуты - общественной значимости, подлежащие оглашению по всему государству, и частные акты (private acts), которые из парламента направлялись петиционерам в качестве королевских приказов через канцлерство (чаще всего) или другие ведомства: казначейст-

во, канцелярию лорда-хранителя Малой (Тайной) госпечати (Keeper of the Privy Seal), королевские суды.

Статуты издавались коронными судьями от лица короля, а парламент лишь подготовлял их своими петициями. Вследствие этого, в статуте могли быть отклонения от того, что было решено в парламенте.

Был риск, что если даже король обещает издать закон, то этот закон совершенно не будет соответствовать петиции, на которую он опирается. Статут подлежал обнародованию только после роспуска парламента, форма статута устанавливалась королевским советом. Наконец, в 1414 году Генрих V вскоре после своего восшествия на престол согласился на пункт, о котором общины постоянно настаивали. Они просили: «Чтобы ни один закон, установленный и вписанный в статут, не подвергался изменениям путем добавлений или видоизменений терминов, что может изменить смысл и намерения его». В своем ответе король объявлял, что с этих пор «в петиции общин не будет добавляться ничего, что противоречит желаниям коммонеров, и ничего не будет включаться без их согласия» (1 HV).

Эта уступка привела к важным изменениям в методике составления статутов. Вошло в практику посылать королю не петицию, а билль, написанный в форме статута, так что у короля не оставалось другой альтернативы, как соглашаться на билль или отвергнуть его.

Это отразилось и на применении законодательной формулы, согласно которой статуты должны устанавливаться с совета и согласия лордов и общин. Таким образом, обе палаты были поставлены рядом. С этого времени начинается период возрастания единства парламентской ассамблеи, что находит свое отражение в парламентских процедурах и формулировках. Общины стали добиваться на практике того, что было установлено в теории – статуса советников короля наряду с лордами. Было установлено, что официальные билли сначала должны читаться как перед лордами, так и перед общинами, и лишь потом отправлялись королю. Участие общин в принятии официальных биллей (т.е. составленных не по инициативе общин) было урегулировано в 1429 г. Процедура принятия такого билля была подробно описана в «Passage of Parliament bill». Там говорится: «Любой билль, частный или иной, в первую очередь представляется в палату общин и принимается ею; по обычаю билль должен быть индоссирован в такой форме: «пусть рассмотрят лорды». И если король и лорды согласны с биллем и не желают ничего изменить, либо добавить к нему, то они не индоссируют билль, но передают его клерку парламента для регистрации и внесения в ролл. Если это общий билль, то он регистрируется в ролле и вступает в силу; если это частный билль, то он не регистрируется в ролле, но подписывается в специальную подшивку и этого достаточно. Если лорды желают сделать какое-либо изменение в билле и они уверены, что общины не будут возражать, то билль обратно не посылается. Например, если общины гарантируют налоги на 4 года, а лорды соглашаются, но только на 2 года, то билль не отправляют общинам для получения их согласия, оно подразумевается. Но если общины дают налоги или что иное на два года, а лорды пролонгируют это на 4 года, то билль должен быть отправлен в общины, и лорды должны отправить ноту, выражающую их намерение и, кроме того, они должны индоссировать общий билль с такими словами: согласие лордов делается на 4 года.

Когда билль будет возвращен в палату общин, он не будет иметь силы, если не заходит согласиться с ним. Но если общины пожелают согласиться с лордами, они индоссируют свой ответ на полях в нижней части билля в такой форме: «Общины согласны с нотой лордов, которая касается этого билля». Затем билль передается клерку парламента.

Если билль был представлен сначала в палату лордов, и принят там, то он посылается в палату общин. В этом случае, если билль принимается общинами, он индоссируется ими в такой форме: «Общины пришли к согласию» (The commons have assented). Таким образом, подтверждается билль, который сначала был принят лордами». Усиление нижней парламентской палаты в политической системе Англии первой половины XV в. отразилось в соответствующих источниках. К «общинам» за поддержкой стала обращаться, наряду с рядовыми «подданными» короны, коронная знать. В 1421 г. среди петиционеров мы видим: епископа, графа. Их петиции «энроллед» (enrolled) рядом с прошениями рыбаков «с Темзы», держателями Беркшира, горожанами Оксфорда и т.д. Изменились адреса петиций: в начале XIV в. - королю, позднее королю и «его совету». После 1352 г. королю и лордам парламента. К концу века в петициях стали появляться «общины», наряду с «королем» и «лордам». Согласно Э.Р. Майерс, при Ричарде II появились две петиции, адресованные только общинам: 2 из 125. Появлялись подобные аномалии при первых двух Генрихах Ланкастерах. А вот при третьем Генрихе Ланкастере из 51 петиций 29 общинных и одна «спикеру и рыцарям графств» (т.е. только общинам)[2]. Наблюдалось во второй четверти и такое явление: петиции в обход заведенному порядку перестали даваться клеркам для оформления и направлялись через «рыцарей» нижней палаты, включая в «рыцарей» и городских «депутатов». Чаще всего такие «левые» петиции шли от «частных» лиц или «групп» петиционеров. Сошлемся еще раз на исследования Э.Р. Майерс: при Генрихе VI было энроллед 51 петиция, прошли без такового – 24, т.е. 32% (иначе – почти треть).

Менялись и стилевые характеристики петиций. Если в XIV в. просители характеризовали себя весьма уничижительно: «poor», «simple» и т.п. общины, то уже к середине XV в. общины, оформляя петиции в билли для короля и лордов, писали: «descreet Commons», «worthy» ... «right honorable» и т.п.

К формуле парламентских актов было сделано существенное добавление. Статуты должны устанавливаться не только с совета и согласия лордов и общин, но и их властью. Формула «By authority of Parliament» означала, что статут приобретает свою силу от парламента.

Начало использования формулы «властью парламента» восходит к 1420 году, когда общины резко выступили против практики индоссирования биллей с надписью «властью парламента» без их согласия. Правда, тогда их требования не получили удовлетворения. Еще раньше мы встречали формулу «властью парламента» в 1398 г. На эту дату указывает Стаббс. Он считает, что эта формула включает в себя согласие общин, и что палата общин может рассматриваться как консультирующая и соглашающаяся с тем, о чем просят в петиции[3].

Что касается принятия денежных биллей, то важный прецедент был создан уже в 1407 году. Общины стали противиться вмешательству короля и лордов в предоставление ими (общинами) субсидий или вспомоществований. Они заявили, что право предоставления субсидий не должны даваться ко-

ролю, пока на это не будет согласия палаты общин, и что доклад о субсидиях должен быть произнесен спикером палаты. Король принял это заявление нижней палаты, и таким образом был установлен важный конституционный принцип[4].

А в 1409 г. мы находим новое подтверждение тому, что роль нижней палаты в законодательном процессе возросла со статуса просителей до статуса советников, дающих согласие. Мы имеем в виду письмо Генриха IV папе, где король представляет себя как действующего по совету и с согласия как лордов, так и общин в парламенте, без которого ни один статут не может быть изменен или отменен[5].

Возрастание роли общин приводило к дальнейшей интеграции парламентской ассамблеи. Парламент стал пониматься не иначе как единство трех сословий, заседавших в двух палатах. Не могло быть и речи, чтоб назвать парламентом ассамблею, где отсутствовали представители от общин. Укрепилась формула: без общин нет парламента.

Эдуард IV неоднократно подчеркивал доброе отношение к общинам. В 1461 им было указано, что именно с помощью общин он восстановил то, что принадлежит ему по праву. И что он благодарит общины за их великий труд, который они выдержали[6]. В июне 1467 г. король вновь благодарит общины за доброту и справедливость сердец. В мае 1468 г. в официальном меморандуме описывается парламент как единство трех сословий.

Формула «властью парламента» стала регулярно употребляться в преамбулах статутов после 1448 г., в условиях резкого ослабления королевской власти (первый период «войны Роз»). В 1461г. общины просили короля новой йоркской династии Эдуарда IV подтвердить привилегию общин на употребление этой формулы. В 1483 г. уже король узурпатор Ричард III нарочито использовал формулу, дабы укрепить свое положение «властью трех сословий» в парламенте. Казалось, до парламентской республики осталось сделать немногое. Но история повела Англию по иному пути.

Чтобы определить механизм, укреплявший позиции парламента в политической жизни страны, дать взвешенную оценку его возможностей влиять на государственные институты, в первую очередь, на органы королевской власти, следует определить, каков удельный вес «парламентских денег» в бюджете королевского казначейства, т.е. другими словами, какие платежи и в каком размере взимались с населения по разрешению парламента и какую долю они составляли в общих доходах короля.

Королевская казна пополнялись из разных источников. В их числе – «старые» феодальные доходы, пожалования или подарки (в конце XV в. обозначаются словом «беневоленции») отдельных подданных или их групп, конфискации у преступников, судебные штрафы, выкупы (военнопленных), разного рода «поборы» (преимущественно – продовольственные, обозначающиеся словом - purvey, purveyance)[7], таможенные пошлины, займы, вотируемые парламентом налоги (обычные - subsidies и чрезвычайные - aids).

Соотношение этих различных частей бюджета время от времени менялось. Эти колебания, причем иногда с большой амплитудой, зависели, как правило, от политической и экономической обстановки в стране в тот или иной период.

Под старыми феодальными доходами предполагают, главным образом, ренты с королевских земель[8]. В XIV-XV вв. они давали ежегодно 20000 – 25000 фунтов стерлингов. Домен имел тенденцию к сокращению. Поэтому

каждый новый король начинал с ревизии пожалований своего предшественника и кое-что возвращал под тем или иным предлогом. Операция называлась королевскими юристами «resumption» – "возврат обратно". Парламент часто выступал инициатором резумпции. Им принимались соответствующие акты[9]. Потом «утоньшение» королевского домена возобновлялось до новой «резумпции». Впрочем, иногда доходы от коронных земель резко возрастали. Ричард II после победы над баронской оппозицией в конце 90-х гг. XIV в. произвел немало конфискаций. Эти земли были включены в королевский домен и стали давать королевской казне доходы. Генрих IV, пришедший к власти при поддержке оппозиционного баронства, вернул многие земли, захваченные Ричардом II, своим союзникам и тем вновь сократил фонд доменциальных королевских земель. В чем-то схожая ситуация наблюдается в конце 70-х – начале 80-х гг. XV в. Тогда тоже произошли конфискации земельных владений крупнейших магнатов. Имеем в виду конфискации, проведенные Эдуардом IV (земли его брата герцога Кларенса, графа Невиля). Ричард III, захватив власть в 1483 г. конфисковал земли Стаффордов, Вудвилей и многих других баронских семей юга и юго-запада Англии. Конфискации Ричарда III были так велики, что это натолкнуло его на мысль создать особую группу для хозяйственно-финансового управления разросшимся доменом. Так было положено начало особой королевской финансовой казне, независимой от казны государства. Идея Ричарда III была окончательно оформлена и закреплена его преемником Генрихом VII. Он в отличие от Генриха IV вернул лишь малую часть земель, конфискованных предшественниками, по очень простой причине – некому было возвращать, земли оставались выморочными.

С конца XIII в. начинает формироваться государственная таможенная служба на границах (морских) королевства. В 1275 г. Эдуард I ввел таможенный побор на экспорт шерсти. Это была «ancient custom» (или magna costuma) размером 6 шил. 8 пенсов (0,5 марки). Побор оказался эффективным (8000-11000 ф. в год)[10]. В 1303 г., начиная эру протекционизма, король ввел «новую таможню» (или малую таможню – parva costuma (petty custom)) с иностранцев, вывозящих шерсть из страны. Размер ей установили в 3 шил. 4 пенса. «Малая пошлина» дала немалые суммы королю, если учесть, что больше половины экспорта шерсти контролировалась чужестранцами.

Начавшаяся с 1337 г. война с Францией («Столетняя») увеличила и намного расходы, а, стало быть, поиск источников пополнения «военной» казны. Процесс имел и другую сторону: попытки парламента установить контроль над расходованием собираемых средств чиновниками королевской администрации. Кроме того, наметилась и тенденция со стороны королевского Казначейства (Exchequer). Его руководители («barons») стали работать системно - продуманно, если не сказать, щепетильно, организуя сбор таможенных пошлин. В течение 40-80-х гг. XIV в. сложилась совершенная для технических возможностей того времени таможенная система, и, что важнее, эффективная.

Основным объектом обложения в середине XIV в. и далее оставалась шерсть. В 1371 г. парламент предоставил королю право на сбор, так называемой, субсидии (subsidy) на вывозимую шерсть. Субсидия в течение ближайшего столетия имела тенденцию к росту, в первую очередь увеличивалось обложение иностранцев.

Таблица № 1[11]

ДИНАМИКА СУБСИДИЙ НА ШЕРСТЬ

Годы	*1438*	*1441-42*	*1444*	*1449*	*1453*	*1463*
Субсидия с англичан	33ш.4п.	33ш.4п.	33ш.4п.	33ш.4п	33ш.4п.	33ш.4п
Субсидия с иностранцев	53ш.4п.	54ш.4п.	54ш.4п.	54ш.4п	160 ш.	66ш.8п
Срок сбора	3 года	2 года	4 года	4 года	Пожизненно	Пожизненно

В 1341 г. парламент, даровав королю большую субсидию, назначил ревизоров (auditor) для просмотра и оценки отчетов королевского казначейства. Иначе говоря, ревизоры должны были изучать, каким образом казначейство тратило полученные по субсидиям деньги, и дать свое заключение в целесообразности этих трат. Когда в 1353 г. парламент разрешил королю собирать субсидию с экспортируемой из Англии шерсти, он, используя прецедент 1341 г., назначил ревизора для анализа казначейских счетов. В дальнейшем эта практика продолжалась. Так, в 1377 г., когда были введены, кроме обычных, чрезвычайные субсидии, парламент назначил не только ревизоров, но и сборщиков субсидий (collectors), а также лиц, ответственных за их хранение и расходы. Так возникла система парламентского «наблюдения» и контроля над деятельностью королевского казначейства, за «правильным» с точки зрения членов палаты общин расходованием «народных» денег.

К середине XIV в. интерес для «баронов» казначейства стала представлять торговля сукном. С 1347 г. появляется таможенная пошлина на экспорт сукна и других шерстяных изделий, полностью готовых для малого опта и розницы, неокрашенных и еще менее доработанных. Однако протекционистские принципы по отношению к отечественной шерстеобрабатывающей промышленности, возобладавшие в экономической идеологии королевской власти, приостановили агрессию таможни по отношению к этому направлению экспорта.

С таможней были связаны и такие «субсидии» парламента как бочечная пошлина (tonnage) и пошлина с каждого фунта стерлингов стоимости экспортируемых и импортируемых товаров. Первое решение по их сбору имело место в 1347 г. С 1371 г. они, наряду с «первой» таможенной субсидией на шерсть, стали собираться регулярно. К началу XV в. стабилизировались их размеры:

- англичанин, с каждой импортируемой бочки вина платил 8 шил. пошлины, иностранец – в два раза больше;
- каждый купец, независимо от национальности, при ввозе и вывозе уплачивал в казну 1/20 стоимости своего товара (12 пенсов = 1 шиллинг от 20 шил., т.е. одного фунта). От последней пошлины освобождалось зерно, рыба, олово, которые имели особое, льготное обложение, а также, по указанным причинам, шерсть и вино.

Подчеркнем, что в XIV – первой половине XV вв. парламент строго контролировал эти три субсидии, предоставляя их на кратные сроки – 2-3 года, позднее на 4. Лишь с 1453 г. все три стали жаловаться на срок жизни короля. Парламент точно указывал назначение этих пошлин: охрану берегов Англии и защита купеческих судов в море и «за морем». Назначались парламентом для эффективности контроля специальные аудиторы (с 1340 г.).

Парламентские «auditors» и понимание со стороны королевского двора важности «таможенных субсидий» привели к совершенствованию таможенного дела: аппарата таможен и их делопроизводства. В каждом крупном городе действовали «коллекторы» - «collectors of customs». В мелких портах по соседству имелись их представители (deputies). За их операциями наблюдали «контролеры» – (controller of customs). Они вели особую ведомость, в которой учитывались все корабли, грузы, их цена и др. Это – «counter roll», главный отчетный документ таможни. Чтобы обеспечить себе технические возможности для работы коллекторы и контролеры собирали с купцов особый сбор «cockets» в определенных размерах. Судя по косвенным данным, самый большой «cocket» шел с шерсти – 1 ш. 4 пенса. Он делился пополам между двумя таможенными службами. Позднее появились «searchers» («обыскивающие»), обязанностью которых было встречать суда при входе в порт или на дальних подходах к нему и опечатывать груз, дабы избежать контрабандного (в обход таможни) ввоза (или вывоза). Они контролировались "surveyors" (инспекторами). Как бы то ни было, в казначейство шло от каждого города четыре отчета. И это давало «аудиторам» центрального казначейства эффективно контролировать работу таможен и пресекать коррупцию. Подчеркнем еще раз, хорошие заработки таможенников. Searchers Лондона имели доход 50-100 ф. в год, это больше, чем давал средний рыцарский лен. Треть или четверть конфискованных товаров таможенники продавали в свою пользу. Исследователи XIX-XX вв. (их несколько десятков) отмечают образцовую работу английской таможни в XIV-XV вв.

Результат был таков: таможня давала 40-50% казначейских сборов. Подавляющая часть их шла от субсидий, хотя, естественно, действовали и давали доход мелкие внутренние таможни. Сделаем еще одну оговорку: с захватом англичанами порта Кале на французском берегу сборы со «складов» (staples) этого города стали тратиться на оборону города. Часто собирала таможенные поборы здесь «Компания купцов - стэплеров».

Определенную роль в функционировании королевства играли прямые налоги, вотируемые парламентом. Это были «субсидии» на движимость. Она стала господствовать в решениях парламента к концу XIV в. До этого были

попытки навязать населению Англии поголовную подать – (poll-tax). Королевское окружение, инициировавшее ее, называло ее скромно- «помощь» (aid)[12].

В феврале 1377 г. в связи с ухудшением военного положения во Франции правительство попыталось обложить каждого жителя – мужчину или женщину – старше 14 лет налогом в 4 пенса (монета звалась «четырехпенсовик»). Кроме того, с каждого жилого дома предполагалось взять по 1 пенсу. Общины отклонили просьбу правительства и 29 сентября 1377 г. предоставили «обычную» субсидию. Собранных по обычной разверстке – 37 000 ф. на военные расходы не хватило. Поэтому в 1379 г. «poll-tax» в размере 50 000 ф. стал собираться, но сборщики встретили, хотя и «спокойное», но твердое сопротивление населения и выполнить поставленные перед ними задачи не сумели. Парламент согласился в срочном порядке дать еще одну обычную субсидию. Ее собрали, но денег мало. В конце 1380 г. общины под угрозой полного военного разгрома на континенте согласились на «poll-tax» в двойном размере. Кроме того, по два шиллинга надлежало брать с вступающих в брак... Сбор начали весной 1381 г. и спровоцировали бурное и мощное народное восстание – «great revolt» во главе с Уотом Тайлером.

После бурных событий 1381 г. правительство уже не решалось на «чрезвычайщину» в налогах. Государство удовольствовалось «обычной» субсидией в конце XIV-XV вв. Что представляла собой такая субсидия? Это – разовый налог в размере 1/10 движимого имущества в городе и 1/15 в сельской местности. В 1373, 1377, 1380 гг. под данную разнарядку собрали одинаковую сумму – 37 000 ф. Поэтому позднее была закреплена именно эта сумма, которая раскладывалась между графствами и городами пропорционально их движимости. К XV в. ухудшение экономического положения в стране заставило сократить сборы с «бедных» (обедневших) регионов. Сумма сборов сократилась до 31 000 ф. Лишь при Генрихе VII, когда королевская власть окрепла, а благосостояние населения увеличилось, была сделана еще одна попытка увеличить бремя прямых налогов, но она провалилась, как и более ранняя, из-за активного сопротивления населения[13].

Рассмотренные факты позволяют говорить, что к концу XIV и до конца XV вв. «парламентские деньги» составляли более половины коронных доходов, а в отдельные десятилетия доходили до 2/3 всех финансов королевства.

Таблица № 2[14]

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ КАЗНАЧЕЙСТВА

№ п/п.	Короли	Годы правления	Среднегодовой сбор субсидий (в ф. ст.)	Субсидии в доходах казны (%)	Среднегодовой доход с таможни (в ф.)	Таможенные пошлины в доходах казны (%)	Среднегодовой доход короля (в ф.)	Парламентские деньги в доходах короля (%)
1.	Эдуард II	1307-1322	12000	22	12600	-	55600	22
2.	Эдуард II	1326-1340	17000	17	48000	-	105221	17
3.	Эдуард III	1341-1377	18158	17	48000	46	105221	63
4.	Ричард II	1377-1398	42541	33	35790	29	126068	62
5.	Генрих IV	1399-1413	23000	19	47400	40	118875	59
6.	Генрих V	1413-1422	39000	28	49200	36	130750	64
7.	Генрих VI	1422-1428	800	1	39000	55	70795	56
8.	Генрих VI	1428-1454	1800	2	32000	57	84285	59
9.	Генрих VI	1454-1461	-	-	32000	54	58713	54
10.	Эдуард IV	1461-1469	11250	14	25000	35	77655	49
11.	Эдуард IV	1469-1483	11000	13	35000	43	82030	56
12.	Ричард III	1483-1485	12000	15	20900	25	82076	40
13.	Генрих VII	1485-1497	24400	27	32950	37	89350	64
14.	Генрих VII	1497-1505	9200	9	41000	41	98200	50

Таким образом, свыше половины королевских доходов приходят через парламент. Это приводит нас к выводу, что без парламента король обходиться уже не мог. Парламент с его финансовыми возможностями был жизненно необходим королю и его государственному аппарату.

Кроме того, имущество духовенства также служило объектом налогообложения, но не через парламент. «Вотировалась» королю «субсидия» с церковной движимости решением синодальных собраний (convocations) высших иерархов церкви по двум диоцезам: кентерберийскому и йоркскому. Обычно это была «разовая» (единовременная) десятина, причем кентерберийская епархия давала многократно больше йоркской. Сумму их «церковных» десятин колебалась от одной трети до половины «светской «парламентской» субсидии.

Изучение различных цифр, связанных со сбором «субсидий» и «эдс», позволяет дать оценку движимого имущества (весьма приблизительно, конечно)

Англии XIV-XV вв. и распределения движимости между основными группами населения. Общая стоимость движимости королевства 580 400 ф. В крупных городах, плативших «десятину», находилось 37 200 ф.[15]. В мелких городах и «на селе» 409 200 ф. Церковное имущество в городах и деревне исчислялось в 134 000 ф. Если перевести все это в проценты, то окажется, что духовенство контролировало 23,7% государственного бюджета - это меньше, чем в любой стране на континенте. Городские жители (крупных городов) сосредоточили в своих руках только 6,4 % движимости страны. Число занижено – с учетом таможенных субсидий (тоннаж, паундаж и др.), которые платили купцы...

Налоговая система, созданная английским парламентом в середине XIV в., позволяет не только дать оценку содержательной стороне, но и классово-социальную характеристику этой системы. Заседавшие в нижней палате представители английских городов и джентри согласились взять на себя основную долю государственных расходов. Однако, приняв на себя такое обязательство, эти квази-буржуазные слои очень ревностно относились к королевским притязаниям на накопленное ими имущество (движимость). Все попытки короля увеличить обычную субсидию (1/10 и 1/15) и ввести повышенную, как правило, проваливались. Зато коммонеры оказывались более покладистыми, когда речь шла о введении косвенных налогов, в частности, таможенных пошлин. Ведь в итоге за увеличение таможенных пошлин расплачивался массовый потребитель, т.е. таможенная пошлина входила в оптовую стоимость товара, а, следовательно, и в розничную. Когда парламент соглашался на обложение движимости, то он давал «добро» на обложение имущего меньшинства английских общин. Система же косвенных поборов (таможня) – это попытка расширить количество налогоплательщиков и вовлечь в их число широкие массы английских трудящихся и бедноты.

Система косвенных налогов – эта характерная черта буржуазного налогового законодательства, т.е. искусственное повышение цен на товары, которое существовало со времен первоначального накопления капитала и до сего дня.

Мы имеем основание сказать, что налоговое законодательство английского парламента носит буржуазный в тенденции характер. Буржуазия (квази-буржуазия: горожане, купцы, джентри, ремесленники) взяла на себя обеспечение государственного аппарата необходимыми средствами путем перекладывания значительной доли на плечи трудящихся через систему косвенного налогообложения.

Парламентские институты в Англии сочетались с более древними политическими учреждениями, возникшими на ранних этапах существования островного королевства.

Высшим административным органом Англии с древнейших времен являлся Тайный совет. Его функции в эту эпоху чрезвычайно широки: назначение сроков созыва парламента; руководство выборами, посылка всех необходимых инструкций и полномочий; составление бюджета, определение его расходной и доходной части, как в отношении финансов государства, так и короны. Его функцией являлось назначение должностных лиц высокого ранга: командующих армии и флота, чиновников финансового и судебного ведомств, а также контроль над всей деятельностью государственного аппарата, руководство дипломатией, решение вопросов о войне и мире, посылка посольств и утверждение договоров. Кроме чисто административных функ-

ций он занимался судебной практикой. Дела о государственной измене, мятежи, убийства, грабежи, пиратские акты, злоупотребления королевских чиновников - все эти преступления были подсудны Тайному совету. Королевский совет часто выступал посредником в конфликтах между представителями аристократии, выдавал лицензии купцам, иностранцам, предпринимателям. Например, 18 мая 1448 г. король с согласия своего совета выдал 25 лицензий фламандцам на ввоз различных товаров[16]. Комиссии по сбору ополчения (Commissions of Array), следственные комиссии (Oyer and Determiner...), комиссии по проверке состояния крепостных сооружений (de wallis et fossatis ...), комиссии по сбору займов также рассылались им[17].

Тайный совет рассматривал петиции (горожан Лондона, например), выдавал хартии о помиловании и т.п. Тайный совет созывал Большие советы королевства, определял персональный состав приглашенных и рассылал им повестки. Таким образом, Тайный совет занимался всем комплексом государственных дел, в этом отношении предвосхищая министерства позднейших эпох. Членами совета были государственные чиновники и виднейшие магнаты государства. Вот некоторые данные о социальном составе совета: в 1406 г. в него входили 16 человек - три епископа, один герцог, один граф, четыре барона, канцлер, держатель (хранитель) Малой государственной печати, стюард королевского двора, чемберлен (камергер), заведующий канцелярией Англии и лишь три рыцаря. В 1423 г. в составе совета - 17 человек – протектор, один герцог, пять епископов, пять графов, два виконта, три рыцаря[18]. Таким образом, светская аристократия высшего ранга составляла в совете большинство (в первом случае – 6 человек из 11, а во втором – 13 из 16). Удельный вес представителей общин, если считать таковыми рыцарей, невелик по числу, и, конечно, по влиянию на решения совета. Члены Тайного совета не назначались королем, а занимали свои места в силу общественного и служебного положения. Поэтому Тайный совет эпохи «трех Генрихов» был не органом слуг, а органом соратников, которые не только подчинялись королю, но и контролировали его деятельность. И хотя мы сказали, что в совет входили должностные лица высших рангов и магнаты, мы должны подчеркнуть, что это был в первую очередь совет баронов, а не чиновников. При этом нельзя противопоставлять высших должностных лиц аристократии. Руководящие государственные посты в это время занимали, как правило, аристократы: лорд-канцлером назначался архиепископ или епископ, лорд-казначей и чемберлен также назначались из аристократии. Хранитель «малой печати», занимавший менее видное положение, реже был аристократом, то же следует сказать о людях, возглавлявших суды общего права.

Подобно Тайному (или малому) совету Большой совет знати также был орудием магнатской олигархии. Например, на совете 1454 г. присутствовало 18 епископов, 4 герцога, 11 графов, 2 виконта, 30 баронов, 4 рыцаря, 1 приор. Эти два органа власти с Палатой лордов в парламенте были орудиями политического господства аристократии

Тайному совету подчинены были другие государственные органы: канцлерство, казначейство, канцелярия - королевская и государственная (вторую возглавлял «great chamberlain» Англии, первую – «lord-chamberlain of the King's household»), суды общего права («King's Bench» and "Court of the Common Pleas") и хотя аристократия составляла меньшинство в этих советах, но она руководила ими через своих представителей или через угодных

ей чиновников, пользуясь тем, что без согласия совета не могло состояться ни одно назначение. В отдельных случаях требовалась санкция Палаты лордов. Все эти органы ограничивали до известной степени власть короля, стесняли его в действиях. Например, все приказы относительно общего права, пожалования или помилования – только тогда получали реальную силу, когда под ними стояла «Большая печать». В противном случае шериф и любой чиновник не должен был их выполнять. Личная подпись короля или его печатка (signet) не имели в этом случае силы, как и Малая печать. Большой же печатью распоряжался канцлер, и не всегда одного королевского приказа без санкции совета было достаточно, чтобы канцлер утвердил своей печатью приказ. Та же процедура существовала и при вызовах, контрактах, лицензиях, которые шли под Privy Seal, которую контролировал лорд-хранитель (Lord-Keeper) этой Малой (Тайной) государственной печати. По сравнению с Большой печать она была меньше по своим габаритам. Смысл ее употребления – конфиденциальный, тайный или, довольно часто, индивидуальный. Поэтому возможны варианты при переводе на русский язык.

Бюджет, который утверждал Тайный совет, также не мог быть изменен королем без его согласия: на его пути стоял аппарат казначейства, отвечавший за точное соблюдение узаконенного бюджета.

Еще более рутинную организацию представляли собой суды общего права

Членами Тайного совета являлись высшие должностные лица: лорд-канцлер, лорд-держатель Малой печати, masters of the rolls (т.е. хранители свитков протоколов), лорд-адмирал, граф-маршал. Адмирал отвечал за королевский флот, а граф-маршал курировал королевские тюрьмы, в первую очередь главную столичную Маршалси («маршальскую»).

Особенностью монархии рассматриваемого периода было разделение королевского и придворного управленческого аппаратов, государственной административной и судебной системы. Если в конце XIV-начале XV вв. государственные органы имели приоритеты, то к концу XV в. королевские «дворовые» службы приобрели решающую роль.

При Генрихе VII, наряду с королевским чемберленом на первые роли выдвинулись такие члены королевской администрации как «королевские секретари» (их было двое), лорд-стюард королевского двора, казначей королевского двора, контролер королевского двора и др.

Высшие сановники с санкции короля стали создавать новые структуры. Раньше всех появился канцлерский суд «справедливости» «для неимущих». Исковые документы клерки этого судебного органа принимали от заявителей на льготных условиях[19]. Чаще всего такими заявителями были крестьяне, отстаивавшие свои права на личную свободу и землю, в условиях перераспределения личностных прав и перестройки поземельных отношений в процессе ликвидации крепостнических порядков после великого крестьянского восстания 1381 г. В сущности, канцлерский суд и контролировал юридически эти новые, сложные процессы в сфере аграрных отношений.

В конце XV в. возникают новые органы: Звездная палата (1487 г.)[20] и подчиненная Звездной палате Палата прошений. Последняя заменила канцлерский суд, взяв на себя разрешение споров между держателями и собственниками земли. Несколько раньше появились региональные органы – Советы Севера и Запада (70-80 гг. XV в.). Все эти учреждения обросли штатами, создавали выездные комиссии и т.п. Постепенно новые органы абсолютной монархии стали играть решающую роль в административно-судебной деятельности государства.

---

[1] Stubbs W. The Constitutional History of England. III. P. 421

[2] Myers A. R. The Parliamentary Petitions in the XVth Century. Part I. //The English Historical Review. V. 52. 1937. P. 390.

[3] Stubbs W. The Constitutinal History... V. II. P. 594.

[4] An Enciclopedia of Parliament. P. 443.

[5] Впервые король признал, что нельзя изменить никакой статут без согласия Палаты общин в 1401 г. - Rotuli Parliamentorum. III. P. 522 .

[6] Ibid. P. 487.

[7] Purveyance – реквизиция для потребностей двора по нормированным ценам. См. любой англо-русский современный словарь.

[8] С земельной рентой связаны различные «личные» платежи вассалов – файны, щитовые деньги с рыцарей, доходы от опеки несовершеннолетних и др.

[9] Официальное название – Act of Resumption. Подробно: Ramsay J. A. History of Revenues of the Kings of England. Ox. 1925.

[10] Carus-Wilson E. M. and Coleman O. England Export Trade. 1275-1547. Ox. 1963. P. 2

[11] Rotuli Parliamentorum. Vols. IV, V, VI.

[12] Была также единичная попытка (1371 г.) разместить субсидии по приходам. Эта "эд" обнаружила "завышенное" представление лондонских чинов о демографии и ресурсовых возможностях страны. Думали, что в Англии 40 000 приходов, оказалось их 8600, и собрать с этого числа приходов 50 000 ф. не удалось…

[13] См.: Кузнецов Е.В. Народные восстания в Англии последних лет XV в. // Научные доклады высшей школы. Ист. 1959. № 1. С.150.

[14] Таблица составлена по «королям» с учетом того, что субъективный («королевский») фактор в те времена был часто решающим в финансовой политике.

[15] Вот города, платившие отдельно от графств: («особой строкой», выражаясь по-современному): Лондон, Саусворк, Саутгемптон, Рочестер, Кентербери, Норич, Йорк, Кингстон, Шрусбери, Вустер, Глостер, Бристоль, Бэт, Солсбери, Оксфорд, Ковентри, Ноттингем. Всего – 17.

[16] PO. Vol. V. P. 27.

[17] Calendar of the Patent Rolls. Edward IV. Vol. I. P. 413- 414, etc.

[18] Stubbs W. Seventeen Lectures on the Study of Medieval and Modern History. Ox. 1886. P. 255 – 256.

[19] Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 23.

[20] Звездная палата получила свое название по тому помещению в Вестминстере, где она заседала. Палата прошений собиралась в Уайтхолле Вестминстерского дворца.

ГЛАВА 4

УЭЛЬС. ВОССТАНИЕ ГЛЕНДОУЭРА

Территориально невеликая (по планетарным меркам) средневековая Англия включала в себя ряд областей, сохранивших на протяжении всей феодальной эпохи немало своеобразных черт в экономике и культуре, социально-бытовых институтах и даже в языке. Это были преимущественно пограничные области: Кент - на юго-востоке, Корнуолл и Девоншир (западная часть) - на юго-западе, пограничные (или близкие к границе) с Шотландией графства, остров Мэн и, конечно, Уэльс... Уэльс занимал в истории Англии особую в отдельные временные отрезки - весьма важную роль. Своеобычность Уэльс сохранил до наших дней. Из трех миллионов его жителей более шестисот тысяч владеют древним кельтским («валлийским», «кимврским») языком. Валлийцы сохранили и развили свою литературу, имеют периодические издания на родном языке, национальные учебные заведения, развитую культурную инфраструктуру.

Большую часть полуострова Уэльс (или Камбрия) занимают горы. Средняя их высота 230-430 м над уровнем моря. Однако на северо-западе горный массив Сноудон достигает высоты в 1085 м. Его вершина постоянно покрыта снегом. Гористый характер местности в Уэльсе предопределил (еще в древнейшее время) обращение местного населения к пастушескому скотоводству и концентрации населения (весьма немногочисленного) в горных районах, а не в долинах. Это привело к замедленному экономическому развитию и консервации родового строя у валлийцев, а в результате – к архаизму политических и юридических установлений. Неоднородность ландшафта в регионе имела следствием различный уровень развития областей внутри самого Уэльса, тяготение одних областей к Ирландии, других - к Англии, что сделало почти невозможным объединение региона. Значительную роль играл этнический фактор, ибо Уэльс был одной из немногих кельтских территорий Британии, не захваченных германскими племенами. Особую роль в истории региона VII-XII вв. играли ирландцы, которые некоторое время даже контролировали часть западного и юго-западного побережья. Нормандцы, пришедшие с европейского материка под водительством Вильгельма Завоевателя, появились на границе Уэльса на рубеже 60-70 гг. XI в. и сразу стали создавать там свои графства, получившие название – графства «Границы» (March, Marches). «Границей» называлась не просто линия, разделявшая Уэльс и Англию, это была область в самом Уэльсе (отсюда и деление тогдашнего Уэльса на Исконный (т.е. валлийский) и «Границу», в которой находились владения крупных англо-нормандских вассалов короля – графов и баронов «Границы» или, точнее, «Пограничий». Уэльская «граница» представляла собой совокупность территорий, на запад от рек Северн и Ди, колонизованных англичанами целиком или частично. Конфигурация этих территорий изменялась, преобладавшей тенденцией при этом было все большее сокращение земель, контролируемых коренным населением, причем – наиболее плодородных и стратегически важных. Графства «Границы» играли троякую роль в изучаемый период. Во-первых, они обороняли английскую территорию от валлийских набегов. Во-вторых, они служили плацдармом для дальнейшей экспансии в Уэльс. В-третьих, они часто играли роль «третьей силы» между валлийцами и английской короной

и порой были источником политической нестабильности в самой Англии. Лендлорды пограничных графств были защищены административным и судебным иммунитетами, называвшимися «обычай Границы». Согласно «обычаю» владельцы пограничных вотчин имели право содержать свои частные дружины (liveries): практика в условиях Столетней войны распространившаяся на остальных представителей феодального класса островного королевства.

В XIII в. в приграничьях выдвигаются такие семьи, как Клари, Мортимеры, Маршаллы, Ласи, Браозы. Однако, значительная часть Уэльса (север) с его неприступной твердыней - Сноудоном оставалась в руках этнических валлийцев и их элитных структур власти до конца XIII в. Экономический подъем региона позволил правителю Исконного Уэльса Лливелину и его потомкам присвоить себе титул принца. Развитие Уэльса как национального государства валлийцев было прервано английским королем Эдуардом I, который в ходе двух военных кампаний – 1276-1277 гг., 1282-1283 гг. завоевал твердыни валлийцев в Сноудоне. Присоединенные земли Эдуард I разделил на пять коронных графств, причем это деление исходило как из уже сложившейся валлийской традиции, так и из интересов управления. Наиболее «опасные» территории, например, Сноудон – исторический центр севера Уэльса (Гвинета) были распределены между различными графствами с тем, чтобы не напоминать валлийцам о некогда существовавшем национальном государстве. Эти же цели преследовал Эдуард I, проводя «идеологические» мероприятия: перевоз короны принца в Лондон, строительство нового политического и военного центра Северного Уэльса – Карнарвона, дарование титула «принца Уэльского» родившемуся в Карнарвоне наследнику престола – будущему Эдуарду II (он стал первым членом английской королевской семьи, носившим титул принца Уэльского) и проч. Одновременно, в целях окончательного умиротворения региона, проводятся значительные (и дорогостоящие) мероприятия по строительству замков, созданию новых из английских переселенцев городов в Уэльсе; налаживание достаточно интенсивной экономической жизни приводит к укреплению связей между различными областями региона. Политическая линия Эдуарда I была продолжена его преемниками в XIV в. Росли английские города и контролируемая ими территория. По зову английских королей на прибрежные земли юго-запада Уэльса началась миграция фламандцев. Они образовали графство Пембрук. Можно утверждать, что на протяжении XIV в. колониальный режим становился все жестче. Хозяйственные и культурные институты коренного населения попирались, их самобытные правовые институты заменялись английским «общим правом». Однако теснимый в глухие горы народ не смирился. То тут, то там «барды» (народные певцы, сказители) призывали народ к сопротивлению наглым «англо-саксам», пророчествовали восстановление великого государства кельтов. Эти призывы стали громче в начале XV в., когда Англия оказалась в состоянии острого политического кризиса.

Движение началось с весьма тривиального события – с судебной тяжбы о болоте, точнее, болоте пограничном, или, еще вернее, из-за пограничного, имевшего общинный юридический статус болота[1]. Эта пограничная земля «общего пользования» лежала между округом (cantref) Диффрин Клойд (Dyffryn Clwyd), входившим в состав владений могущественного лорда «Западных границ», Рейнольда Грея из Ратина[2] (Ратин – его родовой замок, окруженный торгово-ремесленным «тауном»)[3], и коммотом Глиндифрдой,

занимавшим северо-восточный угол «исконного» валлийского графства Мерионет, который входил в состав земель другого землевладельца, но не столь богатого и менее знатного – титуловавшегося всего лишь сквайром. Англичане называли его Оуэн Глендоуэр (Owen Gledower). Судебный конфликт принял затяжной характер и шел с переменным успехом, пока решением первого парламента[4] Генриха IV «болото» не было закреплено за лордом Греем де Ратин. Как и следовало ожидать по «логике жизни», более сильный одержал верх над слабейшим конкурентом. Факт, так сказать, заурядный, совсем не макроисторического масштаба. Однако Генрих Ланкастер и его советники из верхней палаты парламента оказались политически близорукими людьми. Поддержка члена своей сословной группы в пустяковом иске о болоте явилась причиной тяжелейшей войны, победа в которой стоила английскому государству десятков тысяч фунтов стерлингов и многих тысяч человеческих жизней.

Все дело в том, что сквайр Оуэн Глендоуэр был валлийским («кимврским»[5]) вельможей[6], потомком знатнейших семей Уэльса. Через свою мать Элен он был связан с домом принца Лливелина Великого. По отцу происходил от властителей земли Поувис (Powys)[7]. Решение английского парламента ударило по самому больному – чувствам достоинства и справедливости не одного человека, а всех валлийцев. А чувства эти в невеликом по численности, но имевшем долгую и величественную историю народов были к тому времени достаточно раздражены. За скромным сквайром Оуэном стояла могучая тень принцев Северного Уэльса и вольнолюбивые горцы валлийских гор.

Источники содержат сведения о других конфликтах локального характера. Один из таких инцидентов уже более ста лет находится в поле зрения специалистов[8]. По весне 1406 г. в одном из лесов обширных владений лорда Грея обосновался «подобно второму Робину Гуду» некий Граффидд ап Дэфидд ап Граффидд (Gruffydd ap Dafydd ap Gruffydd), смещенный до этого с должности лесничего и бейлифа лордом Арунделом (речь идет о местности Чирклэнд - Chirkland). Веселые приспешники валлийского Робина Гуда увели из конюшен Грея де Ратин пару лошадей и оказались в поле зрения профессиональных историков не из-за этой маломасштабной кражи, а потому, что осмелились нанести могущественному лорду не только материальный, но и моральный ущерб, написав ему в стиле робингудовских баллад ерническое письмо (mocking letter). Барон Грей ответил угрозой и пожаловался молодому принцу Уэльскому (будущему королю Генриху V). Время сохранило письма. А они свидетельствуют, что «лесная» война валлийцев с английскими феодалами началась за полгода[9] до знаменитого погрома «Ратинтауна»[10]. На насмешливые письма лесных бродяг и враждебность соседей лорд Грей ответил придворной интригой[11]. Получив от короля вызовы для себя и Оуэна готовиться к походу против Шотландии, барон задержал королевское письмо, и, отправляясь в поход, передал его через слугу валлийскому сквайру в расчете, что тот не успеет собраться и догнать двигавшуюся к Бервику королевскую армию. Так и произошло. Оуэн опоздал. Лорд Грей на королевском совете обвинил соперника в так называемом «преднамеренном отсутствии». Обвинение королевского вассала, каковым являлся Оуэн, в неявке на «королевскую войну» влекло за собой поражение в правах на земельную собственность. Грей явно ждал соответствующего королевского приказа и полномочий для его реализации, чтобы

раз и навсегда покончить со строптивым соседом[12]. Но Оуэн среагировал на нависшую над ним угрозу более чем адекватно.

16 сентября 1400г. несколько сот мужчин и семь женщин[13], собравшись в Глиндифрдвой[14], провозгласили Оуэна принцем Уэльса, а значит, объявили открытую войну не только пограничному феодалу, но и королю Англии. Конечно, этот шаг был несоразмерен в политическом масштабе с проигрышем судебного процесса. Вероятно, можно сказать, что судебная неудача была лишь поводом, и для столь серьезного решения были более глубокие причины.

18 сентября в субботу, незаметно подойдя к стенам «тауна» через густой лес[15], валлийцы через открытые ворота ворвались на улицы города и подвергли его разгрому. Горожане и гарнизон замка сражались с противником и небезуспешно: 10 человек были захвачены в плен, остальные ушли восвояси[16]. После этого, опираясь на свою небольшую дружину, новоявленный принц атаковал целый ряд других крепостей, окружавших Британский «Кавказ» – горный массив Сноудон – Денби, Руддлан, Флинт, Говарден, Холт, Освестри[17]. Трудно сказать, насколько успешными были эти атаки, но более точно известно, что появившиеся в северном Уэльсе королевские войска, собранные из соседних графств во главе с Гугом Барнеллом (Hugh Burnell) рассеяли отряд Оуэна. Казалось, что инцидент и в военном, и в политическом плане исчерпан. Однако, погашенное в одном месте, пламя мятежа вспыхнуло в другом. На стороне валлийского принца выступили его дальние родственники, которые контролировали ряд районов густонаселенного о. Энглси. Это были Рис и Гвилим ап Тюдур. Получив известие, что не только Сноудон, но и Энглси в мятеже. Генрих IV осознал, что имеет дело не с рядовым столкновением и двинул в октябре более крупное войско в Уэльс, возглавив его на некоторое время сам[18]. Противостоять королевской армии валлийское войско пастухов не могло и рассеялось в очередной раз. 9 ноября король даровал все поместья Оуэна Джону Бьюфорту, графу Сомерсета[19].

Правильно оценивая ситуацию, понимая, что военные действия в условиях сильно пересеченной, с заросшими густым лесом, ущельями, местности затруднены, 10 марта по петиции принца Уэльского Генрих IV обещал помилование и сохранение имущества всем сдавшимся. Из списка помилованных заранее были исключены Оуэн и оба Тюдура. Наместником короля в северном Уэльсе был назначен Генрих Перси, сын графа Нортумберленда. Однако Генрих Перси должен был усилить гарнизоны, а для этого требовались деньги. Он неоднократно обращался в Тайный совет за помощью. В одном из писем (17 мая 1401 г.) он сообщает, что его расходы непереносимы[20]. За дело принялись королевские судьи и сборщики всевозможных налогов, недоимки по которым накопились за последние несколько лет[21]. Судебно-административный нажим вызвал недовольство среди различных групп населения на севере Уэльса. Можно предположить, что некоторые действия Генриха Перси носили провокационный характер. Если семейство Перси готовилось к борьбе с новым королем, то валлийские повстанцы должны были ими рассматриваться как потенциальные союзники. В подтверждение этих рассуждений можно привести вот что: Генрих Перси возобновил военные законы времен Эдуарда I, запрещавшие валлийцам иметь собственность в городах и вступать в городские общины (получать права горожан) как в валлийских крепостях, так и в городах Границы. Административ-

ное решение вскоре было подтверждено решением парламента 1400-1401 гг.[22]. Противостояние английскому давлению резко усилилось. Сначала валлийцы терпели неудачи на «северных фронтах», там, в частности, отличился лорд Повис, разбивший отряд самого Глендоуэра[23]. Но вскоре пришел успех - дружины Тюдуров взяли замок Конвей (1 апреля 1401 г.). Сам Оуэн не только очистил Сноудон, но и вторгся в южный Повис. Из Повиса он с небольшим отрядом совершил рейд в Южный Уэльс, где в Пембрукшире у Хиддгена разбил собранное королем ополчение (известно, что против 1 500 ремесленников и горожан сражались дружина из 120 валлийцев). Ополченцы потеряли 200 человек. Эта победа обеспечила Глендоуэру поддержку населения ряда районов юга (в графствах Кардиган и Кармартен)[24]. Успехи повстанцев привели к смещению Генриха Перси, и Генрих IV двинулся снова в Уэльс в июле 1401 г. (26 мая король получил известие, что Оуэн собрал великую ассамблею мятежников с целью вторгнуться в Англию)[25]. Валлийцы применили обычную тактику, и, покинув города, ушли в горы. Осенью весь Гвинет и Кэридигион оказались втянутыми в мятеж. Вельшпул, замок Эдварда Чарлтона, подвергался постоянным атакам. Войскам короля и принца Уэльского удалось отбить Бэнгор, Карнарвон и территорию от Мейрионидд до Кэридигион[26]. Все же Генрих IV был вынужден вновь вступить в переговоры. Если судить по протоколам Тайного совета, переговоры начались ранним летом 1401 г. Запись в протоколах о получении письма от Оуэна имеет дату 8 июня 1401 г. Само содержание письма в протоколе не отражено[27]. На этот раз посредником выступал не Генрих Перси, а его отец[28]. Причем, король сделал новую уступку вождю восставших – Оуэну обещали сохранить все его имущество и его статус под поручительство графа Нортумберленда, если он сложит оружие. Надо полагать, что подобные условия были предложены и другим вождям. Протоколы Тайного совета сохранили запись об обсуждении этого вопроса. Решение его было передано королю - «на его доброе решение»[29]. Историки называют эти переговоры, происходившие ранней осенью, «критическим моментом восстания»[30]. Оуэн вступил в переписку с графом Нортумберлендом. Письмо, о котором упоминает Аск, содержало странную смесь угроз и предсказаний[31]. Оуэн отказался от королевских условий. Предполагается, что он не доверял поручителям[32]. Чувствуя за собой народную поддержку, Глендоуэр направил отряды к крепостям Харлех и Карнарвон, но был отбит и потерял триста человек. Зиму 1401-1402 гг. Оуэн и его соратники, вероятно, провели в подготовке к серьезным военным действиям. Оуэн Глендоуэр достиг успехов и в дипломатическом плане. Было отправлено посольство к шотландскому королевскому двору.

В 1402 г. валлийцы перешли в наступление. 30 января был взят Ратин. В апреле этого же года был захвачен в плен лорд Грей (король позднее выкупил его за 10 000 марок). 22 июня 1402 г. Оуэн одержал крупную победу при Пиллет, к востоку от Рэднора[33]. Столкновение с крупным английским отрядом окончилось победой повстанцев, так как валлийские стрелки перешли на сторону Оуэна, а воины из Герифорда были перебиты[34]. В ходе сражения был захвачен Эдмунд Мортимер, который был увезен в Сноудон[35]. Эта победа, отдавшая в руки Оуэна одного из крупнейших собственников Границы, обеспечила валлийским повстанцам господство на севере и в центре Уэльса. Развивая военный успех, отряды валлийцев до конца лета продвинулись на юг, заняли Гвент (Gwent) и Гламорган. Их военные

отряды атаковали города Аск, Карлеон, Ньюпорт, Кардифф (все на юго-востоке Уэльса).

1402 г. закончился не только военными успехами, но и принес определенные политические достижения. Лорд Мортимер отказался от выкупа, а вскоре был заключен брачный контракт между ним и дочерью Глендоуэра Екатериной. Такую версию защищает современный валлийский историк Д. Уолкер[36]. Но это не единственная точка зрения. В английской историографии[37] дело Мортимера связывается с теми заговорами и интригами, которые вела верхушка аристократии против нового короля – «узурпатора». Двор Генриха IV подозревал, что Мортимер сдался в плен по доброй воле, чтобы иметь возможность вступать в более тесный контакт с руководителем валлийского восстания[38]. Поэтому Генрих IV, пренебрегая просьбами семьи Перси[39], отказался предоставить деньги для выкупа Эдмунда Мортимера. Более того, был предпринят дипломатический шаг – опека над его владениями была передана Перси-младшему. Оценить обе версии на доступной источниковой базе не представляется возможным. Можно подчеркнуть лишь одно: на какой-то срок Эдмунд Мортимер становится союзником Глендоуэра[40], и, учитывая его связи и богатство, он был весьма полезным союзником. Что же касается Перси, то попытки Генриха IV задобрить могущественных магнатов привели к обратному результату. Все более убеждаясь в слабости королевской власти, они рискнули поднять знамя мятежа, опираясь на вассалов в своих обширных владениях на севере и западе страны.

В августе 1402 г. три королевских отряда с разных направлений вторглись на территорию Уэльса. Однако проливные дожди, уничтожившие дороги и тропы, заставили королевские отряды скоро вернуться к исходным позициям, не достигнув никакого результата. Томас Уолсингем, известный хронист из Сент-Олбенса, осмысливая и переживая неудачи короля, записал в своей хронике, что столь рано наступившая осенняя непогода была вызвана колдовством руководителя повстанцев. Известный Джон Росс (или Роус) из Уорвикшира расширяет информацию о том, почему Оуэн был неуловим: «В народе говорят так, что он имел камень, который делал его невидимым, который камень, как говорят, был когда-то у Ричарда, графа Арундела, отобран по злобе королем Ричардом II»[41].

Однако в ходе летней кампании отряду, которым руководил принц Генрих, удалось сжечь «главную резиденцию» вождя валлийцев в Сихарте. Были преданы огню посевы и селения в графстве Мерионет[42]. Были сделаны попытки укрепить администрацию Уэльса, особенно в экономически развитых южных районах. В марте 1402 г. Томас Перси, граф Вустера, был назначен не просто судьей Пембрука, а королевским наместником («royal lieutenant»). К своим владениям в этих местах он присоединил еще Эмлин и Хэйверфорд. Ранее, в октябре 1401 г., новый начальник Томас, лорд Карью (Carew), прибыл в крепость Норбет, имевшую важную стратегическую позицию: она прикрывала дороги к Пембруку[43]. В Тенби был назначен новый комендант Дж. Стивенс[44].

В июле 1402 г. Ричард, лорд Грей оф Коднор, получил приказ организовать оборону на юге Уэльса[45]. В сентябре того же года Томас Перси был смещен, а лорд Грей назначен королевским наместником. Это произошло после того, как «разбойники» опустошили Брекон, Гламорган, Гвент, а королевская военная экспедиция оказалась неудачной.

Мятеж Перси отвлек внимание королевского правительства и в прямом, и в переносном смысле заслонил собой события в Уэльсе. Во всяком случае, английские хронисты не сообщают достаточно подробно о валлийских делах, и, судя по всему, Оуэн не поспешил вместе со своим войском к Шрусбери на помощь к Перси, хотя какие-то валлийские бойцы находились в составе войск мятежных баронов[46].

Военные действия в «северном пограничье» в 1403 г. шли довольно успешно для валлийцев, весной этого года они вторглись в долину Хоупа и сожгли город Хоуп. Летом они перешли вброд реку Ди и ворвались в Вирел[47]. Тогда же или раньше (1402 г.) был сожжен ими Денби[48].

В 1403 г. намечается военный союз с Францией. В октябре 1403 г. контингент наемных солдат из Франции оказал помощь Генри Дону при осаде Кидвелли. В ноябре эскадра, которую вел Жан д'Эспань, появилась перед крепостью Карнарвон[49].

Изученные валлийскими историками документы указывают, что феодальная война, разразившаяся в Англии, была использована Оуэном для наступления на южный Уэльс, причем в ходе военных действий здесь был захвачен ряд земель, принадлежащих Томасу Перси, графу Вустера[50]. Экспедицию в южный Уэльс возглавил сам Оуэн. Рис Дэвис рисует впечатляющую картину: сельские районы Уэльса находятся под контролем повстанцев, все английские крепости от Брекон на востоке до Аберистви (Aberystwyth) на западе от Бьюмерис до Кардиффа – в осаде. Общины и администрация графства Герифорд были вынуждены пойти на заключение с Оуэном перемирия, уплатив за это довольно значительную сумму денег (200 ф.).

Очередная контратака короля в сентябре 1403 г. успеха не принесла. Более того, Генрих IV позднее никогда не рисковал вести свои дружины в гористые местности. Во главе английской армии встал принц Уэльский[51]. Установлено, что в течение этого года валлийцы взяли несколько южных укрепленных пунктов англичан; среди них – Лланстефан, Эмлин, Кэрри Кеннен. Кардифф был взят и сожжен. Джеймс Гамильтон Уайли расширяет информацию об успехах валлийцев в ходе военных действий в 1403-1404 гг.: валлийцами были взяты Карлеон, Каргилли, Ньюпорт, Аск. В осаде находились Велшпул и Ладлоу. Валлийцы опустошили западный Шропшир (5 сотен из 16). Были сожжены также Кэвинллис на р. Итон и Монтгомери[52]. В начале 1405 г. после долгой осады валлийцы заняли крепость Рэднор[53]. В 1404-1405 гг. Оуэн рискнул дать ряд фронтальных сражений крупным английским отрядам. Источники сообщают о его впечатляющей победе при Бриновэйн после восемнадцати часов рукопашного боя. Известны и поражения. В 1404 г. дружина графа Уорвика разбила отряд Оуэна. Валлийцы бежали, спасая вождя. В плену оказался его верный страж Эллис ап Ричард ап Ховел ап Морган Ллвид ап Абгри (Ellis ap Richard ap Hovell ap Morgan Llwyd ap Abhrey). Из валлийских источников известно, что 2 июля Оуэн Глендоуэр вторгся в долину р. Тайви (Tywi) с отрядом в 8 000 человек. Его сторонники взяли там «новую крепость» - Ньюкасл и установили контроль над Кармартеном, однако командующий королевскими войсками Томас Карью, он же комендант крепости Норбет[54], 12 июля сумел нанести поражение рассыпавшимся с целью грабежа валлийцам. Около 700 человек было убито на границе Пембрукшира. Успех Карью определялся тем, что в его распоряжении находился переброшенный из Англии контингент наемных солдат. Используя успех, Карью, на помощь которому прибыл Джон Бьюфорт, граф

Сомерсета, отбил Кармартен[55]. Крайняя юго-западная часть Уэльса осталась в руках англичан и служила базой дальнейших военных действий.

Пика успехов военные отряды Глендоуэра достигли в 1404 г. В мае 1404 г. среди других были захвачены базы английского господства в северном Уэльсе Харлех и Аберистви. Таким образом, большая часть Уэльса и значительная часть пограничных земель оказалась под контролем Оуэна. Наиболее активно военные действия велись на юге, где особую роль сыграл Дэвид Перрот[56], сквайр и служащий короны. Он пытался создать флот и блокировать крепости южного Уэльса. Благодаря его действиям пала приморская крепость Кидвелли[57]. Англичане сохранили лишь крепости на побережье южного Уэльса и графство Пембрук, занимающее крайнюю юго-западную оконечность полуострова. В осаде находились крепости Абергавенни и Коети.

Глендоуэр попытался закрепить успех политически. Были установлены отношения с Францией. 14 июня удалось заключить договор с Францией, который в международном плане узаконивал положение Оуэна Глендоуэра[58]. Делались довольно успешные попытки заручиться поддержкой шотландского королевского двора[59].

Надо, однако, заметить, что контакты между Францией и Уэльсом существовали и раньше. Как уже было сказано, в октябре 1403 г. французские корабли высадили десант на юге Уэльса и пытались захватить Кидвелли и Карнарвон. Несомненно, договор 1404 г. включал пункты о военной помощи. Реализуя их, французы в ноябре 1404 г. атаковали Фалмонт[60]. Не позже августа 1405 г. большая эскадра французских кораблей появилась в Милфорд Хэйвен[61]. Корабли высадили десант в составе 800 всадников[62] и 600 арбалетчиков, 12 000 «простых» пехотинцев[63].

В 1404 г. продолжалось укрепление валлийской государственности. Состоялся первый парламент в Мехинлет[64]. Епископы Бэнгора и Сент-Азефа подтвердили свою поддержку Глендоуэру[65]. После этого, чтобы укрепить союз с Францией, они в отличие от английских прелатов, признали власть авиньонского папы[66]. 10 мая 1404 г. Оуэн, находясь в Долгелли подписал свое письмо как «принц Уэльса божьей милостью»[67]. Кроме того, сознавая, что без поддержки английских магнатов едва ли удастся справиться с силами Генриха IV, Глендоуэр и Мортимер попытались получить поддержку со стороны графа Нортумберленда, который, несмотря на поражение 1403 г., сохранил определенное влияние на севере Англии. 28 февраля 1405 г. был подписан договор между тремя политическими вождями: Мортимером, Перси и Оуэном о совместных действиях и разделе сфер влияния. Согласно этому договору Англия после предполагаемой победы над Генрихом IV будет разделена на три части. Нортумберленд получит север Англии и «центральные» графства (Ноттингемшир и др.), Мортимер – юг страны с Лондоном и Оксфордом, Оуэн кроме Уэльса должен был взять под свой контроль Честер, Шрусбери, Вустер[68]. Заговорщики попытались реализовать свой план. В 1405 г. на западе и севере страны начались военные действия. На какой-то срок ланкастерское правительство вынуждено было

перейти к «глухой обороне». В этой войне Оуэн и его союзник Мортимер, используя предоставленную армию французов, попытались реализовать свои далеко идущие замыслы. В начале августа 1405 г. французский отряд, состоявший из более чем 2 тысяч воинов и валлийское ополчение, насчитывавшее около 10 тысяч человек[69], едва ли не все наличные людские ресурсы страны, выступили в поход из Милфорд Хейвен на восток. Поход начался успешно. Были одержаны победы при Хэйверфорде и Кармартене[70]. Город и крепость Кармартен оказались в руках восставших, правда, на короткий срок[71]. Отряд валлийцев блокировал Койти Касл. После чего через территорию Гламоргана Оуэн и его союзники продвинулись на территорию Англии, причем впервые вышли за предел марчей и оказались перед крупным городом Вустер. Отдельные отряды появились в лежащем севернее графстве Герифорд. Захваченная английская территория была ограблена. Однако развить достигнутые успехи Оуэн не сумел. О причинах этого наши источники говорят нечетко. Одна из наиболее достоверных версий говорит, что наступление было остановлено эпидемией, начавшейся во французских войсках. Вместо того чтобы наступать, армия Оуэна создала укрепленный лагерь на Вудбери Хилл, в 10 милях к северо-западу от Вустера, между реками Северн и Тим. Англичане стянули для обороны Вустера значительные силы. Туда прибыл сам король «со сквайрами его охраны». Бои в окрестностях Вустера продолжались восемь дней. Потери были, хотя и незначительные, с обеих сторон - 200 убитых. Среди них – три французских рыцаря (источники особо выделяют Патруаллара де Три, барона дю Плесси)[72]. Вскоре французский экспедиционный корпус вернулся в Уэльс. Известно, что в ноябре эскадра во главе с Жаном де Ре, увозя кавалерию и часть арбалетчиков, отплыла к родным берегам[73]. Пехота французов зимовала в Уэльсе, но, судя по косвенным данным, Оуэну нечем было платить французам, и «великим постом», т.е. ранней весной, оставшаяся часть экспедиционного корпуса (1200 «солдат» , 300 стрелков из арбалета) покинула Уэльс. Многие из них погибли, атакованные английским флотом «адмирала» Бернли, а остальные добрались до берегов Бретани[74]. В 1406 г., реагируя на прокламации Карла VI, французские «волонтеры» атаковали берега Йоркшира, но без успеха[75]. Более успешно развивались операции французских войск на юго-западе Франции в 1405-1406 гг., где их отряды подходили к Бордо[76]. В 1406 (или 1407) гг. французы даже на некоторое время оккупировали о. Уайт[77], но эти военные действия не влияли на ту ситуацию, которая сложилась в Уэльсе.

Зимой 1405-1406 гг. произошел перелом в войне в пользу ланкастерских сил. Во главе английских войск, действовавших против Уэльса, встал сын короля – принц Генрих, военные и организационные таланты которого отмечены в английской историографии. Французы не стали отправлять экспедицию, ожидавшуюся валлийцами. В то же время шотландский наследник престола Джеймс, граф Каррик, был захвачен английскими моряками[78].

11 марта 1406 г. при Гросмоне[79] армия Оуэна понесла поражение. На поле сражения осталось едва ли не 1 000 валлийцев[80]. Двумя неделями позже Оуэн атаковал крепость Аск. Атака также оказалась неудачной[81]. Подошедшие на помощь отряды принца Уэльского преследовали валлийцев до берегов Полл Меллин. Ночь остановила преследование. На следующий

день произошло генеральное сражение. Результаты его оказались печальными для валлийцев. Погиб один из братьев Оуэна – Тюдур, прославленный командир. Был убит и сын Глендоуэра. Еще в 1405 г. другой его сын, Граффидд, был захвачен в плен и увезен в Лондон[82] (он закончил свои дни в Тауэре в 1411 г.)[83]. В этих трех сражениях военная мощь валлийцев была сломлена. Неизбежная развязка была отсрочена благодаря тому, что на севере страны резко усилилась активность Генриха Перси и его союзников, включая шотландцев, которые отвлекли внимание английских сил. Военные действия на севере продолжались до 1408 г., когда в сражении при Бремхем Мур армия Перси была разбита, а сам он погиб[84]. Таким образом, Оуэн Глендоуэр лишился важного союзника в Англии. Очередные неурядицы в шотландском королевском доме лишили его помощи из Шотландии. Зимой 1408 г. были такие холода, что многие районы были вынуждены признать власть Генриха IV (о. Энглси, долина р. Тайви и др.)[85].

Пока шла война на севере, англичане не могли бросить против валлийцев крупные силы. Однако отряды принца Уэльского сумели вернуть под свой контроль большую часть области, кроме горных местностей Нарбет и Плайхаден, которые сопротивлялись до мая 1409 г.[86] В 1406-1408 гг. большая часть востока Уэльса подчинилась англичанам.

1408 г. оказался годом решающих поражений. Англичане вернули себе Аберистват и Харлех. Дж. Г. Уайли известны некоторые детали боевых операций у Аберисвита и Харлеха. В начале, летом 1407 г. английская флотилия подошла к Абериствату. В десанте участвовали 600 рыцарей, 1 800 стрелков из лука, плотники, пушечная прислуга при шести больших пушках. Самая крупная из них весила 4,5 тонны. Бои шли два месяца. В крепости иссяк провиант, и «капитаны» валлийцев подписали с англичанами договор, по которому они обещали передать им крепость к ноябрю и выдали заложников. Оставив 130 рыцарей и 300 стремянных вблизи крепости, аббатстве Готрадфлур (Кардиган), принц Уэльский с оставшимися воинами отправился пешим путем в Герифорд на зимние квартиры. Однако, придя тайком в крепость, Оуэн Глендоуэр отказался от выполнения условия сдачи. Летом 1408 г. англичане вновь подошли к Аберисвиту. Упорные бои продолжались в конце лета и всю осень. На пороге наступающей зимы, не имея средств к существованию, валлийцы покинули крепость. Впрочем, провианта не было в Уэльсе. Принц Генрих увел большую часть армии на юг полуострова. Зимой 1408-1409 гг. наступили редкие для Уэльса холода, в горах выпал снег. Голод принял фатальный характер. В этих условиях английским командованием было решено нанести решающий удар по столице «принципата» - Харлеху. Лучшие английские командиры Джилберт, лорд Талбот, и Джон, лорд Фэрнивол, наняв 300 рыцарей и 600 стрелков (за плату 524 ф. 12 шил. 4 п.), высадили десант у Харлеха в середине декабря 1408 г. Осада продолжалась около двух месяцев. Упорство оборонявшихся сломил голод и неожиданная болезнь Эдмунда Мортимера, возглавлявшего оборону[87]. К концу февраля 1409 г. Харлех сдался[88].

Не сумев помочь Харлеху, Оуэн был вынужден отдать в руки англичан свою жену Маргариту, дочь Екатерину Мортимер с ее детьми[89]. В плен к англичанам в эту тяжелую зиму попали также такие валлийские военачаль-

ники, как Рис Дду (Rhŷs Ddu) и Филипп Скидмор. Первый был вскоре казнен. Той же зимой в ноттингемской тюрьме скончался сын Оуэна Граффидд. В Англии распространился слух, что умер сам валлийский принц. В рифмованной хронике Джона Гардинга можно прочесть под 1409 г.: «Они умерли все и тогда (1409 г.) из них не осталось никого больше и все люди Уэльса подчинились королю»[90].

После этих поражений наиболее важные и густонаселенные районы Уэльса оказались под контролем англичан. Чувствительной была и потеря о. Энглси, снабжавшего хлебом скотоводов всей северной части Уэльса. Представители валлийской элиты, как сквайры, так и верхушка церковной иерархии, отказались от борьбы и поспешили получить (или купить) королевское помилование. Статуты королевского парламента 1407 г. носят уверенный характер, в частности, статут 4: «Все преступления мятежников в Уэльсе английским судьям судить там, где они были совершены (т.е. в самом Уэльсе)»[91]. Это явное свидетельство того, что уже в то время значительная часть Уэльса контролировалась не только английскими войсками, но и судебно-административной властью. Парламент обращался к английскому населению с призывом захватывать и доставлять в тюрьму бандитов и разбойников из Уэльса. Очевидно, что разбитые повстанцы были вынуждены искать себе спасения на смежных английских территориях. После кампании 1408 г. сторонники Оуэна Глендоуэра удерживали только труднодоступные горные местности на севере страны (массив Сноудон), а также на юге и в центре Уэльса[92]. В рядах валлийских повстанцев оставались только свободолюбивые пастухи, которые были не в состоянии противостоять отрядам принца Уэльского.

Однако распространившиеся в Англии слухи о решающих победах принца Генриха и подавления восстания, отложившиеся на страницах Т. Уолсингема и других, близких к королевскому двору летописцев, которые позже были восприняты рядом историков нового и новейшего периода, оказались сильно преувеличенными. Валлийскими краеведами были преданы гласности письма Генриха IV. Одно из них относится к маю 1409 г., а второе, более строгое и точное по содержанию, датировано 23 сентября 1409 г.[93]. В мае 1409 г. три крупнейших лорда-«пограничника» – Томас Арундел, лорд Грей де Ратин и лорд Чарлтон оф Повис получили распоряжение оставаться на границе и принять меры для борьбы с мятежниками. В сентябре повторное и грозное послание короля кроме этих троих получил Ричард Лестранж оф Нокин. В тексте последнего письма король выражал большое удивление пассивностью своих вассалов и далее им ставилось в вину, что «их министры и офицеры» без королевских указов подписали с валлийцами некие перемирия (truces), прекратили военные действия, и тем самым стимулировали товарообмен на границе. Все «пограничники» должны были выехать в свои владения в Уэльсе и рядом с ним, возобновить войну против врагов короля и королевства.

Очевидно, благодаря «truces» валлийцы сумели скопить какие-то необходимые материальные ресурсы, и в следующем году провели еще одну, на этот раз последнюю военную кампанию. Возможно, что Оуэн предпринял

рейды в Шропшир в 1410 г. и в Брекнок в 1412 г., где был взят в плен перешедший на сторону англичан Даффидд Гэм[94].

Однако эти рейды уже не могли сколько-нибудь серьезно изменить сложившуюся политическую ситуацию. Вскоре в действие вступил еще один фактор – принц Уэльский, после 1412 г. Генрих V, готовясь к вторжению во Францию, произвел большие наборы валлийцев в армию как в качестве всадников, так и в особенности стрелков из лука. Валлийская историография отмечает, что после ухода валлийских воинов с английской армией на континент в Уэльсе наступила стабилизация[95].

В 1415 г. Генрих V даровал прощение Оуэну Глендоуэру, которое тот не принял[96]. О конце жизни Оуэна есть несколько версий. Английские историки полагают, что он умер в том же 1415 г.[97]. По мнению Д.Уолкера, опирающегося на валлийскую традицию, Оуэн провел последние годы в графстве Герифорд у своей дочери Элис и зятя Джона Скадемора[98].

Восстание Оуэна Глендоуэра имеет интерес не только в связи с английской историей. Его значение шире и многоплановее. Это, несомненно, не политическое, а социальное движение, опиравшееся на глубинные явления общественной жизни.

Валлийскими краеведами за последнее время выявлено несколько факторов, спровоцировавших восстание. Все они группируются вокруг того, что принято называть применительно к различным эпохам и странам «колониальным угнетением». Архаичный мир Уэльса ломался чиновниками-англичанами, феодалами-англичанами, горожанами-англичанами. Пришельцы поступали так, как они считали удобным для себя, переступая вековые устои более слабого социума. Опять-таки, колониальными были в то время вопросы права. Один из авторитетных валлийских специалистов, Г. Вильямс, подчеркивает, что в 90-е гг. XIV в. «...правосудие, несомненно, ухудшилось в Уэльсе, и недовольство росло среди населения здесь»[99]. Если на макроуровне английский король и парламент считали вправе по своей воле назначать принца Уэльса, важнейших должностных лиц регионального уровня (светских и церковных)[100], а также служащих в городах и сельских местностях, включая настоятелей приходских церквей (rectors)[101], то на микроуровне пришельцы-англичане пытались заставить валлийцев в каждом конкретном случае принимать английскую норму права, в первую очередь – частного, гражданского. Английский суд присяжных, может быть, с точки зрения мирового прогресса – благо. Однако, когда неграмотных, не знавших языка валлийских пастухов и земледельцев заставляли являться на судебные заседания, то это встречало с их стороны непонимание. Известно, что за один год в графстве Карнарвон было оштрафовано за неучастие в суде 700 человек на сумму 27 ф. (1321-1322)[102]. Не меньшие тяготы причиняли и так называемые «Большие сессии», проводимые с достаточной регулярностью

командировавшимися из Лондона судьями. Формально их функции лимитировались досмотром состояния дел в королевских владениях (lordships), фактически - досмотр и судебные преследования касалось всех жителей того или иного округа. Королевские «letters», или «letters patents» давали им право расследовать среди других такие, отнюдь не аграрные преступления, как treasons, insurrections, rebellions[103]. На практике дело сводилось к тому, что валлийцы откупались[104] от ассизных судей и приславших их королевских чиновников крупными суммами денег. Это денежное (может быть, не только денежное) подношение называлось «donum» Так, летом 1392 г. королевский судья Джон Пенрес за отказ от проведения судебной сессии в Хэйверфорде получил donum в 80 ф. [105].

У валлийцев вызывали неприятие и протест решения английских судей, руководствовавшихся знаменитыми статутами о лесах. Опираясь на эти статуты, английские лендлорды огораживали леса, запрещали там охотиться, пасти свиней, заготавливать разного рода древесину. Естественно, что валлийцы не могли примириться с этим, ломали изгороди. Локальных конфликтов было не меньше, чем споров из-за «non suit of court». Законы о лесах коррелируются с другими феодальными привилегиями (баналитетами). Так, известно, что лорд Грей неоднократно запрещал[106] жителям «лордшипа» Ратин ловить рыбу в расположенных на его территории водоемах. Штраф с нарушителей был чудовищно велик – 100 шиллингов[107].

Другой непонятный для коренных жителей Уэльса вопрос был связан с правом наследования выморочных участков земли. Английские собственники считали, что они вправе распоряжаться этими участками по своему усмотрению. Валлийская традиция требовала другого: такие участки следовало передавать во владение ближайших родственников, а за неимением таковых – соседской общине. Подобные прецеденты осложнялись тем, что английские лорды стремились поселить на выморочных землях держателей из английских маноров, т.е. попросту отнимали у валлийцев землю.

Был и другой острый вопрос в аграрной сфере: по туземному праву отчуждать наследственную землю (продавать или передавать по завещанию церкви, монастырю и т.д.) категорически запрещалось. Все, что мог владелец земли – это сдать ее в краткосрочную аренду. Естественно, что этот обычай противоречил юридической практике более цивилизованных обществ, в том числе и английского. Позиции местного крестьянства здесь были более защищены, потому что еще действовали родовые и общинные сходы, которые вмешивались в решения частных владельцев. Чтобы разрушить традиционное судопроизводство, англичане ввели институт так называемых судебных экспертов, которые различными способами, в том числе и через запись судебных казусов, пытались отменить обычное право[108].

Малопонятными были для валлийцев феодальные права на так называемые баналитеты. Особое значение имел мельничный баналитет. Кроме того, лорды и города (английские) вводили рыночные пошлины за право провоза товара на рынок (tolls), которые заставляли платить валлийцев.

Наконец, основывавшиеся в Уэльсе городские поселения англичан и фламандцев, получали от короля и принца Уэльского определенные привилегии, чаще всего они давали право на производство монопольно того или иного товара[109].

Все, что мы перечислили, связано с созданием преимуществ для англичан и других групп переселенцев, покровительствуемых королевской властью, и наносило явный ущерб коренному населению. К этому надо добавить, что доступ валлийцев в сословие горожан был чрезвычайно затруднен. Во второй половине XIV в. ни один валлиец не удостоился рыцарского звания, не говоря уже о более высоких степенях. Даже самые знатные и, как правило, доблестные из них вершиной своего движения по социальной лестнице считали достижение звания сквайра. В церковной жизни местное валлийское духовенство страдало от права аппроприации (appropriation), которое позволяло английским монастырям и кафедральным соборам контролировать значительную часть должностей, включая наиболее доходные местные церкви.

Общий экономический кризис Англии, выразившийся в уменьшении населения, и, как следствие этого, сокращении манориальных доходов, усилили интерес англичан к Уэльсу, а, следовательно, эксплуатацию и без того небогатого коренного населения[110].

Несомненно, ярко выраженные колониальные отношения, установившиеся между Уэльсом и Англией, ухудшали положение коренного населения полуострова. В условиях нараставшего социального дискомфорта, как это обычно водится, стали звучать все громче, условно говоря, национальные мотивы. Сумма местных социальных протестов начинает преобразовываться в некий обобщенный протест валлийской нации против засилья англичан. Размах и продолжительность деятельности Оуэна Глендоуэра как раз и определялись тем, что частные и локальные конфликты слились в этот период в русло борьбы за национальное освобождение. Впрочем, мы не должны преувеличивать стихийность этого протеста, он был вполне осмыслен и идеологически подготовлен.

Среди жителей Уэльса со времен раннего средневековья устойчиво сохранялась точка зрения, что валлийцы, народ более древний, а потому и великий, должны и могут возвратить потерянные ими английские земли. Эти традиционные воззрения дискутировались в ряде литературных произведений различных жанров. Одним из них является «History of the Kings of

Britain» Джеффри из Монмаута. На ее страницах прослеживалась генеалогия валлийских принцев на добрые 2,5 тысячи лет, вплоть до Троянской войны. Джеффри из Монмаута написал свой труд на латинском, однако, валлийские грамотеи трижды его перевели на простонародный валлийский язык в течение XIII-XIV вв.[111].

В валлийских переводах, как свидетельствуют специалисты, содержались не только сведения о прошлом, но и достаточно прозрачные намеки на будущее величие Уэльса: Уэльс воспрянет под твердой рукой одного из принцев древней крови.

Другим литературным источником формирования взглядов повстанцев Глендоуэра было так называемое пророчество Мерлина, судя по всему, сделанное после гибели валлийских королевств под ударами англо-саксов (VI в.) Мерлин предрекал грядущее поражение англо-саксов и восстановление владычества валлийских принцев над Англией[112]. Условием выполнения пророчества Мерлин ставил объединение всех кельтов Уэльса, Корнуолла, Шотландии и Ирландии. О том, что это пророчество было широко известно, говорит тот факт, что оно было пересказано анонимным английским автором в «Vita Edwardi Secundi»[113].

Эти идеологические рычаги начинают работать особенно сильно к концу XIV в. Этому способствовало не только недовольство населения полуострова, но и поражение английской монархии в Столетней войне. Против нее выступали не только французские Валуа, но и кастильские короли, и шотландцы[114]. Известно, что шотландцы в 1381 г. высадили десант на о. Англси[115] и нанесли какой-то ущерб крепости Бьюмерис. Этот рейд тем более знаменателен, что в предшествующие годы французские десанты высаживались на южном побережье о. Уайт. В Лондоне была получена информация, что некий кастильский шпион собрал сведения о военных «секретах» английских крепостей в южном Уэльсе[116].

В 80-90-е гг. XIV в. по Уэльсу бродили многочисленные певцы и сказители, о чем свидетельствуют не только нарративы, но и парламентские законы того времени[117]. Среди них были и искренние, если не сказать, наивные, патриоты, но были и платные агенты тех европейских стран, которые желали поражения Англии. Содержание их стихов и песен однозначно - скоро должен появиться освободитель Уэльса, поражение англо-саксов неминуемо и предопределено свыше. Оставалось найти этого освободителя, и пророческие персты вскоре выбрали среди валлийской знати одного человека – Оуэна Глендоуэра. Валлийским исследователям известны шесть поэм, адресованных Оуэну Глендоуэру[118].

Поэтому манифест повстанцев 16 сентября 1400 г. сразу поставил движение на национальную почву, подняв его на более высокий уровень, чем

очередная феодальная склока[119]. В этом документе Оуэн Глендоуэр приобретает облик народного вождя – освободителя и восстановителя былого величия валлийской нации. Необходимо сказать, почему валлийские барды создали Оуэну такой высокий имидж.

Оуэн Глендоуэр происходил из древних и знатных валлийских родов и по отцу, и по матери. Его отец носил имя Граффидд Вихан (Gruffydd Vychan), а его дед, тоже по имени Граффидд, был сыном Мэдога сына Граффидда Вихана, сына Граффидда оф Бромфилд (Gruffyd of Bromfield). Граффидд ап Мэдог был женат на Элизабет, дочери Джона Лестранж оф Нокин (Lestrange of Knockin)[120]. Дед Оуэна по отцу владел восточными областями северного Повиса - Мэлор Гимрег (Maelor Gymraeg) и Мэлор Сэснег (Maelor Saesneg)[121]. Отец Оуэна, был стюардом графа Арундела в Освестри и владел двумя поместьями - Глиндифрди в графстве Мерионет и Сихарт в графстве Чирк. Мать Оуэна происходила из семьи принцев Деубарта и владела значительным имуществом в графстве Кардиган. Говорят, что благодаря таким родственникам в лице Оуэна объединились основные линии валлийских принцев севера (Оуэн по отцу - прямой наследник северного Повиса, по матери - лордов Рис оф Деубарт).

Во-вторых, Оуэн Глендоуэр был богатым человеком, во всяком случае, по валлийским понятиям. Ему принадлежали земли и дома на востоке северного Уэльса и в его горной, центральной части[122], а именно – Глиндифрди и Сихарт, куда включалась долина реки Ди между Корвеном и Лланголеном. В южном Уэльсе он владел манорами Искоед (Yscoed) и Гойнионет (Gwynyoneth)[123]. Его имущество позволяло ему не только содержать семью, но и оплачивать довольно значительную дружину plaid или «ливрею» по-английски. Несомненно, эта дружина явилась первичным ядром повстанческого ополчения. Но не только деньги, но и военный опыт позволили Оуэну успешно руководить вооруженными людьми и вести боевые операции.

Первые известные шаги Глендоуэра на военном поприще были сделаны в составе дружины графа Ричарда Арундела в 1384-1386 гг. на границе с Шотландией[124]. (Экспедиция Ричарда II в Шотландию). Затем, среди 25 членов дружины Арундела, участвовавших в битве при Слейсе 13 марта 1387 г., упоминается «Oweyn Glyndouredy»[125]. В одном из документов он уже величается как «старший сквайр», его имя стоит во главе списка дружинников[126]. Наверное, он был командиром дружинного подразделения. Этот военный опыт, несомненно, выделял его из других земельных собственников Уэльса и делал его вождем в глазах местного населения.

Думается, что повышению его престижа у соотечественников способствовал удачный брак на дочери Дэвида Хэнмера, одно время занимавшего пост председателя Суда Королевской Скамьи – один из высших в иерархии судейских чинов Англии[127]. Существуют сведения о том, что в молодости

Оуэн обучался в одной из юридических школ Лондона[128]. Вероятно, учеба в этом лондонском Инне и позволила ему войти в семейство Хэнмеров. Итак, в лице Оуэна Глендоуэра мы видим человека зрелого, имеющего многосторонний жизненный опыт, несомненно, грамотного, в том числе и юридически грамотного. Благородство его крови, подкрепленное определенными материальными ресурсами, ставило его в исключительное положение среди валлийской знати, полуродовой-полуфеодальной по своему характеру.

Нам известны имена примерно десятка его сторонников. Большинство из них - валлийские сквайры по своему социальному происхождению и материальному положению они мало отличались, хотя в чем-то и уступали принцу Оуэну. Среди них особенно большую роль в восстании сыграли вожди валлийских кланов и собственники земель на о. Энглси, носившие фамилию Тюдур (позднее англинизированную в Тюдор). Р. Дэвис указывает, что кроме Риса и Гвилима в мятеже участвовал их брат Мередидд[129]. Именно их успешные военные действия на первом этапе восстания позволили свести на нет результаты первой карательной экспедиции войск Генриха IV в Уэльс. В их распоряжении, несомненно, находились относительно урожайные хлебные угодья острова, традиционно обеспечивавшие этими продуктами скотоводов севера валлийских гор.

В южном Уэльсе на стороне восставших выступил опытный в военном отношении Генрих Дон (Don, Dwnn - округ Кидвелли). Как и Глендоуэр, Генрих Дон приобрел свой боевой опыт в военных походах – кампания в Гаскони под руководством Джона Гонта и ирландская экспедиция Ричарда II. Вершиной его административной карьеры стал пост стюарда Кидвелли[130]. Ничего удивительного нет в том, что именно его Оуэн Глендоуэр избрал для командования отдельным соединением.

Хронист Адам Аск писал, что Глендоуэр вовлек в участие в мятеже множество знатных валлийцев[131]. Одним из них был Лливелин ап Граффидд Фихан оф Кэо. По словам того же Адама Аск, очень богатый человек, в хозяйстве которого ежегодно расходовалось 16 бочек вина[132].

Среди сторонников Оуэна Глендоуэра на севере фигурировал Рис Гетин из Нантконвой, происходивший от Дэвида, брата Лливелина Последнего. Его иногда называют среди самых ярых сторонников Оуэна[133].

Также можно упомянуть Риса ап Граффидда ап Лливелина, также называемого Рисом Дду, который участвовал в английском парламенте 1380 г. и был шерифом графства Кардиган, а при Глендоуэре был назначен комендантом замка Аберистви[134].

Этот перечень можно продолжить. Неудивительно, что современные валлийские историки называют восстание Оуэна Глендоуэра восстанием валлийских сквайров.

Кроме сквайров в восстании участвовали и представители валлийского духовенства. Одним из них был Йехан ап Лливелин, более известный как Джон Тревор. Он был легистом и в 1386 г. начал свою карьеру как регент бата и Уэльса. В 1389 г. он был избран епископом Сент-Азеф. Позже он служил Ричарду II в качестве посла в Шотландии. В 1399 г. он перешел на сторону Болингброка и принял участие в работе комиссии, решавшей вопрос о низложении Ричарда II. Его переход на сторону Оуэна Глендоуэра объясняют тем, что в руках повстанцев находились его имения и церковь. Так или иначе, в течение нескольких последующих лет Джон Тревор находился на службе у Глендоуэра[135].

Другим валлийским священнослужителем, поддержавшим Глендоуэра, был Граффидд Янг. Он, как и Джон Тревор, служил Ричарду II и Генриху IV. Именно Граффидд Янг, епископ Бэнгора, принимал участие в переговорах во Франции в 1404 г.[136]. В награду он получил в бенефиции Ллабадарн и Мерионет, а также был назначен канцлером[137].

Оуэн попытался укрепить союз с Францией тем, что перешедшие на его сторону валлийские епископы признали истинным папой Бенедикта XIII. Делались шаги по созданию валлийской национальной церкви. Валлийским стало архиепископство Сент-Дэвид. Бенедикт XIII даровал валлийской церкви все английские монастыри и колледжи на завоеванных территориях. Кроме того, Глендоуэр позаботился и о подготовке кадров для валлийской церкви. Известно его письмо к Карлу VI, датированное 1405 г. о создании двух университетов – на севере и юге Уэльса[138]. Это позволило бы окончательно обеспечить независимость валлийской церкви от королевской администрации.

Участие священников было тем важнее, что они представляли собой слой людей, которые были способны обеспечить ведение дел финансового и судебного характера. На них пала работа, связанная с заключением союза с Францией, Шотландией, переговоры с папским двором в Авиньоне. По своему социальному и генеалогическому статусу они мало отличались от сквайров - военных. Надо отметить, что такие ордена как францисканцы и цистерцианцы также поддерживали Оуэна[139].

Что касается рядовых участников восстания, то о них известно немного. Английские авторы обычно презрительно называли их barefeet (босоногие).

Важно подчеркнуть, что в ходе восстания не было деления по вертикали: и низшие, и высшие слои социальной иерархии выступали вместе в тех ме-

стностях Уэльса, которые включались в вооруженную борьбу с англичанами, что оправдывает название движения как национального. Национальный характер определял силу и значительный масштаб движения, но валлийский национализм не мог не иметь своих роковых слабостей.

Сначала следует упомянуть о сильных сторонах. Несомненно, чувства национальной гордости и веры в регенерацию древнего величия, воспитанные несколькими поколениями сказителей и певцов, определили упорство, с которым валлийские кланы боролись против «англо-саксов» и их короля. Свидетельство этого – восемь лет противостояния врагу, который не в один десяток раз превосходил повстанцев. Даже после уничтожения основных сил, разрушения материальной базы, захвата твердынь в горных районах на севере и юге полуострова Оуэн продолжал бороться. Так, известно, что в 1410 г. был схвачен и казнен один из сподвижников Оуэна Глендоуэра – Рис ап Тюдур[140]. В горы английские чиновники осмеливались ездить только с эскортом. Показателен и тот факт, что англичане так и не смогли схватить вождя движения. Очевидно, были люди, которые сохраняли тайну его местопребывания без малого восемь лет. Валлийские горцы не сдавались англичанам. Голодные, бездомные, босые, они были подкуплены эмиссарами Генриха–младшего перспективой военного подвига и сопутствующих ему славы и материальной выгоды во французском походе. Горы и леса Уэльса опустели тогда, когда примирившиеся с доблестным принцем бойцы оуэновских отрядов предпочли военную дорогу на континент медленной гибели в горных долинах.

«Заморские пряники», которые сулило правительство Генриха V, сочетались с умеренно-репрессивной внутренней политикой на территории мятежной страны. В течение второго десятилетия XV в. за подписью короля были выданы грамоты о помиловании и возвращена недвижимость, в первую очередь – holdings, жителям Энглси (плата за милость – 1400 марок, т.е. около 1000 ф.) Гламорган и Абергавенни (за 500 ф.), Брекон – (1000 марок). В Мерионете и Карнарвоне платили дважды – сначала 200 ф., а затем еще 800 марок (из них – 300 люди Мерионета, 500 – второго графства)[141]. Возможно, это было связано с особой ролью названных последними графств в восстании[142].

Милость являли и лорды «Границы». Известны такие факты: курия в Ратине решением от 8 июля 1412 г. вернула «милость» и «холдинг» «мятежнику» Рису ап Граффидду ап Гвилину за 20 шиллингов. Несколько раньше аналогичный документ, но за меньшую сумму денег (13 шиллингов) был оформлен на имя другого повстанца Моргана ле Янга и т.п. Хочется особо указать на то, что барон Грей подписал в 1413-1414 гг. пять грамот об освобождении своих бондменов (за верность? или в надежде на верность?). На них была наложена очень скромная поземельная повинность – 3 пенса с каждого акра[143]. Приведенные выше данные позволяют сказать, что «драконовские»

акты парламента 1400-1401 гг.[144] были в политической практике значительно смягчены. Однако когда необходимость в мягких, уравновешивающих мерах прошла, парламент вернулся на позиции геноцида в отношении исконных жителей Уэльса. Не исключено, что это было напрямую связано с подъемом политической пропаганды в это время (см. далее). Антивалийские законы повторялись в 1431, 1433, 1444 и 1447 гг. (последний акт отличался наибольшей суровостью)[145].

Существуют факты, что попытки организовать военно-политическое сопротивление в Уэльсе продолжались на протяжении всей первой половины XV в. В 1427 г. как инспиратор мятежа был привлечен к суду Мэтью ап Лливелин, каноник из Гэлли. В Rotuli Parliamentorum[146], сообщается о мятежных действиях в Уэльсе в конце 30 - начале40-х гг. XV в. Осенью 1443 г. там вспыхнул мятеж. Инспиратором его являлся монах из цистерцианского монастыря в Витленде[147]. Он бродил по северному и южному Уэльсу, организовывал сборища людей и подстрекал их, рассказывая хроники и легенды[148]. Положение было столь серьезным, что 8 октября 1442 г. королевский совет решает возобновить чрезвычайные законы об Уэльсе. 11 октября «лордам-хранителям» уэльских границ рассылаются приказы срочно явиться в Лондон для совещания с членами королевского совета относительно средств ликвидации мятежа. С целью поимки или убийства монаха, возбуждающего народ, в горные районы Уэльса были отправлены шпионы[149]. Однако все эти политические акции не вызвали массового движения. Не исключено, что это явилось результатом «драконовских» политических мер, инспирированных парламентскими статутами[150].

Можно выделить и другой мотив пассивности валлийского крестьянства – разорение страны. Об упадке хозяйства в Уэльсе свидетельствуют все современные исследователи. Приведем некоторые примеры: манор Огмор, принадлежащий к комплексу земель герцогства Ланкастер, дававший до восстания свыше 300 ф. дохода (один из пиков в 1382 г. - 382 ф.), в 1412 г. принес лишь 100 ф. В 1427 г. половина земельных угодий не имела держателей[151]. В течение XV в. не были восстановлены укрепления многих крепостей (в частности, Конвей), а также церкви[152], мельницы[153]. Зато, как это всегда бывает в подобных случаях, усилилось национально-культурное движение, давшее несколько ярких имен поэтов (бардов). Их литературные труды, проникнутые любовью к своим соотечественникам, бережным отношением к языку, историческим традициям страны, позволили сохраниться кимврам Уэльса как малой, но значимой единице на этно-культурных пространствах Западной Европы.

Слабость же восстания Оуэна Глендоуэра определялась, прежде всего, чисто материальными факторами: валлийское население Уэльса было слишком малочисленным, хозяйственные рычаги (ремесло, торговля, хлебный рынок) были в руках чужеземцев. Баланс сил был слишком неблагоприятен для

Оуэна. Попытки его изменить с помощью внешних союзников (Франции, Шотландии, ирландцев) успеха не имели, во всяком случае, успеха длительного и надежного. Более того, правительству Генриха IV удалось, и весьма искусно, организовать блокаду морских побережий Уэльса: укрепить артиллерией форты и замки в удобных гаванях, организовать морские патрули. Удалось даже, пользуясь пассивностью «лордов дикой Ирландии», подтолкнуть феодалов англо-ирландского «пэйл» к нападению на важнейшую хлебную базу Оуэна - о. Энглси.

И последнее – говоря о судьбах восстания, валлийские историки с горечью констатируют тот факт, что Оуэну не удалось организовать эффективную работу государственного аппарата[154]. Клановые предрассудки оказавшихся во главе восстания валлийских сквайров, отсутствие административно грамотных, да и просто грамотных людей не позволяли объединить внутренне, скрепить через работу административного и судебного аппарата разобщенные родовыми предрассудками районы страны.

Тем не менее, следует отметить в заключение, что Оуэн понимал важность государственного строительства – создания такой государственной машины, какая существовала у более сильных соседей. Предпринимались меры, чтобы организовать работу валлийского парламента. Состоялось две сессии – первая в Мехинлет, в мае 1404 г., вторая – в Харлехе летом 1405 г.[155]. Пытаясь поднять престиж собственной власти, Оуэн в начале 1404 г. в присутствии послов Франции, Ирландии и Шотландии принял регалии древних принцев северного Уэльса[156]. Признавая важные административно-управленческие функции католической иерархии, Оуэн пытался создать особую, валлийскую церковь, вывести ее из подчинения кентерберийскому архиепископу и включить в систему французской церковной иерархии (через нее же приблизиться к авиньонскому папскому двору, соперничавшему тогда с римско-католическими викариями св. Петра.) Были попытки создать флотские и армейские подразделения на постоянной основе. Эти факты свидетельствуют, что движение Оуэна Глендоуэра не было повторением тех форм освободительной борьбы, которые пережил Уэльс в XII-XIII вв.[157]. Оно, несомненно, отличается новым, более высоким уровнем политической идеологии и политической организацией. Попытки Оуэна Глендоуэра создать в Уэльсе «современную», т.е. адекватную времени сословно-представительную монархию говорит о том, что в его лице мы видим уже не кланового предводителя, а государственного деятеля феодальной формации. И не его вина, что ресурсов в его распоряжении оказалось меньше, чем требовали обстоятельства. Хотя валлийский национализм был обескровлен, «уэльскую карту» пытались разыграть английские политические группировки, боровшиеся за власть в королевстве. В 20-е гг. XV в., когда на троне оказался малолетний Генрих VI, вспомнило о своих правах на корону семейство Мортимеров, обладавших титулом графов Марчей и значительными землями в Уэльсе и его приграничье[158]. Граф Марч Эдмунд был

сослан в Ирландию, а его брат Джон, планировавший собрать сорок тысяч бойцов в Уэльсе и «Марчах», был казнен. Однако «проект Мортимеров» не имел реальной поддержки. Изменилась обстановка в Уэльсе. Наиболее активная часть молодежи стала уходить из разоренной, обнищавшей страны. Наемничество в условиях возобновившейся Столетней войны давало неплохой заработок. Обе стороны – Генрих V и его соперники во Франции – охотно брали валлийцев в свои воинские подразделения, преимущественно, как легковооруженных, подвижных и выносливых пехотинцев. Славились искусством валлийские лучники.

Волнения в Уэльсе «националистического» характера отмечены в 80-ые годы XV в. В годы «войны Роз» миграционные процессы усилились. Из валлийской знати, принимавшей участие в восстании Оуэна, вышел основатель новой династии Англии Генрих Тюдор. В знаменитой битве при Босворте (1485 г.) под валлийским знаменем сражались примкнувшие к нему жители Уэльса. Их было немало и они сделали многое для победы Тюдоров. В начале XVI в. валлийцы были уравнены в правах с кровными англичанами (статут издал парламент Генриха VIII).

---

[1] Jack R.J. Owain Glyn Dwr and the Lordship of Ruthin. // The Welsh History Review. V. II. № 4, 1965. P. 307.

[2] Рейнольд Грей, лорд Грей де Ратин (1362-1440). В октябре 1389 г. впервые принимал участие в парламенте как лорд Грей де Ратин (Grey de Ruthin). В октябре 1394 г. сопровождал Ричарда II в Ирландию. Притязал на поместье Вексфорд как часть имения Гастингс. В 1398 г. снова был в Ирландии, некоторое время губернатором после смерти Рожера, графа Марча. После коронации Генриха IV стал членом королевского совета и участвовал в обсуждении вопроса о войне во Франции. Dictionary of the National Biography (далее – DNB).

[3] «Таун» - был достаточно богат, чтобы окружить себя высоким земляным валом с воротами.

[4] См. подробнее о судебной тяжбе и участии в ней Палаты лордов в DNB Article T.E. Tout. V. XXI. P. 427.

[5] P.P. Дэвис считает, что древний этноним "cymry" получил широкое распространение уже с середины VII в. – Davies R. R. Conquest, Coexistence and Change Wales. 1003-1415. Ox., 1987. P. 10.

[6] Его имя по-валлийски Owain ap Gruffidd, lord of Glundyvrdwy , или Owain Glyn Dwr.

[7] DNB. V. XXI. P. 427-428.

[8] Royal and Historical letters during the Reign of Henry the Fourth. Ed. F. C. Hingeston. L. The Rolls Series 1.860. V. I. P. 35-38. См. также знаменитое издание Г. Эллиса. Original Letter. Second Series. V. I. P. 3-51.

[9] Lloyd J. E. Oswestry as Link between England and Wales.// Archaeologia Cambrensis. 7th. Ser. V. III., 1923 P. 204-205.

[10] «Тауншип» получил от первого лорда Грей де Ратин привилегии «free borough», что и составило некую юридическую основу его хозяйственного процветания во второй половине XIV в.

[11] Вероятно, на своих дружинников Грей не надеялся. Поэтому мы не видим его в Ратине ни в 1400, ни в 1401 гг. Попытка его начать войну по-рыцарски весной 1402 г. закончилась плачевно. Он был выдан его же ливрейными солдатами Оуэну 18 апреля 1402 г. См. «Приложение» к Chronique de la Trahison et Mort de Richard Deux Roy Dengleterre. Ed. B. Williams. L. 1846.

[12] Об интриге Грея сообщает один, но наш взгляд авторитетный источник: Historia Vitae et Regni Ricardi II, Angliae Regis a Monarcho quodam de Evesham Consignata. Ed. T. A Hearne. Ox .1729.

[13] Состав собрания был внимательно изучен Р. Дж. Джек (Owain Glyn Dwr.P.310-312). Кроме Оуэна среди вожаков оказались его брат Тюдур, Гивел Киффин (Hywell Cyffin), братья Хэнмеры-Граффидд и Филипп, капеллан из Ллендрилло (Llandrillo) и "пророк" Крэх Ффиннант (Crach Ffinnant). В состав повстанцев вошли десять держателей Глиндифрдой, 15 – Ратина, люди из графств Мерионет, Денби, из Рос (Rhos) и др. Р.Дж.Джек отмечает, хотя и не комментирует, что большой процент в отряде составляли жители Денби: 87 из 270 (или 287) повстанцев. В основе подсчетов – материалы судебных разбирательств в Ратине, Чиркбери (IX-X. 1400).

[14] Davies R .R. Conquest, Coexistence and Change. P. 443.

[15] Лес назывался Коэдмархан. Winn J. History of the Gwydir Family. Ed. W. W. E .Wynn. L. 1878. P. 46-47.

[16] Вместе с отрядом Оуэна ушли около двух десятков жителей "тауншипа". Известны имена семнадцати. Среди них Йехан ап Бледдин (Jehan ap Bleddyn), рабочий, "недавно живущий в Ратине". В 1403 г. (7 июля) ушел в повстанцы Ллливелин ап Мэдог ап Ллливелин и вскоре умер в Харлехе. Jack R. J. Owain Glyn Dwr… P. 312, 317, etc.

[17] Walker D. Medieval Wales. Cambridge. 1990. P. 168.

[18] Ramsay J. Lancaster and York. L. P. 46.

[19] DNB.V. XXI. P. 428.

[20] PO. Vol. I. P. XVI.

[21] Последние годы правления Ричарда II, когда происходили многочисленные репрессии (в том числе, был казнен граф Ричард Арундел), готовилась экспедиция в Ирландию, формировался земельный фонд палатината Честер, привели к тому, что суды в Уэльсе действовали неэффективно, многочисленные держатели коронных земель использовали ситуацию, чтобы не платить причитавшихся податей.

[22] SR. II. P.124. (L.HIV C.16)

[23] PO. I. P. 15.

[24] Turvey R. H. The Marcher Shire of Pembroke and the Glyndwr Rebellion.// WHR. V. 15. 1990. (XII). P. 152.

[25] PO. II. P. 55.

[26] Usk. P. 67.

[27] PO. I. P. 16.

[28] Usk. P. 67.

[29] PO. II. P. 61.

[30] Walker D. Medieval Wales… P. 170.

[31] Usk. P. 69-71.

[32] Walker D. Medieval Wales… P. 170.

[33] Davies R. R. Conquest… P. 444.

[34] Потери оцениваются по-разному: анонимный хронист из Ивэсхем называет цифру в 200 человек, Томас Уолсингем – более 100 (HA. II. P. 250.), Annales Henrici IV – 1100. Адам Аск – 8 000 (Usk. P. 75.).

[35] Walker D. Medieval Wales. P. 170-171.

[36] Ibid.

[37] Vickers K. H. England in the Later Middle Ages. L. 1921. P. 318.

[38] Ibid.

[39] Семейство Перси пыталось помочь родственнику (сестра Эдмунда Мортимера Елизавета была замужем за Перси –младшим).

[40] Может быть, следует учесть и то, что большинство владений Мортимера в Уэльсе были в руках вождя повстанцев.

[41] «Dictum erat tunc commune, quod labidem habuit eum reddentem invisibilem, qui lapis, ut dicitur, quodam erat Ricardi comitis Arundelliae per regem Ricardum crudeliter decapiravit». Iohanius Rossi, alias Rous, Warwicensis antiquarii. Historia regum Angliae. Ed. T. Hearne. Ox. 1745. P. 206, 207.

[42] PO. II. L. 1836. P. 61. Материалы Тайного совета содержат немало деталей военных действий и политических акций в Уэльсе. Принц Уэльский в одном из писем информирует Совет, что он взял в плен одного из руководителей восстания. Имя его не названо. Пленный предлагает 500 фунтов выкупа, но пощады не последовало – он был казнен. Ibid. P.60-61.

[43] Turvey R. H. The Marcher Shire of Pembroke. P. 156.

[44] Ibid. P .154.

[45] Ibid. P. 155.

[46] Вероятно, держатели графа Вустера из южных марчей. О его землях в этом районе см. - Turvey R. H. The Marcher … P. 154.

[47] Wylie J. H . History of England under Henry the Fourth. V. II. L. 1894. P. 2.

[48] Дж. Г. Уайли склоняется к более ранней дате. Ibidem.

[49] Davies R. R. Conquest… P. 444.

[50] Turvey R .H. The Marcher… P. 155.

[51] Davies R .R. Conquest… P. 445.

[52] Wylie J. H. History of England under Henry the Fouth. L., 1894-1898. II. L.1894. II. P. 13, 7,8, etc.

[53] Ibid. P. 14.

[54] Томас Карью получил назначение в крепость Норбет в декабре 1402 г. Эта крепость была частью владений Мортимера. Опасались, что держатели Норбета последуют примеру Мортимера, тем более что эта местность и соседняя Кэдрат (Coedrat) в центре англинизированного Пембрука были заселены валлийцами. Turvey R.H. The Marcher… P.157.

[55] Turvey R .H. The Marcher... P. 157-158.

[56] Turvey R.H. David Perrot: Pembrokeshire Squire the Service of Glyndwr. //Journal of the Pembrokeshire Historical Society. 1991.

[57] О военных действиях в районе Кидвелли см.: Morres W.H. Cydwelly and the Glyndwr Revolt. // Carmarthen Antiquary. V. 3. 1959-1961. P. 4 ff.

[58] Foedera. VIII. P. 356, 365-368. В Париж для переговоров были отправлены Джон Хэнмер и Граффидд Янг.

[59] Walker D. Medieval Wales. P. 173.

[60] Wylie J. H. Yistory … II. P. 294.

[61] Walker D. Medieval Wales. P. 172.

[62] «Men of arms» - эквивалент французскому «hommes d'armes», «gens d'arms» и означает в буквальном переводе кавалерию (см.: Коммин Ф. Мемуары. М., 1986. С. 440. Прим. 25).

[63] Wylie J. H.History … II. P. 300-301.

[64] Usk . P. 83.

[65] Davies R.R. Conquest… P.450, Usk. P .90.

[66] Davies R.R. Conquest… P.446.

[67] Foedera.VIII. P. 356.

[68] Walker D. Medieval Wales. P.172.

[69] Foedera. VIII. P. 406-407.

[70] Davies R.R. Conquest… P.446.

[71] Город был отбит англичанами 31 августа 1405 г., но бои за город продолжались. Новый английский комендант Томас Поч попал в плен к валлийцам.

[72] Wylie J.H. History … II. P.303.

[73] Annales Henrici IV. P.415.

[74] Wylie J.H. History … II. P .311.

[75] Ibid. P. 314-315.

[76] Ibid. P. 316.

[77] Ibid. P. 326.

[78] В апреле 1406 г. умер его отец, и он должен был получить корону, но англичане, ожидая выкупа, держали его в плену последующие два года. Известно, что он находился в Ноттингеме, в замке, вместе с сыном Оуэна еще в феврале 1408 г. PO. I. P. 304. Note. 1.

[79] Walker D. Medieval Wales. P. 173.

[80] Потери определяются разными источниками по-разному, между 800 и 1000 человек.

[81] Usk. P.103 .

[82] Annales Henrici IV. P.399.

[83] Ibidem.

[84] HA. II. P. 278.

[85] Davies R.R. Conquest… P. 444.

[86] Turvey R.H. The Marcher… P.165.

[87] В боях за Харлех был тяжело ранен Эдмунд Мортимер. Он умер, вероятно, летом 1409 г. в Тауэре. DNB. V. XXXIX . P.123.

[88] Wylie J.H. History … III. P. 107, 112 –113, 205, 206.

[89] Пленные были доставлены в Лондон. Екатерина и обе ее дочери умерли в 1413 г. в Тауэре.

[90] «They dyed away, of them then was no more and Wales all became the King his menne». The Chronicle of John Harding. Ed. H. Ellis. L. 1812. P.369.

[91] SR. II. P. 159-160 (9 H.IV.C.4).

[92] Валлийское графство Ллаунхаден поддерживало Глендоуэра до 1409 г. Turvey R.H. The Marcher… P.168.

[93] Calendar of the Close Rolls. 1409-1413.

[94] Walker D.Medieval Wales … P.174.

[95] Davies R.R.Conquest … P. 444.

[96] Vickers K.H. England in the Later Middle Ages. P.344.; Walker D. Medieval Wales. P.174.

[97] Vickers K.H. England… P.329.

[98] Walker D. Medieval Wales … P.174.

[99] Williams G .Wales. 1415-1642. P.3.

[100] Королевскую власть представляли: Судья Северного Уэльса (Justiciar, Justice of North Wales), в состав юрисдикции которого входили Карнарвон, Мерионет, Энглси; Судья Западного Уэльса (Justice of West Wales), осуществлявший юрисдикцию над Кармартеном и Кардиганом. Графство Флинт курировалось судьей из Честера.

[101] Факты упадка церковной жизни в Уэльсе в конце XIV в. зафиксированы Гланмором Уильямсом. Williams G. The Welch church from Conquers to reformation. Cardiff. 1962.

[102] Davies R.R. Conquest… P. 431.

[103] Ibid.

[104] Или "выкупали сессию": redeem - такой глагол в английских источниках.

[105] См. подробнее: The Marchers Lordships of South Wales. 1415-1536. Select Documents. Ed. with introductions by T.S. Pugh. Board of Celtic Studies. University of Wales History and Law Series. №. XX. Cardiff .1963. P.7, 37, etc.

[106] Решения феодального владельца запротоколированы во время заседания манориальной курии 7 июня 1401 г. и 31 января 1402 г. Jack R.J. Owain Glyn Dwr .... P.313. Note 56.

[107] Ibidem.

[108] Davies R.R. Conquest... P.433.

[109] Р.Р. Дэвис приводит случай, когда 9 валлийцев были арестованы шерифом графства Карнарвон за то, что они производили пиво не только для себя, но и на продажу, «вопреки существующему порядку и в нарушение привилегий города Карнарвон». Davies R.R. Conquest... P. 433-434. Заметим, что «преступники» жили в 10 милях от этого города, в селении Клинног.

[110] Д. Уолкер обращает внимание на эффект «Черной смерти» для английской экономики и последовавшее увеличение интереса к валлийскому населению, которое не пострадало. Walker D. Medieval Wales. P. 168 .

[111] Davies R.R.Conquest... P.435.

[112] Ibid. P.436.

[113] Monarchi cujusdum Malmesberiensis Vita Edwardi Secundi, in chronicles of the Reigns of Edwardi I and Edwardi II. Ed.by W. Stubbs. Rolls Series .1883. V. II.

[114] Davies R.R. Conquest.... P.438.

[115] Ibidem.

[116] Ibidem.

[117] SR .V .II. P. 130.

[118] Самая известная Iolo Goch ac Eraill. Ed.by H. Lewis.; T. Roberts and G .Williams. Cardiff .1937.

[119] Davies R.R. Conquest..., P.448-449.

[120] RP. I. P. 306.

[121] Walker D. Medieval Wales. P. 166.

[122] По оценке Р.Р.Дэвиса земли Глендоуэра приносили ему не менее 200 ф.ст. в год. Davies R.R. Owain Glyn Dwr and the Welch Squireardy. //The Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion. 1968. Part. II. P. 153.

[123] DNB. V. XXI. P.427.

[124] Goodman A. Owain Glyndwr before 1400. // WHR. V. 5 .1970. N 1. P.67.

[125] Ibid. P.68.

[126] Ibidem.

[127] Семья Хэнмеров издавна была связана с Уэльсом. Томас оф Мэклесфилд (Thomas of Maecclesfield), дед Дэвида Хэнмера, служил Эдуарду I и получил имение на границе с Мэлор Сэснег в конце XIII в. Сам он и его потомки были женаты на валлийках. Жена Хэнмера Ангарад была валлийкой, дочь Маргарет вышла замуж за Оуэна Глендоуэра, сын был женат на девушке из семьи Тюдуров.

[128] Walker D. Medieval Wales. P.167.

[129] Davies R.R. Owain Glyn Dwr ...P.154.

[130] Ibid. P.159.

[131] Usk. P.230.

[132] Usk. P.70.

[133] Davies R.R. Owain Glyn Dwr.... P. 156.

[134] Walker D. Medieval Wales ... P. 174.

[135] Ibid. P.176.

[136] Foedera. VIII. P. 356, 365-368.

[137] Walker D. Medieval Wales ... P.176.

[138] Wylie J.H. P. 313-314.

[139] Davies R.R.Conquest... P. 450-451.

[140] Ibid. P. 447.

[141] Ibid. P. 456.

[142] Williams G .Wales. P.13.

[143] Jack J. R. Owain Glyn Dwr. P. 321.

[144] Williams G. Wales. 1415-1642. P. 10.

[145] Ibid. P.11.

[146] RP. V. V. P. 43, 137.

[147] Williams G .Wales. P.7.

[148] PO. II. P. 97-100.

[149] PO. II. P. 213, 223.

[150] Williams G .Wales. P.11.

[151] Davies R.R. Conquest... P. 428.

[152] «Приорство» (priory) Монктон близ Пембрука имело в 1378 г. 96 ф. 8 шил. 6 пенсов годового дохода. В 1404 г. – 50 фунтов. Turvey R.H. The Marcher Shire. P.167.

[153] В Хэйверфорде мельница, разрушенная во время военных действий, так никогда и не была восстановлена. Ibid. P. 168. Note 88.

[154] Walker D. Medieval Wales. P.175.

[155] Usk P. 65.

[156] Williams G. Wales. P.4.

[157] См. Кобрин К.Р. Уэльс и английская монархия (последняя треть XI- начало XIV вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород. 1993. С.17-19.

[158] Золотов В.И. Существовал ли заговор Мортимера в 1424 году? // Англия в XV-XVI вв. Проблемы генезиса капитализма. Межвузовский сборник. Вып. 3. Горький. 1976. С. 69 и следующие.

ГЛАВА 5

АНГЛИЙСКИЙ СЕВЕР В XV в. И РИЧАРД ЙОРК

Другим регионом, сохранившим «свое лицо» на протяжении всей средневековой истории Англии, был «Север» страны. Этот регион включал пограничные с Шотландией графства Нортумберленд и Камберленд, а также расположенные южнее, на берегу Ирландского моря, Вестморленд и Ланкашир, к востоку от них крупнейшее графство королевства – Йоркшир, земли которого тянулись от гребня Пеннинских гор до Северного моря. Оно в свою очередь делилось на три округа: «Райдинги» (Райдинг (Riding) от «rides» – езда, объезд, т.е. округа, которую можно объехать на коне за приемлемый с точки зрения администрации срок) - Северный, Западный и Восточный. Здесь же, между Нортумберлендом и Северным Райдингом лежали обширные по британским меркам земли епископства Дарем.

Регион отличался разнообразием ландшафтов и связанных с особенностями этих ландшафтов микрохозяйственных форм жизни, социально-бытовых и общественно-политических отношений. Важно, однако, подчеркнуть то, что объединяло людей, обитавших на Севере, и отличало от жителей остальной (центральной, восточной и южной) Англии. Север – наиболее бедная и отсталая часть страны. С одним исключением: район Йорка и Восточный Райдинг не уступал по уровню развития земледелия, рыболовства, торгово-ремесленной деятельности более южным графствам (группам графств), расположенным южнее. Всей Англии были известны, наряду с Йорком, такие экономические центры, как Гулль, Беверли, Скарборо и др. В остальных местностях земледелие не могло кормить (во всяком случае, досыта кормить), и люди искали и находили себе различные другие средства к жизни: добывали уголь (бассейн р. Тайн, к северному берегу которой «прилежал» Нортумберленд, а южный принадлежал даремскому епископству), ловили рыбу, охотились, разводили овец (Пеннинские горы). Уголь вывозился в южные области Англии, шерсть - в Скандинавию. В XIV-XV вв., используя силу быстрых, водных потоков, сбегавших с Пеннин, жители Западного Райдинга начали строить сукновальные мельницы. На рынках Англии, а затем, благодаря объединившимся в компанию «авантюристов» купцам Йорка, в портовых городах различных европейских стран появились грубые, но теплые, а главное дешевые ткани с английского Севера. Пройдет триста лет и хозяйственный центр Западного Райдинга город Лидс достигнет положения крупнейшего в мире центра шерстеобработки.

Еще одну особенность английского Севера следует искать не в экономической, а в политической сфере. На протяжении долгих веков шла с переменным успехом и с разной степенью напряженности перманентная пограничная война с шотландцами. Вооруженной рукой пытались и английские феодалы, и феодалы соседней страны перераспределить в свою пользу те скудные ресурсы, которые производили труженики по обе стороны границы. Английские лорды-пограничники (как и шотландцы) создавали для «охранных» и «захватнических» целей многочисленные дружины ливрей (liveries), строили крепости, замки, форты и т.п. с постоянными гарнизонами. Воинская служба в различных формах, но преимущественно за плату была на Севере страны не менее

распространена, чем на валлийском Западе. И экономические, и моральные стимулы владеть оружием воздействовали на «бедных» (нередко – прямо-таки нищих) юношей и мужчин северных графств с фатальным постоянством. Как валлийские «марчи» северное приграничье являлось резервуаром неплохо подготовленных и дешевых воинских контингентов.

Отметим также отдаленность северных графств от столицы королевства. От Лондона до Йорка – 300, а до пограничной с Шотландией р. Твид - 500 км. По западноевропейским масштабам – это очень далеко. Существовали культурно-бытовые отличия между северянами и живущими южнее англичанами. Были различия в разговорном языке (на диалектном уровне). У северян был признанный политический центр – город Йорк, в то время второй по величине город королевства. Северные графства были включены в особый архиепископский диоцез – Йоркский, формально независимый от архиепископа Кентербери, «примаса» Англии. Укажем и на еще одно обстоятельство: феодально-крепостнический режим здесь был менее распространенным, чем в других регионах. Процент крепостных по расчетам историков только в отдельных частях северного региона превышал 10 процентов. Е.А. Косминский в своей известной работе отмечал, что для северных маноров характерны такие черты: небольшой домен и, как следствие, преобладание денежной и натуральной ренты над барщиной. В ряде маноров отработки отсутствовали совсем. Среди крестьянских держаний преобладал фригольд (свободное держание). Держатели таких земельных наделов платили очень небольшую ренту деньгами или продуктами. Многие фригольдеры несли «службы нехозяйственного характера, особенно военную»[1]. На Севере для крестьян дорого обходились услуги баналитетных институтов владельцев манора (пекарни, мельницы и др.); хотя баналитеты оплачивались натурой. И последнее: держание крестьян на Севере были на порядок обширнее, чем в других местах страны. «Особость» Севера проявлялась в разные периоды английской истории. Главным образом тогда, когда ослабевала центральная власть. Бароны Севера пытались диктовать свою волю лондонскому правительству в начале XV века, их воинские контингенты упорно отстаивали интересы семьи последнего Ланкастера Генриха VI в конце 50-60 гг. XV века. Многое на Севере зависело от позиции двух графских семей – Перси и Невилей. Первые господствовали в Нортумберленде, но обладали также обширными и относительно богатыми землями в Йоркшире (восточный Райдинг), Камберленде и других местах на Севере Англии и других частях страны. Они носили титул «хранителя» (warden) восточной, наиболее важной в силу довольно развитой сети коммуникаций, «границы» с Шотландией, а также центрального участка границ. Западный участок шотландского приграничья – меньший по протяженности, трудно доступный и не столь важный в военно-политическом отношении оберегали Невили. Они соответственно держали в руках членов своей семьи титул «Warden of the West March» (хранителя западной границы). Именно Перси сыграли решающую роль в свержении с трона Ричарда II (1399 год). Рассорившись вскоре со своим, как они считали, ставленником, Генрихом IV Ланкастером Перси в течение пяти лет (1403 –1408) боролись за свои реальные и мнимые права с правительством первого Ланкастера. Ими был заключен союз с валлийским принцем Оуэном Глендоуэром, они ставили вопрос о расчленении Англии и создании на Севере особого государства с центром

в Йорке. Их поддерживал архиепископ Йорка Ричард Скроуп. «Северный проект» дома Перси потерпел крах. Главные действующие лица погибли на полях сражений или были казнены. Наводить порядок на Севере Генриху IV активно помогало семейство Невилей. К середине XV века Невили превратились в один их богатейших и влиятельнейших магнатских домов Англии.

Междоусобицы первого десятилетия XV в. обескровили Север, на несколько десятилетий заглох северный патриотизм. Лишь к концу 50-х гг. деньги Маргариты Анжуйской супруги слабоумного Генриха VI и ее союзников и друзей, в том числе – французского короля Людовика XI, разожгли воинственный пыл «джентльменов» и «йоменов» северных графств.

Они активно стали участвовать в военных действиях (1459-1461 гг.) на стороне ланкастерской «партии», правда, уже не в силу сепаратизма, а ради укрепления своих хозяйственных и политических позиций в рамках существовавшей тогда политической системы английского королевства. Нортумберлендские крепости были последними, которые присоединил к себе Эдуард IV Йорк (1464 г.), уступив шотландцам, как плату за военную помощь, важнейшую крепость при устье р. Твид Бервик.

Следующий этап политической активности северян связан с именем Ричарда Йорка, младшего сына герцога Йорка, тоже – Ричарда, погибшего в борьбе со своими соперниками из ланкастерского королевского дома (1459 г.). Ричард – исторический герой, о котором историки многих стран всех поколений написали сотни работ различного жанра. Его зловещую фигуру обессмертил великий Шекспир, он важная фигура в популярном романе Р. Стивенсона «Черная стрела» и т.д. Ричард, получивший в 1461 г. титул герцога Глостера, возрос и возмужал в годы «войны Роз», а это значит в тлетворной атмосфере вражды, коварства, жестокости... Участники этой исторической драмы жгли села и замки, грабили, убивали во имя власти, ради богатства ...Ничто не было свято: ни родство, ни любовь, ни дружба ...Властолюбие и не знавшая границ жестокость нашли в этом небольшого роста с деформированной фигурой (горб, сухорукость) человеке законченное воплощение. Его достоинства являлись продолжением его недостатков. Жажда власти делали его мужественным в бою, изворотливым в политике, лицемерным в обращении с себе подобными. Первые его подвиги относятся к весне 1471 г. Ему приписывают среди многих других убийство в Тауэре старого и беззащитного Генриха VI. Он же своей рукой умертвил и его единственного наследника Эдуарда, плененного в битве при Тьюксбери (4 мая 1471 г.) Победа над ланкастерской партией и истребление перешедших на сторону Ланкастеров Невилей позволило Ричарду жениться на наследнице богатств поверженного баронского рода Анне Невилль и стать крупнейшим собственником земли в северных областях страны.

Ричард Йорк в семидесятые годы XV в. утвердился на Севере, заняв независимую, а порой прямо-таки оппозиционную позицию по отношению к своему старшему брату Эдуарду IV. В начале 80-х гг. островное королевство приобрело биполярный характер. Лондонское правительство Эдуарда IV, уже тяжело больного и малодееспособного, состоявшее из родственников жены и некоторых близких друзей короля, как бы противостояло могущественному наместнику Севера – Ричарду Глостеру.

Он приобрел популярность в Северной Англии как военный командир – много раз побеждавший шотландцев. В 1482 г. войска Ричарда отобрали у шотландцев захваченную ими двадцать лет назад уже упоминавшуюся пограничную крепость Бервик[2]. Очевидно, Эдуарда устраивало удаление от двора младшего брата, который не внушал ему полного доверия. Ричарду были предоставлены исключительно широкие полномочия, благодаря чему он стал фактически главой английского Севера. Важно подчеркнуть, что герцог Глостер опирался не только на свои феодальные прерогативы, но и на то, что в его распоряжении оказалась довольно эффективная структура, созданная его волей, – Совет Севера.

Зарождение этого органа власти относится к последним годам правления Эдуарда IV, хотя точной даты назвать невозможно[3]. Наряду с Советом Запада, который распоряжался делами другой окраины – западом Англии, Совет Севера призван был служить целям ограничения баронского самовластия и укрепления государственной власти в районе, где традиционно были сильны сепаратистские настроения.

В компетенцию Совета входили все вопросы по управлению северными графствами, включая оборону границ государства. Благодаря достигнутой централизации власти и достаточным денежным средствам Ричард Глостер располагал возможностью нанять в свою ливрею и ливреи своих баронов большое количество наемников. Оправданием этому служила нестабильная ситуация на шотландской границе. В результате на Севере сконцентрировалось значительное число ливрейных дружин. Все это означало, что Север Англии приобрел некоторую административную, финансовую, судебную, и, что особенно важно, военную самостоятельность. В руках Ричарда Глостера оказались не только надежный механизм политического воздействия на дворянство и города Севера, но и серьезная база для укрепления собственного могущества. В связи с этим легко объяснить то откровенно настороженное отношение, которое испытывало лондонское правительство к наместнику английского Севера.

Ситуацию в центре осложняло весьма острое соперничество двух группировок в королевском совете. Одну из них составляли родственники королевы: ее дети от первого мужа – Томас Грей, маркиз Дорсет, и его младший брат Ричард, а также ее братья Энтони Вудвиль, граф Риверс, и Лионель, епископ Солсбери. Среди них по своему исключительному влиянию в государственном аппарате выделялся Энтони Вудвиль. Он был воспитателем наследника престола[4] и фактически возглавлял Совет принца Уэльского – важнейший административный и судебный орган на западе Англии (Совет Запада). Членом этого совета являлся и Ричард Грей. Большую роль в королевском совете играли маркиз Дорсет и епископ Солсбери. Жадные и тщеславные выскочки, они были крайне непопулярны в Англии, особенно среди купеческих кругов Лондона и Кале[5].

Оппозицию королевской родне в совете возглавляли лорды Ричард Гастингс, Томас Стенли, архиепископ Йоркский Томас Ротерхем и Джон Мортон, епископ Эли. Первый из них – Ричард Гастингс – был в это время особенно влиятелен. Он занимал пост чемберлена Англии и лейтенанта Кале. Все они были выходцами из зажиточного дворянства, ставшими пэрами Англии и членами королевского совета за свою преданность йоркской династии.

В стороне от этих двух враждовавших группировок находились Генри Стаффорд, герцог Бекингем, Джон Пул (де ла Поль), Генрих - герцог Сеффолк, герцог Перси, граф Нортумберленд, и некоторые другие представители знаменитых аристократических родов. Оттертые от власти в эпоху Эдуарда IV «выскочками» из джентри, они были не прочь вернуть себе былую славу первых пэров государства.

Вскоре после смерти Эдуарда IV возник альянс между герцогом Глостером и представителями старого родовитого магнатства. Такой союз можно объяснить взаимной заинтересованностью обеих сторон в усилении собственных позиций перед лицом предстоящей борьбы за власть. В результате, внутри государства возникла третья партия, оказавшаяся более сильной, чем группы Гастингса и родственники королевы.

Эдуард IV скончался 4 апреля 1483 г. Сразу же после его погребения началась борьба в королевском совете. Предметом спора явились следующие вопросы: о сроках коронации Эдуарда, старшего сына короля, о регентстве и о том эскорте, с которым принц Уэльский должен был прибыть из своей резиденции крепости Ладлоу в Лондон[6].

Победа осталась за Гастингсом. Два важнейших принципиальных вопроса были решены в пользу его группы. Совет отклонил притязания королевы Елизаветы на регентство и назначил протектором королевства Ричарда Глостера. Свита принца Уэльского должна была насчитывать не больше 2 000 всадников. Лишь день коронации был назначен, как того требовали родственники королевы, на кратчайший срок – 4 мая 1483 г. В эти дни Гастингс отправил письмо Ричарду, находившемуся тогда на северной границе с войском, ища у него поддержки против родни королевы. Он сообщал Глостеру, что «брат только ему завещал быть протектором жены, детей, имущества и всего, что он имеет». Получив это сообщение, Ричард тотчас выехал на юг. В Йорке он привел к присяге Эдуарду V местное дворянство, затем отправился в Нортгемптон, где его ожидал герцог Бекингем[7].

В эти же дни свита юного принца из Ладлоу направилась к столице. И если Елизавета и маркиз Дорсет с нетерпением ждали ее прибытия, чтобы покончить с гегемонией Гастингса в совете, то последний твердо верил в помощь со стороны могущественного наместника Севера. Однако сам Ричард Глостер не собирался играть предназначенную ему Гастингсом вспомогательную роль, он, судя по всему, имел собственный план действий.

В Нортгемптоне Ричарду удалось заручиться поддержкой со стороны одного из крупнейших магнатов Англии – Генри Стаффорда, герцога Бекингема. Глостер обещал ему значительные суммы денег, земли короны, графство Герифорд и дал согласие на заключение брака между своим сыном и дочерью Бекингема[8]. Тогда же, очевидно, было решено привлечь на свою сторону других представителей старой аристократии, потерявших былое влияние при дворе: герцога Сеффолка, лордов Невиля и Арундела, графа Нортумберленда и других. Во всяком случае, Ричард неоднократно заявлял о том, что он борется с людьми, стремящимися захватить власть и угнетающими старые благородные роды[9]. Дальнейшие события также указывают на то, что у Глостера существовал определенный план, который проводился им в жизнь с большой целеустремленностью и решительностью. Ричард и его главный союзник Бекингем вполне резонно полагали, что необходимым условием успешного осуществления этого плана является

устранение любыми путями всех действительных, а также возможных противников.

Как только принц Эдуард отбыл из Нортгемптона, туда явились герцоги Глостер и Бекингем. В городе еще оставался дядя принца лорд Риверс, намеревавшийся следовать за ним и догнать в Стони-Стаффорд. Томас Мор сообщает о том, что Глостер и Бекингем устроили дружеский пир с Риверсом, а на следующее утро лорд Риверс был схвачен и заключен под стражу своими недавними сотрапезниками. Герцоги направились в Стони-Стаффорд догонять принца и его спутников. Прибыв туда, они затеяли ссору с лордом Ричардом Греем, сводным братом принца по материнской линии, обвинив его вместе с братом Томасом и лордом Риверсом в заговоре против Эдуарда. Лорд Ричард и некоторые другие спутники принца были арестованы и вместе с лордом Риверсом отправлены под конвоем в северные крепости, принадлежащие Глостеру[10]. Таким образом, Ричард Глостер взял в свои руки контроль над наследником престола, нанеся смертельный удар по партии королевы-матери. Она с детьми тотчас скрылась в убежище Вестминстер. За ней последовал маркиз Дорсет[11].

Зная о старой вражде придворных группировок, Ричард не без оснований надеялся на то, что устранение одной из них не вызовет серьезных осложнений. Все так и произошло. Попустительство недальновидного Гастингса развязало руки Глостеру и его союзникам на пути к власти.

4 мая 1483 г. Ричард вместе с наследником престола вступил в Лондон. Здесь его встретили с распростертыми объятиями Гастингс и другие его сторонники. Гастингс открыто радовался гибели своих врагов, серьезно рассчитывая на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество с Ричардом Глостером.

7 мая был собран «большой совет» знати, который отложил коронацию Эдуарда до 21 июня. Решено было созвать парламент. 13 мая Большой Совет утвердил полномочия протектора. 19 мая с его санкции Ричард для лучшей охраны отправил юного принца в Тауэр. Через несколько дней протектор добился от Елизаветы выдачи ему второго сына Эдуарда IV – Ричарда, который также был помещен вместе со своим братом в Тауэр[12]. Одновременно с этим шло перераспределение государственных должностей. Протектор использовал свою власть для того, чтобы обеспечить за своими союзниками и слугами господство над государственным аппаратом. Генрих Стаффорд, герцог Бекингем, стал фактически наместником протектора на Западе[13]. Граф Нортумберленд назначается капитаном Бервика, хранителем восточных и центральных границ Шотландии с большим годовым содержанием[14]. Епископ Линкольна Рассел получил пост канцлера вместо смещенного друга Гастингса архиепископа Йорка Ротерхема[15]. Вообще в майские дни сторонники Гастингса заметно сдали свои прежние позиции под напором энергичных друзей протектора. Пытаясь противостоять такому наступлению, Гастингс вступил в переговоры со своими бывшими врагами – королевой и ее родственниками[16]. Но эти маневры лорда-чемберлена не остались тайными для Ричарда и лишь ускорили готовившийся им решительный удар. В этой борьбе отчетливо реализовывался известный принцип «цель оправдывает средства». Лорд Гастингс оказался еще одним препятствием на пути Ричарда к власти, и это предрешило его участь.

Многие источники сообщают о вызове Глостером в столицу ополчений северных графств[17]. В Йорк было отправлено письмо с Ричардом Рэтклифом[18], датированное 10 июня[19]. Судя по документам городского совета Йорка, его встретили там благожелательно. Из Йорка к Лондону отправилось двести человек[20]. Письма были также направлены лорду Гэмфри Невилю[21] и другим вельможам Севера. Ричард требовал немедленной присылки людей на защиту его, герцога Бекингема и других лордов «старой королевской крови» от покушений родственников и сторонников королевы[22].

На Лондон двинулись с Севера конные ополчения дворян и городов. Но прежде чем они прибыли, Ричард уже учинил жестокую расправу над группой Гастингса. 13 июня во время заседания Совета в Тауэре были арестованы Гастингс, Уильям Стенли, епископ Эли Джон Мортон и архиепископ Йоркский Ротерхем по обвинению в государственной измене. По приказу Глостера лорду-чемберлену тут же на крепостном дворе отрубили голову, остальные были отправлены в разные пункты Англии под полицейский надзор[23]. Стенли, правда, вскоре был освобожден и занял видное место в свите Ричарда[24].

В тот же день в Лондоне читалась прокламация, обвинявшая Гастингса в заговоре на жизнь протектора. Тогда же Глостер отдал приказ о казни находившихся в его руках членов семьи королевы[25].

Расправа 13 июня стала очередным шагом протектора в осуществлении задуманного плана. Разгромив обе соперничавшие партии в королевском совете, Ричард Глостер, его верные друзья и слуги, а также некоторые из примкнувших к ним старых членов совета стали хозяевами государственного аппарата.

Вскоре в район Лондона начали подходить вызванные Ричардом ополчения северных графств. Всего в окрестностях столицы к концу июня было около 5 000 вооруженных северян[26]. Опираясь на эту силу, протектор рискнул предпринять следующий шаг к своей цели. 19 июня доктор богословия проповедник августинского ордена Эдмунд Шоу (брат мэра Лондона) выступил в соборе св. Павла с проповедью на тему «Незаконнорожденное потомство не имеет глубоких корней», в которой доказывал, что брак Елизаветы с Эдуардом IV не был законным, так как до этого Эдуард дал обещание жениться на другой благородной леди Элеоноре Батлер, и потому их потомство не имеет прав на наследование короны[27]. Но проповедь Шоу не вызвала энтузиазма среди лондонских горожан. Большинство из них, несомненно, понимало, что политика протектора открывает широкую дорогу к возрождению баронских войн и беззаконий прошлых лет. Да и сами политические приемы борьбы Ричарда Глостера, попиравшие все юридические и моральные нормы, не могли не вызвать недовольства среди жителей столицы. Однако это не остановило Ричарда и его друзей. В ближайшие дни члены городского совета Лондона вместе с некоторыми представителями графств и городов, а также поддержавшие замысел протектора духовные и светские магнаты составили петицию, в которой пространно аргументировали законность королевского титула Ричарда и просили его возложить корону на свою голову[28]. Специальная делегация доставила эту петицию в резиденцию протектора — Байнард Касл[29]. А 26 июня была издана прокламация о том, что протектор согласился на просьбу трех сословий королевства. Этот день

стал первым днем царствования Ричарда III. В начале июля состоялась коронация и коронационные торжества[30].

Важно подчеркнуть, что все эти дни Лондон находился на военном положении. Отряды северян продолжали оставаться в его предместьях, готовые при необходимости силой оружия защитить права нового короля. Без большой натяжки, можно утверждать, что впервые (и единственный раз) в истории средневековой Англии феодалы Севера взяли власть в королевстве. Жителям было запрещено оставлять свои дома после десяти часов вечера без специальных королевских лицензий. Нарушители сажались за решетку. Никто не мог без королевского разрешения появляться в столице, ее предместьях и близлежащих районах. Место постоя для лиц, получивших разрешения, определялось королевскими чиновниками. Строжайшим образом запрещалось ношение оружия, драки и т.д. За нападение на иностранного купца виновный карался смертью[31].

Так, используя противоречия внутри правящей верхушки, Ричард сначала уничтожил реальных и потенциальных противников своей власти, затем, опираясь на вооруженную силу северных вассалов, практически устранил возможность сопротивления проводимой политике в столице. Для достижения власти и королевской короны все средства оказались приемлемы. В течение двух месяцев партия Ричарда продемонстрировала целый арсенал своих преступных методов. С помощью обмана, предательств, убийств они сумели победить своих политических противников и захватить трон. Объединенные общей ответственностью за многочисленные преступления сподвижники Ричарда стали основной опорой в его власти. Именно поэтому узурпатор всеми силами старался укрепить эту опору и по возможности увеличить число своих сторонников. Он не скупился на пожалования и обещания, чтобы удержать прежних и завоевать новых союзников. К данным уже ранее постам и должностям Ричард III прибавил герцогу Бекингему титул убитого Гастингса (он стал лордом-чемберленом). Генрих Перси, четвертый граф Нортумберленд, был восстановлен во всех тех должностях, которые он имел при Ричарде II. А именно: руководителя королевских шахт в северной Англии, надсмотрщика королевских лесов к Северу от реки Трент, констебля крепостей Ньюкастля, Бамборо, Дунстанборо, бейлифа Тинделла, лесничего Нейрсборского леса[32]. Братья Джон и Томас Говарды получили особенно большие пожалования. Первый из них стал герцогом Норфолком, второй —графом Серри. Лорду Беркли был пожалован титул графа Ноттингема[33]. Наряду с Бекингемом и Нортумберлендом, они стали ближайшими сподвижниками Ричарда III.

Несколько позднее крупную роль в государстве стало играть семейство Пулов. Джон Пул, сын второго герцога Сеффолка, племянник по материнской линии Ричарда III, стал графом Линкольном, а после смерти сына короля (9 мая 1484г.) был признан наследником престола[34].

„Кроме титулов и должностей Ричард щедро раздавал земли и денежные подарки. Наибольшие пожалования получили, прежде всего, ближайшие приверженцы нового короля: Генрих Перси, граф Нортумберленд, лорд Стенли, лорд Невиль, лорд Скроуп. Часто денежные подарки раздавались из сокровищ, накопленных Эдуардом IV[35]. Для завоевания любви своих подданных, в первую очередь — северян, Ричард III совершал

многочисленные акты королевской милости во время коронационного турне по Англии в июле-ноябре 1483 г.

Однако все эти меры не дали нужных результатов. Положение в государстве становилось все более напряженным. В июле был раскрыт заговор с целью освобождения заключенных в Тауэр сыновей Эдуарда IV, в котором участвовали несколько дворцовых слуг покойного короля и гардеробщик Тауэра Стефан Эйрленд[36].

Этот заговор и опасение дальнейших попыток освобождения принцев побудили Ричарда III дать приказ об убийстве детей Эдуарда IV. Хотя точная дата неизвестна, но конец лета - начало осени - вот те хронологические рамки, в которые они были лишены жизни[37].

В конце лета возник еще один, но на этот раз более широкий и опасный заговор. В нем объединились все «обиженные»- представители разбитых в прошлом дворянских партий; королеве и ее родственникам протянули руку их некогда заклятые враги – лорд Стенли и епископ Мортон. Все вместе они обратились за помощью к ланкастерским эмигрантам, скрывавшимся в Бретани, – Джеспер Тюдору, бывшему графу Пембруку, и его племяннику графу Ричмонду Генриху Тюдору. Заговорщики нашли поддержку среди дворянства южных графств, которое было недовольно тем, что дворяне северных и в меньшей степени центральных графств заняли господствующее положение при дворе и в государственном аппарате. Вождем заговора стал не кто иной, как Бекингем, наперсник узурпатора, первый вельможа королевства.

Причину такой неожиданной измены Бекингема историки объясняют по-разному. Вергилий указывает на два мотива. Первый из них связан с претензией герцога на трон, так как он был потомком ланкастерского дома. Второй - отказ Ричарда III передать Бекингему земельные владения - так называемое, «наследство Богуна»[38] Томас Мор считает, что причиной измены Бекингема стало нарушение королем обязательства женить своего сына на дочери герцога[39]. Лингард излишне преувеличивает фактор морального воздействия на Бекингема епископа Мортона[40].

Вполне допустимо, что не одна, а сразу несколько причин побудили герцога поднять оружие на короля. Не исключено, что, узнав о складывании мощного заговора против узурпатора, и неуверенный в том, что Ричард III сможет противостоять готовившейся против него атаке, Бекингем решил сыграть роль Уорвика: завоевать и подарить королевство новому королю, чтобы еще больше увеличить свое богатство и влияние в государстве. Надо учесть, что первоначальной целью заговора было освобождение из Тауэра детей Эдуарда IV и возращение им прав на трон[41]. Лишь затем, когда стало известно об их убийстве, был выдвинут другой план: брак Генриха Тюдора на дочери Эдуарда IV Елизавете с передачей им прав на корону[42].

У Бекингема были серьезные основания рассчитывать на успех готовившегося предприятия: в его руках находились все военные ресурсы Уэльса и западных графств Англии. Кроме того, заговорщики предполагали поднять восстание на всем юге Англии и принять десант из Бретани. Все это в сочетании с внезапностью должно было дать им решающий перевес над Ричардом III.

Но агентам короля удалось раскрыть заговор. Ричард III, находившийся в это время в Линкольне, вызвал Бекингема ко двору. Последний ответил отказом, сославшись на болезнь, и отдал приказ о начале восстания[43].

Как и было условленно, восстание вспыхнуло тотчас же в разных пунктах и охватило обширную территорию. На дальнейшие события показали, сколь незначительны были ресурсы заговорщиков, как мало они были связаны с широкими слоями английского народа и как слаба была оказанная им поддержка от населения тех районов, где они подняли свои мятежные знамена. Именно в этом заключается главная причина быстрого разгрома движения. К началу ноября все было кончено. Ополчение самого Бекингема разбежалось, другие вожди восстания не отважились даже вступить в бой с вооруженными силами Ричарда III, которому осталось только судить захваченных в плен мятежников, в числе которых был герцог Бекингем[44].

Итак, мятеж Бекингема явился типично баронским путчем, чуждым народу. Везде, где бы ни поднимали мятежники знамена, они встречали холодный прием среди населения, не забывшего еще баронских неурядиц прошлых лет. В отрядах путчистов не было добровольцев, были лишь наемники, которым зачастую нечем было платить. Все это обрекало их выступление на быстрый провал. Важно отметить и тот факт, который ясно обнаружился в ходе путча: дворянство юга в большинстве своем было враждебно настроено по отношению к новому королю и его сторонникам из числа старых аристократических родов и джентри северных графств. Такое противостояние значительно суживало социальную опору Ричарда III и усиливало внутреннюю поляризацию государства.

Серьезные проблемы для правительства Ричарда III были связаны с существованием в Бретани сильного эмигрантского центра, сплотившего в своих рядах представителей всех разбитых партий. Здесь находился маркиз Дорсет со своим сыном, Эдуард Вудвиль, младший из братьев королевы Елизаветы, Эдуард Гастингс, наследник казненного лорда-чемберлена, и другие. Всего около 300 человек[45].

Лидером этой партии стал последний представитель ланкастерского дома Генрих Тюдор, граф Ричмонд. Их эмблемой - «алая роза». Обязательство Генриха вступить в брак с Елизаветой, дочерью Эдуарда IV, явилось той основой, на которой объединились прежде непримиримые враги.

Несмотря на поражение осенью 1483 г., они продолжали свою борьбу. Агенты внутри страны готовили почву для поддержки заговора, вербуя новых сторонников, привлекая на свою сторону всех недовольных правительством Ричарда III. Важную роль в деятельности внутренней агентуры эмигрантов играли две женщины - Елизавета, вдова Эдуарда IV, скрывавшаяся со своей семьей в вестминстерском убежище, и мать графа Ричмонда – Маргарита, жена лорда Стенли.

Борьба с интригами эмигрантов стала одной из важнейших задач политики Ричарда III. Принимались энергичные меры, чтобы помешать контактам внутренних и внешних заговорщиков; делались попытки добиться от герцога Бретани выдачи Генриха Тюдора с тем, чтобы обезглавить вражескую партию. 8 июня 1484 г. был подписан дружественный договор между Бретанью и Англией[46], но желаемых результатов добиться не удалось. Генрих Тюдор бежал во Францию, где ему был оказан теплый прием со стороны короля Карла VIII[47]. Такое дружелюбие французского короля по отношению к врагу английского короля легко объяснить, учитывая существование договора, обязывавшего французскую сторону выплачивать значительную ежегодную пенсию англичанам. Стремление ослабить Англию,

посредством разжигания внутренней смуты, а затем безболезненно разорвать невыгодный договор – таков был смысл политики Карла VIII. С этого времени Париж стал главной штаб-квартирой тюдоровской партии, куда тянулись нити нового заговора, направленного на свержение Ричарда III с трона.

Не имея возможности добиться от Франции выдачи Генриха Тюдора, король попытался расколоть силы врагов. С этой целью им в конце 1484 г. был выдвинут план женитьбы на Елизавете, своей племяннице. Смерть сына (в августе 1484 г.), а вслед за тем и жены (16 марта 1485 г.) создали для этого некоторые необходимые предпосылки. Впрочем, проект брака был выдвинут раньше, чем умерла жена Ричарда Анна, и, возможно, правы хронисты (Стоу, Вергилий), утверждавшие, что кровавый узурпатор сумел ускорить смерть своей супруги[48].

Однако вскоре Ричарду пришлось оказаться от своих намерений в отношении Елизаветы. Беспринципность и аморализм короля усилили недовольство в различных слоях населения, в частности - жителей столицы и северных графств[49] Ричард был вынужден опровергнуть слухи о готовившейся свадьбе перед лицом членов городского совета Лондона[50], после чего Елизавету выслали из столицы в далекую северную крепость Шериф-Хеттон[51].

Все усилия Ричарда обезвредить или хотя бы ослабить тюдоровскую партию оказались безрезультатными. В Париж стекались все новые и новые перебежчики из Англии. Эмигрантский центр сплачивал вокруг себя все оппозиционное правительству Ричарда III элементы из английского дворянства, баронства и духовенства. Заговорщики пытались перетянуть на свою сторону и ближайших сподвижников короля. Письма от Генриха Тюдора были посланы в частности Генриху Перси, графу Нортумберленду[52]. Расчет был сделан на то, чтобы лишить Ричарда в предстоящей борьбе поддержки со стороны верных магнатов Севера, и не безосновательно. Хотя раскол в партии короля еще не обозначился, многие северные аристократы стали все больше тяготиться властью Ричарда III, ограничившего их былые привилегии и самостоятельность. К тому же непрерывная борьба, которую вел узурпатор с интригами весьма сильной оппозиционной партии, серьезно отражалась на внутреннем состоянии государства. Практически все это время значительные районы страны находились на военном положении. В марте 1484 г. во всех графствах были созданы военные комиссии, чтобы провести смотр наличным людским ресурсам, сделать необходимые приготовления на случай вторжения в страну врагов[53]. Верховное командование над ополчениями графств должны были осуществлять наиболее близкие сподвижники узурпатора. В руках некоторых из них сосредоточивалась чрезвычайная власть, над целыми районами страны. Так, новый наследник престола граф Линкольн стал председателем Совета Севера и вместе с графом Нортумберлендом отвечал за оборону северной части королевства. Обороной восточных графств руководили братья Говарды, западных – лорд Стенли. Человеком, несущим ответственность за защиту южных пределов страны, был лорд Лувел. Его помощником являлся лорд Георг Невиль. В центральном государственном аппарате большое влияние приобрели два ближайших советника короля рыцари Рэтклиф и Катесби[54]. Этот чрезвычайный военный режим, существовавший на территории Англии и сопровождавшийся

немалым количеством вымогательств и злоупотреблений со стороны военных комиссаров правительства, не мог не разрушить нормального течения жизни страны и не вызвать недовольства в самых различных слоях населения, включая тех, кто еще недавно безраздельно поддерживал нового короля.

Готовясь к решительной схватке, Ричард III принял некоторые меры к тому, чтобы подорвать военную самостоятельность английских феодалов и лишить их возможности противостоять власти короля. В январе 1484 г. вышел запрет на ношение в Кенте каких-либо ливрей, кроме королевских[55]. Не исключено, что аналогичные запреты были направлены и в другие города и графства. Но такие меры не могли дать большого эффекта. Ричард был бессилен запретить иметь большие ливрейные отряды лордам своей партии, да и вообще всем лояльным ему элементам из числа баронства и богатого рыцарства, так как они были той силой, на которую он рассчитывал опереться в решающий момент борьбы с Тюдорами. В случае каких-либо враждебных действий в отношении своих союзников, король серьезно рисковал потерять их поддержку, это означало бы конец всей его власти. В результате, Ричард III оказался в положении человека, который, взяв в долг, не может ни в чем отказывать своим кредиторам.

Таким образом, узурпатор в борьбе со своими политическими противниками в течение 1484 г. и первой половины 1485 г. не смог достигнуть заметных успехов. Эмигрантский центр в Париже не был ликвидирован, а установленный в стране военный режим и связанные с ним материальные тяготы для английского населения скорее ослабляли, чем укрепляли позиции Ричарда III. Ограниченные меры против военных ливрей баронов вообще не могут идти в расчет при учете политической обстановки в стране.

Все это вместе взятое явилось важным фактором, предопределившим поражение Ричарда в борьбе с тюдоровской партией, но не единственным. Чтобы понять другие, необходимо остановиться на анализе экономической и финансовой политики правительства Ричарда III и его законодательстве.

23 января 1484 г. открылся первый и единственный парламент Ричарда III. На его заседаниях было принято пятнадцать публичных актов, семь из них были посвящены вопросам торговли и ремесла. Некоторые из них являются повторением соответствующих законов Эдуарда IV. В частности, был возобновлен и сделан вечным статут 1478 г., посвященный ярмарочным судам[56]; продлен на 10 лет закон, запрещавший ввоз в Англию шелковых тканей, лент и кружев[57]. «Акт против ремесленников-иностранцев», в основу которого легли петиции 21 лондонского цеха, содержит список запрещенных к импорту товаров – всего около 60 наименований[58]. Протекционизм – одна из характерных черт политики Эдуарда IV, получил при Ричарде III дальнейшее развитие. Узурпатор трона в силу необходимости должен был идти навстречу требованиям торгово-ремесленной верхушки английских городов. Особенно рельефно эта черта проявилась в «Акте относительно купцов Италии».

Устанавливаемый этим законом торговый режим был весьма тяжел для итальянских, да и не только для итальянских купцов. Они должны были распродавать привезенные в Англию товары в течение 8 месяцев, а «те из них, которые остались не распроданными в этот срок, и не могут быть проданы, должны быть вывезены из Англии на протяжении двух месяцев».

Вырученные от продажи деньги должны были идти в обязательном порядке на закупку английских товаров и никоим образом не вывозиться за пределы государства. Срок для реализации денег устанавливался в три месяца. Строжайше запрещалось на территории Англии заниматься посреднической торговлей. За вступление в сделку с каким-либо иностранным купцом или даже за посещение без торговых целей купца другой нации виновный должен был платить громадный штраф – 40 ф. За перепродажу английской шерсти внутри страны итальянский купец наказывался конфискацией его товара. И хотя такие законоположения не были новостью в Англии, но никогда они не были выражены в столь жесткой, категоричной форме.

Вторая группа параграфов статута посвящена уже не иностранным купцам, а иностранным ремесленникам. Им запрещалось под страхом конфискации изготавливать на территории Англии сукна, продавать свои товары они должны были лишь оптом, но никоим образом не в розницу. Мастер-иностранец должен был брать себе в качестве учеников, подмастерьев, слуг только членов своей семьи или англичан. За взятие себе в мастерскую другого иностранца полагался штраф в 20 ф. «Ни один иностранец, из какой бы страны он не прибыл в Англию, - написано в одном из параграфов статута,– не должен жить в одном доме с другим иностранцем или заниматься каким-либо ремеслом, но должен быть отправлен обратно или стать слугой того лица, которое является подданным его величества»[59]. Тем самым, был закрыт фактически доступ в Англию ремесленникам других стран, а те, которые уже жили к моменту издания закона, были поставлены в крайне неравное со своими английскими конкурентами положение.

Этот и подобные статуты свидетельствуют о том, что протекционизм, который стимулировался наряду с экономическими и чисто политическими причинами, получил в 1484-1485 гг. свое наиболее резкое за весь XV в. выражение. Кроме того, правительство Ричарда III заботилось о торговых интересах Англии на внешних рынках. В 1483 г. Ричард в специальном послании Людовику XI требует подтверждения торговых прав англичан в Бордо и других портах Франции[60].

Другой характерной чертой экономического законодательства Ричарда III являлся меркантилизм. Уже в июне 1483 г., вскоре после коронации, Ричард издает «Прокламацию об ирландской монете». Из нее мы узнаем, что продолжается ввоз недоброкачественной, нестандартной монеты из Ирландии в Англию, как и вывоз серебра из Англии. Это вызывает утечку из Англии благородного металла в большом количестве и ведет к понижению курса английской монеты. Ричард III стремится упорядочить монетное дел в самой Ирландии. Количество монетных дворов сокращается до двух. Для изготавливаемой на них монеты устанавливается специальный штамп, который бы позволил легко отличить монеты, изготовленные в Ирландии от английских[61].

Третьей важной составной частью в экономической политике Ричарда III, как и его предшественников, была регламентация важнейших отраслей промышленного производства. Очень интересен принятый парламентом 1484 г. «Акт о порядке окрашивания шерсти и сукон». Этот статут охватывает практически все важнейшие стороны производства: качество материалов и красителей, размер куска, просушку, окраску, промывку[62]. Отдавая контроль в руки специальных чиновников,

правительство стремилось обеспечить себе нормальный доход от этой бурно растущей отрасли промышленности.

Итак, покровительство национальному ремесленному производству и торговле занимало важное место в политике правящей верхушки. Напряженная политическая ситуация в это время заставляла правительство быть особенно внимательным к петициям ремесленников и торговых компаний. Многие статуты были составлены на основании петиций не менее чем тридцати торговых и ремесленных корпораций и отвечали интересам нескольких десятков других. Их прогрессивное значение для развития английской промышленности, для укрепления ее позиций на национальном рынке бесспорно. И также бесспорным является то, что эти меры правительства Ричарда III способствовали укреплению его контакта с верхушкой английских горожан.

Однако, решающим фактором в завоевании симпатий как городского, так и сельского населения Англии являлась налоговая политика правительства. Именно она становилась нередко главным звеном в цепи других самых разнообразных факторов, определявших исход политической борьбы; от того, насколько умело решало правительство проблему накопления денежных ресурсов государства за счет кошельков своих подданных, во многом зависела его устойчивость в борьбе с политическими противниками.

Ричард III отлично сознавал это. Во время своего летнего турне в 1483 г. по городам Англии он неоднократно отказывался от предоставляемых ему городскими советами денежных подарков, заявляя, что «ему нужны не деньги, а сердца подданных»[63]. Прямые субсидии не вотировались, и был принят специальный статут, объявлявший сбор беневоленций незаконным и запрещавший их в дальнейшем[64], лишь конвокация Кентербери предоставила королю десятину со своей земли и имущества. Один из статутов парламента внес некоторые улучшения в порядок ее сбора[65]. Все эти меры, несомненно, нашли положительный отклик как в английской деревне, так и в городе; еще никогда королевское правительство не проявляло такой умеренности в налогах,

Но эта политика почти полного отказа от сбора налогов не была жизненной в существующих условиях. Она носила на себе печать авантюризма. Те сокровища, которые накопил Эдуард IV, давали Ричарду известную независимость в финансовых вопросах, но эта независимость не могла быть долговечной. Богатые денежные подарки своим сторонникам и помощникам быстро опустошили королевскую казну. Кроме того, борьба с происками заговорщиков, подготовка к отпору ожидаемого десанта сторонников Генриха Тюдора тоже требовали немалых средств. Стремясь предотвратить финансовый крах, Ричард III принял меры к максимальному увеличению существующих статей дохода.

В 1484 г. из королевской канцелярии вышел документ под названием «Напоминание, сделанное для быстрого сбора королевских доходов от всех его владений и наследств, а также и для прибыльного состояния и управления этими владениями»[66]. Король вменял в обязанность чиновникам казначейства усилить требовательность к должностным лицам, ответственным за сбор принадлежащих королю доходов. Всякое снисхождение к ним строго воспрещалось. Задержка отчетов о собранных средствах должна была разрешаться лишь в крайних случаях и не дольше,

чем на четыре месяца от положенной даты. Ревизоры казначейства должны были ежегодно составлять «книгу» обо всех доходах, которые поступили от шерифов, эсчиторов, сборщиков таможен и субсидий, казначея Кале, сборщиков десятины, бейлифов городов и портов, и всех других чиновников, подотчетных финансовому ведомству, и представить ее тем лицам, которых король назначит для проверки. Отчет о полученных казначейством деньгах должен был ежегодно делать и лорд-казначей королевства.

Доходы, поступавшие от земель принца Уэльского, графства Марч, Солсбери, Уорвик; герцогства Йорк, Норфолк и других земель, «находящихся в руках короля», были изъяты из ведомства государственного казначейства и переданы специальным чиновникам – «foreign auditors» и «foreign receivors», т.е. независимым, "посторонним" казначейству сборщикам и ревизорам. Среди них выделялся один "аудитор" и один "сборщик", которые должны были возглавить и руководить этим вновь созданным финансовым ведмством. Аудиторы "foreign livelode" должны были иметь перед королем свою особую, независимую от казначейства отчетность. Предусматривался и ряд других более мелких мер, призванных улучшить учет существующих доходов и возможностей их увеличения. Запрещалось также сдавать земли малолетних наследников, находящихся временно в руках короля, в аренду, рекомендовалось управлять ими и получать с них доход с помощью специально назначенных чиновников и т.д.

Однако все эти меры не смогли дать быстрого результата. Реорганизация финансового дела – задача очень сложная, требующая для своего разрешения известного промежутка времени, учитывая, в каком запущенном состоянии находилась эта система в предшествующий период. Жалобы на то, что чиновники казначейства годами не сдавали ни отчета, ни денег с подведомственных им имений, таможен и пр., что фермеры королевских земель не делают нужного ремонта принадлежащих королю маноров и замков, вырубают леса и запускают пашню, что фермеры и управляющие имений короны жестоко притесняют держателей, встречаются беспрерывно в документах на протяжении всего XV в.

Уже в начале 1484 г. королевское правительство оказалось лицом к лицу с финансовым банкротством. Чтобы как-то исправить создавшееся положение, Ричард был вынужден прибегнуть к средству, которое совершенно перечеркивало все его предшествующие мероприятия, направленные к уменьшению налогового бремени населения. По словам продолжателя Кройленда, «он вернулся к вымогательствам короля Эдуарда, которые были осуждены правительством», т.е. к беневоленциям[67].

Фабиан называет их принудительными займами. Минимальной ставкой в Лондоне было 40 ф. ст.[68]. Но займы платили не только горожане Лондона. Комиссии по сбору их направлялись в Герифордшир, Бедфордшир, Оксфордшир, Беркшир, Йоркшир, Ноттингемшир, Дербишир, Норфолк, Сеффолк, Миддлсекс. За два месяца своей работы ими было собрано 20 тысяч ф. Предполагалось же собрать 31 000 ф., которые король обещал выплатить в течение следующих полутора лет[69].

Этот неожиданный налог вызвал недовольство в широких слоях английских горожан, джентри, зажиточного крестьянства. Он свел на нет все прежние начинания Ричарда, направленные на укрепления власти, и значительно ослабил его позиции перед лицом надвигающийся опасности.

Именно в провале налоговой политики Ричарда III следует видеть одну из причин растущей непопулярности его среди английского населения.

Попытка узурпатора обеспечить себе активную поддержку со стороны английских горожан также провалилась в значительной степени благодаря этим неуклюжим финансовым комбинациям. В грядущей борьбе с тюдоровской партией он мог теперь рассчитывать лишь на кучку своих приверженцев из числа аристократии и дворянства, на тех, кого он приблизил и облагодетельствовал в надежде на их преданность и верность. Однако многие из них поддерживали Ричарда лишь пока им было выгодно; как только эта основа пропадала, они с легкостью были готовы сменить своего господина на нового более сильного и щедрого. Именно так поступили ближайшие сторонники Ричарда Генрих Перси, лорд Стенли и многие другие.

Особенно интересна в этой связи позиция Генриха Стенли, графа Нортумберленда и других влиятельных северян, так как в недалеком прошлом именно благодаря их активной поддержке Ричард смог захватить власть. Сначала северяне видели в Ричарде своего ставленника и надеялись с его помощью укрепить свое могущество и независимость от центра. Будучи наместником Севера, Ричард поддерживал сепаратистские устремления своих вассалов, усиливая тем самым выгодное ему противостояние с лондонским правительством. Но, став королем, он обязан был отказаться от поощрения центробежных сил в государстве. Кроме того, необходимо было расширять и свою социальную опору. Север постепенно терял приоритетность своего положения в государстве. Дальнейшие финансовые мероприятия правительства Ричарда III еще более ослабили заинтересованность северных магнатов в поддержке своего господина и подтолкнули их к лагерю его врагов. Раскол уже обозначился, хотя до последнего момента сохранялось внешнее единство в рядах сторонников короля.

События, развернувшиеся в августе 1485 г., были подготовлены всем предшествующим ходом политической борьбы. Сколотив на западе Англии весьма сильный заговор, зная о широком недовольстве в стране налоговой политики Ричарда III и произволом его военных комиссаров, добившись достаточных кредитов от французского короля, группа Генриха Тюдора поспешила перейти к решительной атаке.

7 августа в гавани Милфорд Южного Уэльса высадился небольшой десант. Подавляющая часть его состояла из французских наемников. Их возглавляла небольшая кучка англичан. Примерное их соотношение было 200:2000, т.е. 1:10. Над войском Генриха Тюдора развевалось знамя королевского рода валлийцев, потомками которых считали себя Тюдоры. Агитационное значение этого символа для населения Уэльса было очень велико.

Дальше через Кардиган, Нью-Таун и Вэлшпул войско Тюдора перешло Уэльс, пограничные графства и подошло к переправам через реку Северн у города Шрусбери. По ходу марша к ним присоединились отряды нескольких находящихся в заговоре уэльских дворян[70]. Город Шрусбери после переговоров открыл свои ворота войску Генриха. Городской совет выделил в помощь ему небольшой отряд. Отсюда войско двинулось по направлению к Ньюпорту. Здесь примкнул первый из английских лордов Джилберт Талбот с отрядом в 500 человек[71]. Вскоре был установлен

контакт с обоими Стенли, хотя открытого присоединения их сил не произошло. Перебежали к Тюдору Томас Буршье и Уолтер Хангерфорд[72].

Ричард III, главной штаб-квартирой которого на протяжении последних месяцев был город Ноттингем, собрав ополчение из ливрей магнатов своей партии, прибыл в Лейстер и оттуда последовал к Босворту навстречу врагу. В составе его армии были дворянские ополчения Севера, во главе с Генрихом Перси, отряды, собранные из дворянства восточных графств, возглавляемые Джоном Говардом, герцогом Норфолком[73], а также дворянские отряды центральной Англии и ливрея лорда Лувела. Несмотря на то, что мобилизация ополчения проходила на всей территории страны, численность его была невелика – 10-12 тысяч человек. Очевидно, многие дворяне и йомены уклонились от явки по вызову на военную службу. В армии Тюдора людей было и того меньше – около 5 тысяч человек[74].

Таким образом, битва при Босворте 22 августа 1485 г. явилась стычкой двух феодальных дружин в несколько усиленном составе. Ни та, ни другая не были армией английского народа: наемные иностранные воины составляли большинство в отрядах Генриха и Ричарда. Исход сражения решила измена Генриха Перси, который так и не двинул в бой подчиненные ему отряды северных графств, а также помощь, оказанная в решающий момент тюдоровскому войску со стороны отряда Стенли.

Битва продолжалась два часа. 1 000 человек погибли из войска разгромленного узурпатора, 100 человек потеряли победители[75]. Среди убитых был и сам король Ричард III. Найденной на поле боя короной Уильям Стенли украсил голову Генриха Тюдора. Не встречая больше сопротивления, его войско победным маршем двинулось к столице и заняло ее. Йоркская династия потеряла присвоенный ею двадцать пять лет назад королевский трон. На престол Англии вступила новая династия Тюдоров.

Говоря о причинах падения Ричарда III, некоторые английские историки делают ударение на моральные и идеологические факторы. Например, Рамзей указывает, как на первую причину поражения Ричарда, узурпацию им трона. Вторую причину он видит, в кровожадности королей йоркской династии. По его словам, ланкастерские короли, «хотя и осмеливались по временам на строгие акты», но их личная жизнь и характеры находились в согласии с чувствами английского народа. Йорки же «вызвали к себе отвращение как личной жизнью, так и преступлениями против нации. Беневоленции были худшими из них»[76].

Бесспорно, потрясающая аморальность Ричарда III сыграла в политической борьбе тех дней определенную роль, но далеко неглавную. Беспринципность, неразборчивость в средствах, даже «кровожадность» не были исключительным достоянием Ричарда III или Эдуарда IV. В не меньшей мере они были присущи и их политическим противникам и всему классу английских феодалов тех дней. Значительно более важную роль сыграли конкретные политические, экономические и социальные факторы. Прежде всего, следует указать на узость социальной базы установленного узурпатором режима. Ему не удалось завоевать себе поддержку со стороны купечества и ремесленной верхушки английских городов не из-за своей моральной ущербности, а в результате непопулярной налоговой политики. С другой стороны отсутствовала экономическая заинтересованность у этих слоев населения для активного сотрудничества с правительством Ричарда III. Отошла от политической борьбы, стала к ней равнодушной и значительная

часть английского дворянства, вовлеченная, как и горожане, в процесс первоначального накопления капитала. Южное и западное дворянство испытывало враждебное отношение к Ричарду III за выдвижение на важнейшие государственные посты выходцев из старой аристократии и дворянства Севера. Кроме того, все слои населения были недовольны установленным кликой узурпатора военным режимом в государстве. В этих условиях результат борьбы зависел во многом от соотношения сил внутри стоявшей у власти феодальной верхушки – виднейших магнатов и их ближайших вассалов, слуг и друзей. И это соотношение складывалось явно не в пользу Ричарда III, против которого объединились все "группы" и «группки» представителей тех сил, которые были разбиты в политической борьбе предшествующих лет. Непосредственной же причиной, которая резко ухудшила положение правящей клики и позволила ее врагам предпринять решительную и серьезную атаку, является банкротство финансовой политики узурпатора и вызванное им введение исключительно высокого принудительного займа, вопреки принятому год назад парламентом статута. Не случайно, что именно весной-летом 1485 г. происки тюдоровской агентуры увенчались успехом внутри страны и ей удалось сколотить весьма сильный заговор внутри страны, в который вошли многие из дворянских лиц Ричарда III.

Нельзя сбрасывать со счета и такой немаловажный фактор, как поддержка Генриху Тюдору со стороны Франции. Французский король предоставил ему не только кров, пищу и защиту, но и кредиты, позволил нанять во Франции 2 000 волонтеров, а также необходимые для их перевозки корабли[77].

Подводя итоги политической деятельности Ричарда III, необходимо подчеркнуть, что период его протекторства и царствования был временем возрождения феодальных усобиц в государстве. Его действия привели к нарушению нормального функционирования государственного аппарата, совершенно исчерпали финансовые ресурсы королевской казны и в значительной степени истощили фонд земель, находящихся в руках короля. Отдельные законы Ричарда III (по упорядочению денежного обращения, большинство протекционистских статутов) имели положительное значение для экономики страны, но их эффективность была во многом снижена существовавшим в стране военным режимом.

Вместе с тем, при Ричарде продолжалось формирование абсолютистского аппарата, и этот процесс сделал крупные успехи. Получил окончательное оформление Совет Севера, как авторитетный и исключительно важный государственный орган. Его возглавлял ближайший сподвижник Ричарда – его племянник Джон Пул (де ла Поль), граф Линкольн.

Впервые при Ричарде III была произведена реорганизация государственного финансового ведомства. Рядом со старым феодальным казначейством возник аппарат «аудиторов» и «сборщиков», подотчетных непосредственно королю, которые управляли земельным имуществом, находившимся в руках короны. И новая финансовая курия, и Совет Севера пережили Ричарда III, получив свое дальнейшее развитие при Тюдорах.

Наконец, Ричард III, несмотря на свое заигрывание со старой родовитой аристократией, продолжал политику выдвижения людей «низкого происхождения» на ответственные посты в государственном аппарате.

Все это говорит о том, что бурные события эпохи правления Ричарда III не остановили процесс складывания нового политического строя в Англии, хотя и затруднили.

Ричард сам отчасти способствовал ослаблению внутреннего единства государства. Сделав своей опорой в борьбе за трон Север, он вольно или невольно противопоставил его остальным районам страны и тем самым сузил свою социальную базу. Щедро раздавая земельные и денежные пожалования своим северным вассалам, назначая их на доходные государственные посты, Ричард III породил враждебность по отношению к себе и своим приверженцам со стороны «обделенных» дворян южных и западных графств.

Поражение при Босворте и гибель Ричарда Йорка были восприняты на Севере неоднозначно. Предательское поведение Генри Перси не прошло незамеченным и не осталось безнаказанным. Четыре года спустя он был убит повстанцами близ своей усадьбы Топклифф, севернее г. Йорка (18 апреля 1489 г.). Народное восстание в Йоркшире весной 1489 г. было спровоцировано высокими налогами, вотированными парламентом Генриха VII, которых северяне не знали больше полутора десятков лет. Однако в сознании повстанцев мотив «доброго» Ричарда Йорка как альтернатива «жадного» Генриха Тюдора звучал достаточно громко.

Значение битвы при Босворте для английского Севера в том, что среди общественно активных групп населения наметился раскол: часть продолжала симпатизировать погибшему Ричарду Йорку, другая приняла Генриха Тюдора. Однако энергичная политическая практика Генриха VII приглушила социальные эмоции. Королевская администрация и суд жестко контролировали жизнь на Севере, самом опасном для Лондона регионе страны. Но сепаратизм на Севере не умер. Политические события следующего XVI в. свидетельствует об этом.

---

[1] Косминский Е.А. Исследования аграрной истории Англии XIII века. М.-Л., 1947. С. 236, 237, 248, 279 и др.

[2] Stow J. Annales of England. L. 1601. P. 720.

[3] Mackie J.D. Earlier Tudors .1485-1558. Ox.1952. P. 204.

[4] Grants, etc. from the Crown during the Reign of Edward V. Ed. by J.G. Nichols and J. Russel. Camden Society. 1854. P. VI. N C.

[5] Gairdner J. History of the Life and Reign of Richard III. Cam. 1898. P. 339.

[6] Ibid. P. 45.

[7] Vergil P. Three Books of English History comprising the Reigns of Henry VI, Edward IV and Richard III. Ed. by H.Ellis. L.1844. P. 173.

[8] Stow J. Annales… P. 751.

[9] Ibid. P. 758-761.

[10] Мор Т. История Ричарда III. М., 1973. С. 94-96.

[11] Vergil P. Three Books… P. 175.

[12] Ibid. P. 175, Stow J. P. 743.

[13] Grants. P. 31-34.

[14] Ibid. P. 19-24.

[15] Stow J. Annales, P. 754.

[16] Vergil P. Anglia Historia. Ed. D. Hay. L. 1950. Pp. 146-148.

[17] Fabian R. New Chronicles of England and France. Ed. H. Ellis. L. 1811. P. 671.

[18] York Civic Records. Ed. A. Raine. Vol. I. Wakefield. 1942. P.73-74.

[19] Ibid. P. 73-74.

[20] Ibidem.

[21] Ibidem.

[22] Ibidem.

[23] Stow J. Annales… P. 754-755.

[24] Vergil P. Three Books… P. 182.

[25] Grants P. XV.

[26] Stow J. Summary of the Chronicles of England. L., 1570. P. 291.

[27] Stow J. Annales… P. 757.

[28] Ibid. P. 764-766.

[29] Ibid. P. 766.

[30] Ibid. P. 767-768.

[31] Letters and Papers, illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII. Ed. J. Gairdner. Vol. I. L. 1861. P. 16-17.

[32] Barrington E. Annales of the House of Persy from the conquest to the opening of the XIX century. Vol. II. L. 1887. P. 299-300.

[33] Stow J. Summary … P. 292.

[34] DNB. Vol. XLVI.

[35] Ramsay J.H. Lancaster and York. 1399-1485. Ox., 1892. P. 534.

[36] Stow J. Annales… P. 767.

[37] Ibid. P. 767-773.

[38] Vergil P. Three Books… P. 191-195.

[39] Stow J. Annales … P. 767.

[40] Lingard J. History of England. Vol. III. Paris,1840. P. 290-291.

[41] Chronicles of the White Rose of York. Ed. by J.A. Giles. L. 1843. P. 567.

[42] Vergil P. Three Books … P. 207.

[43] Ibid. P. 199.

[44] Fabian R. New Chronicles … P. 672.

[45] Vergil P. Three Books… P. 207.

[46] Stow J. Annales… P. 780.

[47] Ibid. P. 781.

[48] Vergil P. Three Books… P. 211, Stow J. Annales … P. 781-782.

[49] Stow J. Annales … P. 784.

[50] Vergil P. Three Books... P. 208.

[51] Stow J. Annales. P. 783.

[52] Vergil P. Three Books… P. 215.

[53] Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. 1476-1485. L. 1901. P. 394-401.
[54] Fabian. P. 671-672.
[55] Gairdner J. History ... P. 152.
[56] Statutes of The Realm. Vol. II. L. 1816. P. 480-482.
[57] Ibid. P. 493-494.
[58] Ibid. P. 495-496.
[59] Ibid. P. 489-493.
[60] Letters and Papers... Vol. I. P. 35-36.
[61] Ibid. Vol. II. P . 286-287.
[62] Statutes... P. 484-489.
[63] Gairdner J. History... P. 129.
[64] Statutes... P. 448.
[65] Ibid. P. 497-498.
[66] Letters and Papers... Vol. II. P. 81-85.
[67] Chronicles of the White Rose of York. P. 572.
[68] Fabian R. New Chronicles... P. 672.
[69] Gaidner J. History... P. 195.
[70] Stow J. Annales... P. 784.
[71] Ramsay J.H. Lancaster ... P. III.
[72] Vergil P. Three Books... P. 221.
[73] Paston Letters. Ed. by J. Gairdner. Vol. III. P. 884.
[74] Vergil P. Three Books ... P. 224.
[75] Ibidem.
[76] Ramsay J.H. Lancaster ... P. 551-553.
[77] Vergil P. Three Books... P. 186-187.

§ 1. РИЧАРД УИТИНГТОН – «ЦВЕТОК» ЛОНДОНСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Существует традиция изучать историю Англии через жизнедеятельность конкретных людей или фамилий. И это вполне оправдано. Выдающиеся личности способны фокусировать в себе целые эпохи. Такой фигурой в английской истории был Ричард (или Дик) Уитингтон. Он символ Англии XIV – XV веков. В это время начинается бурный экономический рост страны, в первую очередь, за счет текстильной промышленности. Овцеводство, производство сукна и других шерстяных тканей – в центре экономической политики английской короны. Но успешное производство рождало другую проблему – необходимость выгодной реализации текстильной продукции. Для этого надо было забрать экспорт шерсти в руки англичан, а также добиться внешних рынков для сбыта промышленной продукции. Английское правительство успешно справилось с поставленными задачами, проводя протекционистскую политику. В конце XIII в. изгоняются все еврейские общины из страны[1], в середине XIV века были разорены двукратным банкротством флорентийские банкирские дома Перуцци и Барди[2]. К концу XIV века английское купечество вытесняет иностранцев с внутреннего рынка, начинает товарную экспансию на континенте. По мере развития рынка и роста купеческого капитала, в первую очередь - лондонского, создаются и крепнут купеческие корпорации, гильдии и компании, контролировавшие оптовую торговлю. В начале первенство держали те гильдии, которые обеспечивали лондонцев продуктами питания (victualling gilds), особенно рыботорговцы (fishmongers), позднее те, что были связаны с шерстью и продуктами шерстеобработки (сукноторговцы – drapers). Купцы-оптовики стремились поднять свой престиж, укрепить свое положение, используя различные средства, в частности, шили себе роскошные, «фирменные» одежды – ливреи (liveries). Вскоре появилось в лондонском лексиконе такое понятие – «ливрейные компании», 12 из них получили статус «Великих купеческих компаний» ("Great Merchant Companies")[3]. В XIV веке отмечается рост торгового флота. Организуются постоянные пункты продажи шерсти. С середины XIV века важнейшей торговой базой был Кале, а затем с конца XIV века англичане начинают активно осваивать далекие заморские рынки. Английские купцы налаживают тесные торговые отношения с северными странами, основывают коммерческие фактории на берегах Балтийского моря. Они высаживаются в портах Гаскони, Португалии, Марокко, проникают на средиземноморские рынки. В конце XV века после ряда неудачных попыток англичане пересекают Северную Атлантику, начинают эксплуатацию ресурсов Нового Света, в частности начинают ловить треску на мелководье ньюфаундленской банки.

Экономические успехи привели к значительным социально-политическим изменениям. Люди, связанные с торговлей и ремесленным производством, начинают играть главные роли в финансово-экономической сфере государства, а также структуре политического управления. Происходит борьба за экспорт сукна, причем не только между Англией и иностранными конкурентами, но и внутри самих городов, в частности, очень острой была борьба

между ливрейными компаниями Лондона. В XV веке победителями вышли мерсеры. К этой привилегированной гильдии относился и Ричард Уитингтон. Его коммерческие и политические успехи во многом были обусловлены победами гильдии.

Существуют сложности перевода слова «мерсер», особенно неопределенно его значение в ранний период. С конца XVI - начала XVII веков под мерсерами подразумевали тех, кто торговал текстильными товарами, в особенности, шелком, бархатом и другими дорогими товарами, а также изредка «мелочными» товарами. Историки XIX века (Герберт, Гросс, Кэнингем) утверждали, что мерсерами называли розничных торговцев[4]. Трапп же полагает, что они занимались не мелочной, а оптовой торговлей[5]. Липсон считает, что слово «мерсер» произошло от находившихся под их контролем «малых весов» Лондона, которые использовались для продажи в розницу[6]. «Большие городские весы» контролировали соперники мерсеров – гроссеры (gross – большой). Но определенно то, что мерсеры занимались, в первую очередь, торговлей тканями. Об этом свидетельствуют и описи их имущества. Сохранились две описи конца XIV века. В «invertories» Эдуарда Пейторна упоминаются большей частью ткани Брабанта, Италии, Франции, а также у него были значительные запасы вина. Опись имущества Джона Бэша также состоит из текстильных товаров, а также галантереи. То есть мерсеры активно занимались и галантерейной торговлей, и импортом вина. К концу XV века мерсеры добились отмены ограничений, стеснявших их торговую деятельность. Дело в том, что в 1347 году им было запрещено выезжать со своим товаром за пределы Лондона, но у других гильдий таких преград не было, а попытки ввести их через городской совет закончились неудачей. И с 1481 года мерсеры дали своим членам полную свободу разъезжать по стране. Кроме торговли, они занимались промышленной деятельностью, закабаляли ремесленников, занимались кредитными операциями. Компания «купцов-авантюристов» (хартия была дарована королем в 1405 году), торговавшая сукном в Нидерландах и других европейских странах, была их дочерней организаций. Именно, клерки мерсеров вели документацию «купцов-авантюристов». Собрания «предприимчивых купцов» проходили в «гильдхолле» мерсеров. Подавляющая часть должностных лиц «авантюристов» – выходцы из гильдии мерсеров. В начале XVI века суконторговля становится наиболее прибыльной отраслью островного экспорта.

Активная и выгодная торгово-предпринимательская деятельность позволяла мерсерам сколачивать огромные состояния. Судя по раскладкам налогов, которые производились с учетом имущественного положения, члены этой гильдии были самыми богатыми людьми в Лондоне[7]. Анализ документов, оформлявших имущественные сделки, свидетельствуют о большой активности мерсеров в приобретении собственности, особенно земельной[8].

Самой яркой, легендарной фигурой среди мерсеров в конце XIV – начале XV вв. был Ричард Уитингтон, получивший прозвище «цветок купечества». Он, как и многие другие английские коммерсанты, активно осваивает не только внутренние рынки собственной страны и ближайших государств, но и принимает деятельное участие в заморских экспедициях. Согласно одной из легенд, сложенных о Ричарде Уитингтоне, свою первую прибыль он получил от продажи кота марокканскому султану[9]. Такой предпринимательский талант позволил «цветку купечества» накопить колоссальные богатства. Но в памяти лондонцев Ричард Уитингтон остался не только благодаря размерам

своего состояния, но заслужил добрую славу и тем, что потратил большую часть своего имущества на поддержание благосостояния города. В 1411 году он подарил землю для реконструкции и расширения церкви св. Михаила на Королевской улице[10]. За богоугодную благотворительность его именем был назван колледж, которому Ричард Уитингтон обеспечил постоянный доход. Здесь же им была основана богадельня для бедных людей. И они в благодарность ежедневно возносили молитвы богу, специально рекомендованные Ричардом и его женой. Здесь же его похоронили, и по заведенному обычаю «однажды все вместе приходили к его могиле троекратно произносили благодарственную молитву за основателя»[11].

Но были и недруги у Уитингтона в Лондоне. Так, в 1418 году богатейшему купцу предъявили серьезное обвинение в присвоении чужой собственности. Джоанна Херт заявила в суде, что Ричард задолжал ей большую сумму денег, а также драгоценностей стоимостью в несколько тысяч марок. Но в ходе расследования было выяснено, что Джоанна его оклеветала и что сама должна ему крупную сумму денег[12].

Экономическая мощь, политическая зрелость, благотворительность, и связанная с ними популярность, позволяли, выделившейся из городского сословия купеческой верхушке, претендовать на высшие должности в городском управлении. Стремление к власти было обусловлено не столько политическими амбициями, сколько желанием обеспечить благоприятные условия и привилегии для развития компании. Между гильдиями шла острая борьба за право надзора и контроля над производством и продажей и за должности, через которые это можно было реализовать[13]. Как уже говорилось, до конца XIV века в Лондоне господствовали торговцы продуктами питания (рыботорговцы, гроссеры, виноторговцы). Но свобода торговли давала им возможность торговать и другими товарами, в том числе и шерстью. В их же руках находилось лондонское самоуправление. И с конца XIV века мерсеры были вынуждены начать отвоевывать экономические и политические привилегии. В 1376 году появился повод для начала атаки на «старый патрициат». Дело в том, что в том году в парламенте разбиралось дело по обвинению высоких государственных деятелей, а также виноторговца Лайонса, рыботорговца Пэча, скорняка Бэри в государственной измене и коррупции. Пэч и Лайонс заявили, что они действовали с согласия мэра и совета ольдерменов. Это послужило поводом для изменения принципов избрания ольдерменов, мэра, шерифов, были увеличены полномочия Совета общины. В конце 1383 года статутом парламента была ликвидирована монополия рыботорговцев, уничтожены все их юридические привилегии. С тех пор все большее значение приобретают торговцы тканями, а в XV веке ведущими среди них становятся мерсеры. И большинство должностных лиц стали избирать из них. В XIV-XV вв. из мерсеров было выбрано 70 ольдерменов, из гроссеров – 54, из суконторговцев – 50[14]. Политическая карьера Ричарда Уитингтона – яркое подтверждение вышесказанному. Богатство, политическая и благотворительная деятельность, способствовали его продвижению на общественно-политическом поприще.

В 1393 году Ричард Уитингтон получает важную административную должность, его выбирают шерифом в Гильдхолл[15].

В 1397 году, до окончания истечения срока полномочий мэра, умирает Адам Бамме. И для обеспечения нормального городского управления исполняющим обязанности мэра назначается Ричард Уитингтон[16]. В докумен-

тах, отражающих это событие, его называют одним из достойнейших граждан, горячо любимым народом, осторожным, верным[17]. И на официальных выборах было подтверждено и одобрено это назначение[18]. Через 9 лет снова «без споров и дискуссий», при всеобщем одобрении он назван мэром[19]. А в 1419 году его в третий раз выбрали на эту должность[20]. Как свидетельствуют материалы, имеющие отношение к регуляции торговли, мэр больше всего имел возможность использовать силу для контроля над компаниями. И Ричард Уитингтон использовал свое положение для борьбы с конкурентами мерсеров. В частности, он проявил себя ярым врагом пивоваров[21].

Но защищать свои права и интересы мерсеры стремились не только на городском, но и на общегосударственном уровне. А это можно было осуществить через парламентское представительство. И можно констатировать как факт, что в средневековом парламенте были группы состоятельных торговцев больших городов, которых объединяли общие интересы в торговле и национальных финансах. Королевская власть не препятствовала проникновению состоятельных бюргеров в сферы высшей власти, так как государство нуждалось в них, а особенно, в их деньгах. Уже в XIII веке король устанавливает через казначейство определенные договорные отношения о денежных взносах с отдельными горожанами[22]. Но особенно активно начинает развиваться кредитная деятельность английских купцов и банкиров с XIV в., то есть после изгнания еврейских ростовщиков из страны, падения флорентийских банкирских домов[23]. И отношение короля к этим новым кредиторам, как считает Дж. Тревельян[24], резко отличалось от его прежнего отношения к евреям, бесправным «клиентам», которых он один защищал от народной злобы и избиения. Английские же купцы, ссужавшие правительство, могли делать выбор: оказать ли королю помощь или отказать в ней. Пользуясь тем, что король в них нуждался, они договаривались с ним о торговых или иных привилегиях для себя и для своей компании.

В XV в. в парламенте Лондон был представлен такими известными и богатыми гражданами, как Дро Баронтин, Рулл Джосселин, Томас Урсвик и Уитингтон[25]. Имя Ричарда стоит и среди крупнейших кредиторов короны. Первый официально зафиксированный взнос он сделал в 1379 году, пожертвовав 5 марок для займа городским властям[26]. Здесь величина его вклада серьезно уступает суммам, внесенные Филпотом (10 ф.), Николасом Уолвортом (5 ф. ст.), Николасом Брэмбром (5 ф.). Но несколько лет позже он уже отпускает в кредит королевскому двору бархата, велюра и других дорогих тканей на сумму 1000 фунтов стерлингов[27]. В другой раз Генрих IV для уплаты жалования гарнизону Кале занял у Ричарда Уитингтона 7000 ф.[28].

Итак, Ричард Уитингтон – одна из самых ярких личностей не только локальной истории Лондона, но и в целом Англии. Появление подобных фигур в XIV – XV в.в. было не случайно, а обусловлено протекционистской политикой государства в указанный период, направленной на поощрение развития собственной промышленности, торговли и ослабление иностранной конкуренции не только на внутреннем, но и внешнем рынках. Активная коммерческая деятельность позволила лондонской компании мерсеров занять лидирующее положение не только в городской экономике, но и местном управлении. Но столичная и национальная политика взаимозависимы, что давало возможность купцам занять видное положение в парламенте. Богатые бюргеры вступают в контакты с правительством и важной сферой их финансовой деятельности часто становилось субсидирование короны.

Дик Уитингтон не был одинокой фигурой в английском феодальном обществе. Рядом с ним и (особенно) после него жили и плодотворно трудились десятки воротил тогдашнего торгового и промышленного бизнеса. Назовем такое богатейшее семейство гильдии мерсеров, как Болейны. Анна Болейн стала второй женой Генриха VIII. Ее дочерью была Елизавета Великая. Напоминая о прошлом ее семьи, мерсеры избрали королеву «free sister» гильдии.

Быстрый рост экспорта сукна, освоение все новых и новых заморских рынков требовали совершенствования флота. Появляются корабли для дальних морских и океанских плаваний водоизмещением 400, 500 и даже 900 тонн. В 70-х гг. XV в. членом компании купцов- авантюристов Уильямом Кэкстоном в Лондоне создается первая типография - слишком крупное предприятие, чтобы его втиснуть в рамки цеховой мастерской. Отметим также, что 21 марта 1506 г. Томас Мор, как джентльмен, без уплаты налогов был принят в компанию мерсеров – за этим решением кроется стремление «приветить» политически перспективных людей, дабы укрепить свои позиции во властных структурах королевства[29].

§2. БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ В ЛОНДОНЕ

Богатство купцов Лондона контрастировало с бедностью трудовых слоев столичного населения и многочисленного нищего люда, стремившихся к дарующему надежду блеску столичных лавок и товаров со всех концов острова. И если несколько сотен ливрейных купцов имели в среднем по 7 796 ф. 7 шил., а состояние отдельных определялось в 20-50 тысяч ф., то десятки тысяч людей жили на скудное жалованье, порой меньше одного пенни в день (пенни, или пенс составлял 1/240 ф.). Лондон - город, где ярче, чем в других местах Англии , прорисовывались социальные контрасты. Напряженная социальная обстановка была повседневной нормой городской жизни. Но заслугой богатых лондонцев перед историей буржуазного общества было то, что они понимали невозможность обеспечить общественный мир только чисто полицейскими мерами. Нужны были другие рычаги сохранения порядка. Речь идет о таком явлении, свойственном позднесредневековому Лондону – благотворительности.

Благотворительность – это материальная помощь частными лицами, различными организациями неимущим слоям общества. В благотворительности можно различить религиозный и социальный аспект. С одной стороны, христианская церковь призывала помогать бедным и нищим, утверждая, что добрыми делами можно заслужить место в раю. «Богатые созданы для спасения бедных, а бедные – для спасения богатых». Богатство, как учила христианская церковь, опираясь на принцип «справедливой середины» «ангелического доктора» Фомы Аквинского, не является чем-то греховным, человек имеет право им обладать и заботиться о его приумножении, но при этом не следует забывать о церкви, морали и о том, что своими излишками нужно поделиться со своими ближними[30]. Богатства и собственность не предосудительны, если приобретены честным трудом и используются для благих дел, таких как благотворительность, поддержка сирых и убогих – «христовых

бедняков»[31]. Богатые, «казначеи бедняков, раздавая избытки имущества нищим, тем самым служат» самому Христу»[32].

С другой стороны, в средневековом городе, наряду с богатыми и состоятельными горожанами, жили и бедняки, и нищие. Естественно, что зажиточные и богатые горожане, как и состоятельные крестьяне, с опаской смотрели на своих бедных и неимущих соседей, сознавая, что эти слои населения представляют наибольшую угрозу их благополучной и спокойной жизни. Сначала неимущим подавали милостыню, оставляли различные дары по завещанию, старались оказать другую помощь. Причем помощь оказывалась «своим» нищим, а не пришлым[33]. Но, наряду с этими мерами помощи беднякам, появляются специальные статуты, направленные против бродяг и нищих. Это и «рабочее законодательство» Эдуарда III «против обширного слоя наиболее обездоленных жителей деревни и города, которым предоставилась временная возможность улучшить условия найма в связи с резкой убылью рабочей силы в стране»[34], и акты парламента и короны более позднего времени. Так, в XVII в. (в эпоху Английской буржуазной революции) будет издан акт о помощи «бедным и наказании бродяг и других нарушающих порядок людей, предусматривающий устройство работных и исправительных домов[35].

Постепенно в Западной Европе начинает складываться система обеспечения бедных, а затем и институт благотворительности.[36] Благотворительность - более широкое понятие, чем помощь бедным. Это - и помощь церкви, церковным учреждениям, поддержка муниципального хозяйства, образования и т.д.

Подобные институты существовали во всех странах Западной Европы в средние века. Так, в старофранцузском фарсе «Завещание Патлена», мы находим такие строки:

Мессир Жан: И вспомнить все грехи притом, //Какие на душу взвалили, //А благостыню творили? *Патлен:* Я бы рад, //Да не было на то деньжат, //В чем сознаюсь, святой отец[37].

Дж. М. Тревельян считает, что первой среди европейских стран, где сложилась «настоящая система обеспечения бедных, основанная на обязательном налоге в пользу бедных»[38], была Англия. Время появления такой системы вспомоществования бедноте относится к правлению Генриха VIII, а в конце царствования Елизаветы I и при первых Стюартах это «сделалось обязанностью, предписанной государственным законодательством и возложенной Тайным советом на членов местного городского самоуправления, расходы оплачивались обязательным налогом в пользу бедных»[39], который был призван сдерживать недовольство неимущих слоев[40].

Наиболее фундаментальные исследования в области английской благотворительности принадлежат У.К. Джордану[41], который на многочисленном документальном материале рассматривает английскую благотворительность, в частности, лондонскую благотворительность на протяжении трех веков (1450-1660 гг.). Исследователь выделяет Лондон не только среди прочих городов Англии, но и среди других городов Западной Европы в благотворительных мероприятиях. Население Лондона выросло с 40 тысяч жителей в XV в. до 460 тысяч в XVII в. Здесь сложились давние традиции благотворительности. По данным У.К. Джордана, 7 391 лондонский благотворитель за указанный период пожертвовал 1 889 211 ф.12 ш., т.е. в среднем на долю

каждого приходится по 255 ф.12 ш. 2 п. на различные благотворительные цели[42].

Деньги благотворителей шли на следующие направления: поддержка бедных – это и пособия, милостыня, деньги для богаделен, людям престарелого возраста; социальная реабилитация бедных – реабилитация заключенных, предоставление займов беднякам, вклады в фонд работных домов, субсидии на приданое бедным девушкам, обучение детей бедняков, помощь госпиталям и больных; муниципальные улучшения- забота о городе в целом, о строениях своей компании, общественные работы, развлечения, парки; образование – забота о школах, университетах, колледжах, библиотеках, школярах, профессорах; религиозные нужды – нужды церкви, забота о содержании священников и клириков, строительство и ремонт церквей, проповеди, заупокойные службы в честь дарителей, их семей.

Кто же были лондонские дарители? Они являлись представителями разных слоев лондонского общества. Среди 7 391 благотворителей были представители короны, церкви, знати, джентри, купечества, бюргерства, чиновничества и городской интеллигенции, крестьянства и те, чей социальный статус не выяснен[43], пятнадцать процентов от общего числа дарителей - женщины, которых было 1 100[44]. Причем, по подсчетам У.К. Джордана женщин-благотворительниц было больше в конце XV в. Женщины на различные благотворительные цели пожертвовали 172 635 ф. 5 ш., т.е. в среднем 156 ф. 18 ш. каждая. Их пожертвования распределялись следующим образом: 41% - на бедных, 13% - на социальную реабилитацию, 14% - на образование, на религию - 16%, и 13% - на муниципальные нужды. Джордан замечает, что женщины больше денег жертвовали на светские цели, чем все благотворители в целом[45]. Многие женщины переживали своих мужей, продолжая вести их дела, обладали определенными имущественными правами. Причины, по которым они делали свои пожертвования, были разными. Это и выполнение завещаний мужей, взносы на заупокойные службы, просто подарки по нормам христианской морали и т.д.

Наибольшее число благотворителей принадлежит к торгово-купеческим слоям города, особенно торговой аристократии - 3 764 человека. Этот слой лондонских жителей контролировал управление городом, выборы наиболее значимых городских магистратур от шерифов до лорд-мэра. Этот слой английского общества был закрытым. Многие представители торговой аристократии иногда начинали свое дело со «стартовым капиталом» в 100 ф. Дальше прирастить состояние им помогала либо семья, либо выгодная женитьба[46]. Поскольку, как известно, в средние века формой деловой купеческо-торгово-предпринимательской деятельности была семейная. Любое занятие торговлей или предпринимательством было более успешно, если человеку, занимавшемуся этим делом, помогала семья и ее связи в деловых кругах. Об этом свидетельствует и опыт итальянских и французских купцов. Ибо, как пишет Ф. Бродель, «отправляясь в далекое путешествие за тем или иным товаром, негоциант в первую очередь должен был рассчитывать на свой прочный тыл – семью»[47].

Так вот, купечество в целом пожертвовало 1 067 883 ф. 6 ш., из этой суммы – на долю высшего купечества приходится – 907 623 ф. 3 ш., на долю низшего – 160 260 ф. 3 ш., торговцев – 98 212 ф. 6 ш.[48], больше всего денег этих благотворителей было внесено на поддержку бедных. Мотивы дарений различны - это и забота о спасении своей души, забота о родном

городе, приходе, компании и просто гражданский долг, подчинение общепризнанным нормам морали.

Корона давала деньги на благотворительные цели для поддержания, в первую очередь, своего престижа. Девять представителей короны внесли 118 766 ф., что составляло 6,29% от всех взносов на благотворительность[49]. Взносы шли на нужды Лондона, церкви – это строительство церквей в Лондоне, Вестминстере, на пособия бедным, устройство богаделен, образование. Так, Генрих VII и Генрих VIII внесли 12 000 ф. на нужды университетов, а 3 411 ф. – на школы[50].

Знать – семьдесят девять человек – внесла в благотворительный фонд Лондона 71 566 ф. 16 ш. на разные цели. Они помогали бедным, благоустраивали город, давали деньги на нужды образования[51].

Джентри, высшее - 141 человек, пожертвовали 24 136 ф. 7 ш.[52], низшее – 388 представителей которого внесли 21 447 ф. 13 ш.[53].

Йоменри – 159 человек – оказало благотворительную помощь на 5 192 ф.14 ш.[54], а девять представителей «husbandry» на 6 ф. 19 ш.[55].

Занималось благотворительностью и духовенство. Представители высшего духовенства – 34 человека - внесли сумму на нужды образования, строительство церквей – 70 467 ф. 11 ш.[56], низшее – 146 священников – пожертвовало 67 757 ф. 5 ш.[57].

Горожане – 788 благотворителей – внесло 48 809 ф. 15 ш.[58], ремесленники – 518 человек – 3 030 ф. 13 ш., причем, последние больше денег старалась внести в «фонд бедных», если можно так сказать. Видимо, это объяснялось тем, что перед этими людьми английского города реально существовала угроза пополнить ряды тех, кто нуждается в помощи более состоятельного соседа.

Юристы, нотариусы, писцы, приходские клирики, доктора, аптекари, учителя, профессора, артисты, школяры, чиновники – всего 490 человек – также внесли свою лепту в благотворительность Лондона, пожертвовав 124 524 ф. 7 ш.[59].

У восьмистах шестидесяти семи человек, даровавших на благотворительные цели, 166 409 ф. 1 ш. социальный статус не выяснен[60].

В целом деньги всех дарителей распределялись следующим образом: на бедных – 664 608 ф. 14 ш., или 35,18%; на социальную реабилитацию – 251 728 ф. 13. ш., или 13,32 %; на муниципальные улучшения – 93 593 ф. 16 ш., или 4,95%; образование – 510 890 ф. 17 ш., или 27,04%; религию – 368 389 ф. 12 ш., или 19,5%, т.е. больше всего лондонцы денег жертвовали в пользу бедных, затем на нужды образования, религии, социальной реабилитации, и, наконец, муниципальных улучшений[61].

Жители Лондона большое значение придавали поддержке неимущих. Помощь, которым состояла из следующих элементов: раздача милостыни, одежды, еды, устройства богаделен, заботы о престарелых[62].

По годам эта сумма благотворительных взносов распределялась следующим образом:

1480-1540 гг. – 37 378 ф. 7 ш. (14, 95 %),
1541-1560 гг. – 31481 ф. 13 ш. (20,60%),
1561-1600 гг. - 86 891 ф. 8 ш. (33,37%),
1601-1640 гг. - 388 272 ф. 9 ш. (40,48%),
1641-1660гг. - 120 585 ф. 2 ш. 45,18%).

Крупные торговцы были склонны оставлять щедрые пожертвования на «помин» своих душ. Так, например, сэр Джон Янг, лорд-мэр в 1481 г., приказал оставить 60 ф. для бедных квартиросъемщиков, эти деньги должны были быть розданы беднякам после его смерти. Сэром Томасом Хиллом, гросером, лорд-мэром в 1485 г., было составлено завещание, где давалось распоряжение после смерти завещателя раздать 10 ф. бедным во время его похорон, 40 ф. истратить на одежду для бедных, 26 ф. должно было быть потрачено на милостыню для лондонских нищих и 23 ф. 7 ш. бедным Спалдвика в Гентингдоншире[63].

На устройство богаделен лондонцы пожертвовали значительную сумму в 237 636 ф. 11 ш.[64]. Так, Роберт Уоррен, джентльмен, решил в 1485 г., а в 1489 г. основал богадельню в Финчли для шести бедняков[65]. Корона также занималась устройством богаделен. Так, Генрих VII, озабоченный благоустройством Лондона, перестроил Савой-Палас в богадельню, где содержалось сто бедняков[66].

Несомненно, что страх впасть в нищету приводил к тому, что многие лондонцы жертвовали деньги для поддержки бедноты, к этому их также призывало и христианское учение.

Лондонские жители даровали также свои деньги на социальную реабилитацию. На эти нужды было внесено 251 728 ф. 13 ш.[67].

По годам благотворительные взносы на социальную реабилитацию неимущих распределялись так:

1480-1540 гг. - 8 429 ф. 15 ш. (3,37%),
1541-1560 гг. - 66 183 ф. 14 ш. (43,30%),
1561-1600 гг. - 53 077 ф. 4 ш. (20,39%),
1601-1640 гг. - 87 822 ф. 8 ш. (9, 16%),
1641-1660 гг. - 36 215 ф. 12 ш. (13,57%).

Социальная реабилитация бедноты была призвана поправить их материальное положение через пожертвования частных лиц, повысить их социальный статус, предоставить работу. Социальная реабилитация предусматривала, что пожертвования даются на помощь – социальную адаптацию заключенным, займы для обучения какой-нибудь профессии, или ремеслу, на работные дома, госпитали и больным, брачные субсидии бедным девушкам.

Так, в 1537 г. Петер Симондс, богатейший мерсер того времени, оставил дар в 100 ф. на обучение молодых бедняков в его родном Винчестере. Хью Оффли, мастер компании торговцев кожей, по своему завещанию в 1595 г. выделил 600 ф. на помощь и обучение мальчиков бедняков в Лондоне и на аналогичные цели 200 ф. в родном Честере[68].

Еще одна форма социальной реабилитации бедняков заключалась в том, что некоторые состоятельные горожане жертвовали некие суммы на предоставление займов молодым бедным людям, которые хотели бы начать свое дело или обучиться какому-нибудь ремеслу, чтобы в дальнейшем избежать бедности. Возможно, как считает У.К. Джордан, это желание торгово-купеческо-предпринимательских кругов предоставлять подобные займы, объяснялось тем, что старые торговцы вспоминали о тех трудностях, которые им пришлось пережить в молодости, и хотели как-то помочь молодым людям, которые не могли рассчитывать на семейную поддержку, избежать их[69].

На эти цели лондонцами было пожертвовано 43 942 ф. Эти займы делились на два типа. Первый – давался вообще на социальную реабилитацию; второй, видимо, носил адресный характер, мог пойти на поддержку тех мо-

лодых людей, принадлежащих к бедным слоям Лондона, которые могли бы с толком использовать эти деньги на свое обучение. Как правило, эти займы давались на льготных условиях[70]. Возможно, эти займы предоставлялись дальним родственникам состоятельных людей.

Следующий вид социальной реабилитации бедноты Лондона – обеспечение ее работой. В основном, имеется в виду создание и содержание работных домов. Правда, и современники, и сами лондонские благотворители довольно скептически относились к этому виду пожертвований. Справедливо полагая, что работные дома вряд ли могут поспособствовать социальной реабилитации бедноты, зная о том, каковы условия содержания там. Но, тем не менее, на работные дома было пожертвовано 13 253 ф. 6 ш. Так, в 1559 г. Томас Хант, скорняк, завещал 100 ф. на материалы для работы бедным в госпитале[71].

Также социальная реабилитация заключалась и в том, что лондонцы оказывали вспомоществование бедным девушкам, предоставляя им деньги для того, чтобы они могли выйти замуж. Лондонцами разных слоев общества на эти цели было пожертвовано 9 277 ф.[72]. Так, в 1506 г. Николас Алвин, мерсер, завещал 10 ф. раздать бедным девушкам как брачную субсидию[73].

Лондонцы заботились также о госпиталях и больных. В Лондоне в указанную эпоху было пять госпиталей – госпиталь св. Варфоломея, Бетлем, госпиталь св. Томаса, госпиталь Христа, Бридвелл. Эти учреждения были и госпиталями, и работными домами, и домами призрения, и даже грамматическими школами, как, например, госпиталь Христа. Этим заведениям благочестивые горожане также жертвовали деньги. Так, в 1610 г. госпиталю Христа было завещано 45 999 ф. 6 ш. Здесь на эти деньги призревалось 630 детей, за что детишки пели специальный благодарственный псалом своим благотворителям[74].

Лондонцам была присуща гордость за свой город, они старались заботится о его внешнем виде, благоустройстве. На эти цели дарители «отказали» 93 593 ф. 16 ш.[75]. На муниципальные улучшения лондонцами было пожертвовано на протяжении XV-XVII вв.:

1480-1540 гг. - 15 690 ф. 14 ш. (6,27%),
1541-1560 гг. - 7 009 ф. 3 ш. (4,59%),
1561-1600 гг. - 19 725 ф. 18 ш. (7,58%),
1601-1640 гг. - 41 680 ф. 14 ш. (4,35%),
1641-1660 гг. - 9 487 ф. 7 ш. (3,55%).

Так, Хью Клоптон, мерсер и лорд-майор в 1496 г., пожертвовал на палату парламента Лондона 200 ф., на строительство моста в Страффорд-апон-Айвон и 68 ф. на возведение рынка в его родном городе[76]. Другой мерсер Джон Кук, в 1525 г. дал городу баржу и соорудил две мельницы на Темзе[77].

Лондонцы не только жертвовали деньги на нужды города, но и на благоустройство своих компаний. На эти цели было даровано 56 511 ф.1 ш.[78]. В течение 1480-1660 гг. многие из лондонских корпораций перестраивали, ремонтировали или заново отстраивали свои здания, холлы, прочие помещения, искусно их отделывая, покупая церемониальную посуду, другую утварь. Дома гильдий и корпораций служили лондонским купцам для деловых встреч, переговоров и дружеских застолий. Естественно, что городское купечество жертвовало определенные суммы денег, чтобы отстраивать с роскошью эти здания. Так, сэр Томас Грэшем оставил 2 000 ф. мерсерам и 100 ф. 4 ш. на четыре обеда каждый год в его честь[79]. А Эдмунд Реде, мерсер,

дал компании сумму в 500 ф. на строительство холла и часовни, а чуть позже, уже после его смерти, его вдова пожертвовала компании 33 ф. на обед и 50 ф. на службы[80].

Общественные работы в городе также во многом существовали за счет пожертвований частных лиц. В общей сложности, на эти цели было внесено 27 604 ф. 8 ш.[81]. Так, в 1483 г. сэр Уильям Тэйлор, гросер, дал 50 ф. для того, чтобы была закончена дорога, которую он начал строить в Иденбридже (Кент), там, где родился и держал землю[82]. Несколько лет спустя сэр Эдмунд Шаа оставил 266 ф. 13 ш. 4 п. на возведение новых ворот в Криплегэйте[83].

Образование – было еще одним фондом вложений благотворительных даров англичан. Деньги предназначались для грамматических школ, университетов, колледжей, библиотек и школяров и тех, кто их обучал. Лондонцы помогали своими вкладами образовательным заведениям по разным причинам. Как считали современники, образование и обучение разным специальностям давало возможность не впасть в бедность, а также полагали они, что грамотные люди будут более добрыми и верующими гражданами. Во всяком случае, приобретя образование, выходцы из низов могли надеяться на улучшение своего социального статуса и материального положения. На эти цели было даровано 510 890 ф.17ш.[84]. По годам взносы на нужды образования были распределены так:

1480-1540 гг. - 76 581 ф. 9 ш. (30,69%),
1541-1560 гг. - 32 586 ф. 5 ш. (21,32%),
1601-1640 гг. - 246 492 ф. 3 ш. (25,70%),
1641-1660 гг. - 71 911 ф. 8 ш. (26,74%).

Школы в Англии существовали с XII в. Самыми известными были: школы при соборе св. Павла, при церкви св. Мартина , при церкви св. Марии le Bow. Эти школы занимали лидирующее положение в среднем образовании. Новые школы стали появляться с середины XIV в.

В начале XVII в. богатая и могущественная компания мерсеров открыла школу при госпитале св. Томаса Acon[85]. В 1560 г. компания «купцов портных» открыла школу, которую и содержала[86]. Лондонцы жертвовали деньги, чтобы мальчики бедняков могли получить после школы дальнейшее образование и профессию. На эти цели было пожертвовано 92 465 ф. 8 ш. Дарами поддерживали университеты – Оксфордский и Кембриджский. На пожертвования от частных лиц содержались восемнадцать студентов и шестьдесят два члена совета колледжа (стипендиата) этих заведений. Всего же на дары частных лиц обучалось 396 школяров школ и университетов и 62 стипендиата колледжей[87].

Всего же на колледжи и университеты было пожертвовано лондонскими жителями разных социальных слоев 154 591 ф.5 ш.[88].

Некоторые жители Лондона, наиболее знатные горожане, корона занимались основанием новых учебных заведений. Так, в 1579 г. по завещанию сэра Томаса Грэшема был основан Грэшем колледж.[89]. В 1537 г. в Оксфорде появился Тринити колледж. Таким образом, была выполнена воля сэра Томаса Поле[90].

Деньги на благоустройство и другие нужды университетов жертвовали не только купцы, но и корона, знать. Так, например, Маргарита Бофор, бабка Генриха VIII, женщина, славящаяся своей благотворительностью, с 1502 г. решила посвятить всю свою частную жизнь развитию образования.

Она своими дарами помогала профессорам двух университетов, пожертвовав для этого сумму в 8 000 ф., почти баснословную для того времени[91]. Ее примеру в 1589 г. последовала Франчесс Рэклифф, графиня Сессекс, которая сделала благотворительный взнос в размере 5 000 ф. на постройку нового колледжа в Кембридже с мастером, десятью стипендиатами и двадцатью учениками. Так появился The Lady Francess Sidney Sussex College[92].

Лондон – не только экономический, политический, культурный центр страны, но и религиозный. Это – очень богатый диоцез, где церковь рассматривалась как национальный символ. На различные нужды религии горожане пожертвовали 368 389 ф.123 ш.[93]. По годам благотворительные взносы были распределены следующим образом:

1480-1540 гг. - 11 997 ф. 1ш. (44,78%),
1541-1560 гг. - 15 580 ф. 15 ш. (10,19%),
1561-1600 гг. - 17 330 ф. 13 ш. (6,66%),
1601-1640 гг. - 194 765 ф. 5 ш. (20,31%),
1641-1660 гг. - 28 715 ф. 18 ш. (10,76%).

Религиозные благотворительные взносы можно разделить на следующие категории: взносы шли на церковь как таковую – строительство , ремонт зданий, службы и пр.; помогали священникам и клирикам, на чтение проповедей в пуританское время. Так, на собор св. Павла – национальную святыню Англии – было даровано 16 863 ф. 11 ш.[94], на заупокойные службы – было завещано – 69 353 ф. 18 ш.[95], на монастыри – 11 533 ф. 18 ш. 6п.[96], на стипендии священникам и клирикам – 34 822 ф.[97], на проповеди пуритан – 49 744 ф. 10 ш.[98].

Заботились о 117 приходских церквах в городе и пригородах Лондона, о 70 церквах графств. На это было внесено 33 601 ф.12 ш.[99]. Например, в 1491 г. Уильям Кэкстон, знаменитый издатель, оставил пятнадцать копий Золотой легенды св. Маргариты Вестминстеру. Позже каждый том стоил от 5 ш. 4 п. до 6 ш. 8 п. за том[100].

Шло строительство церквей, причем, наиболее интенсивно этот процесс шел в 1480-1550 гг. На это горожане пожертвовали 38 085 ф.15 ш.[101].

Данные о благотворительных взносах лондонских жителей У.К. Джордан распределяет так:

1480-1540гг. - внесено - 250 077 ф. 6 ш. (13,24%),
1541-1560гг. - 152 841 ф. 10 ш. (8,09%),
1561-1600гг. - 260 344 ф. 10 ш. (13,78%),
1601-1640гг. - 959 032 ф. 19 ш. (50,76%),
1641-1660гг. - 266 915 ф. 7 ш. (14,13%).[102]

Изучение цифровых данных, приводимых У.К. Джорданом, приводит к следующим выводам. Оказывается, что лондонцы больше денег на различные благотворительные цели внесли в XVII в. Особенно в течение 1601-1640 гг., затем в 1641-1650 гг, а также в 1561-1600 гг. В то же время за весь период 1480-1540 гг. внесено 250 077 ф. 6 ш.

Чем это можно объяснить? Возможно тем, что именно в это время «золотое и серебряное денежное обращение подверглось сильному сокращению»[103]; тем , что в XVII в. увеличилось число нищих и безработных, как результат эвикции и социально-экономического кризиса XVII в.; тем, что на налог на бедных становится обязательным; возможно, определенную роль в возрастании благотворительных взносов сыграли и психологические мотивы дарителей.

Таким образом, лондонская благотворительность XV-XVII вв. представляет собой неотъемлемый атрибут городской жизни средневековья и начала нового времени. Все социальные слои населения Лондона вносили благотворительные дары на различные цели. Причем, большая часть благотворителей принадлежала к торгово-купеческо-предпринимательским слоям Лондона. Мотивы благотворительности были разными. Благотворительные пожертвования шли на поддержку бедноты города, образования, религии, социальную реабилитацию неимущих слоев общества и городское благоустройство. Рассматривая направления благотворительных взносов лондонских жителей, можно придти к выводу, что позже эти направления благотворительной деятельности горожан лягут в основу системы обеспечения бедноты Лондона. Наибольшая сумма благотворительных взносов лондонцев приходится на первую половину XVII в.

---

[1] Salzman L. F. The English Trade in the Middle Ages. Ox. 1931. P. 11. Note.
[2] Mc. Kisack M. The Fourteen Century. 1307 –1399.// The Oxford History of England. /Ed. G. Clarck. Ox. 1959. P. 223. Note 3.
[3] Drapers, Tailors, Grocers, Goldsmiths, Fishmongers, Haberdashers, Sulters, Ironmongers, Skinners, Vintners, Clothworkers, Mercers
[4] Gross C. The Gild Merchant, Contribution to the British Municipal History. Vol I. Ox. 1890. P. 127. Note 1.
[5] Thrupp S. Studies in English Trade. Cam. 1933. P. 264 – 265.
[6] Lipson E. The Economic History of England. Vol. I. Z. 1945. P. 433.
[7] The Acts of Court of the Mercers Company / With introd. by Lyell, assisted by F. D. Watney. Cam. 1936. P. 188 –189.
[8] Золотов В.И. Королевские распоряжения о сословии горожан в Англии XV века. // Феодальная Англия. Горький. 1985. С. 14.
[9] Кузнецов Е.В. Торговля и купеческий капитал в Англии XIV – XV вв. // Англия. Проблемы английской истории и историографии. Горький. 1989. С. 16.
[10] Memorials of London Life in the XIII, XIV and XV centuries, by H.T. Riley. London. 1868. (Далее:ML) P. 578.
[11] Unwin G The Gilds and Companies of London. London. 1908. P. 113
[12] ML. P. 662.
[13] Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. Саратов. 1983. С. 103.
[14] Herbert W. The History of Twelwe Great Livery Companies. II. P. 211-216
[15] ML. P. 533-534.
[16] Ibid. P. 544.
[17] Ibid. P. 544.
[18] Ibid. P.545.
[19] Ibid. P.565.
[20] Ibid. P.676.
[21] Unwin G. The Gilds… P. 233-234.
[22] Кириллова А.А. К вопросу об образовании городского патрициата в английском городе XIV-XV вв. // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции в XII-XVII вв. М. 1960. С. 32.
[23] Кузнецов Е.В. Ук. соч. С. 7.

[24] Тревельян Д.М. Социальная история Англии. М., 1974. С. 53.
[25] M. Mc. Kisack M. The Parlamentary Representation of the English Boroughs During the Middle Ages. London. 1962. P. 102.
[26] ML. App. P. 533-534
[27] Thrupp S. The Merchant Class. P. 55.
[28] Jacob E. The Fifteenth Centuary. P. 86.
[29] Белтадзе И.В. Томас Мор и торговая корпорация мерсеров // Проблемы английской истории. (Межвузовский сборник). Нижний Новгород. 1992. С.80-81.
[30] Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1990. С. 115.
[31] Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 269.
[32] Там же. С. 27.
[33] Там же.
[34] История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2. С.327.
[35] Архангельский С.И. Аграрное законодательство английской революции 1649-1660. М. – Л., 1940. С.16.
[36] История Европы с древнейших времен до наших дней. М., 1993. Т.3. С. 38.
[37] Средневековые французские фарсы. М., 1981. С. 343.
[38] Тревельян Д.М. Социальная история Англии. М., 1950. С.135.
[39] Там же.
[40] Архангельский С.И. Аграрное законодательство … С. 20.
[41] Jordan W.K. The Charities of London 1480-1660.The aspirations and the achievements of the urban society. L., 1960, 1959. Voll.1-2.
[42] Ibid. P.48,423.
[43] Ibid. P.48.
[44] Ibid. P.11.
[45] Ibid. P.30-31.
[46] Ibid. 49,51.
[47] Бродель Ф. Что такое Франция? Люди вещи. Кн.2.Ч.2. М., 1997. С.309.
[48] Jordan W.K. The Charities … P. 48, 78.
[49] Ibidem.
[50] Idid. P.57.
[51] Ibidem.
[52] Ibid. P.58.
[53] Ibid. P.59.
[54] Ibid. P.61.
[55] Ibid. P.48.
[56] Ibid. P.61.
[57] Ibid. P.62.
[58] Ibid. P.78.
[59] Ibid. P.82.
[60] Ibid. P.84.
[61] Ibid. P.423.
[62] Ibidem.

[63] Jordan W.K. The Charities … P.90.
[64] Ibid. P.423.
[65] Ibid. P.136.
[66] Ibid. P.136-137.
[67] Ibid. P.166, 423.
[68] Ibid. P.169.
[69] Ibid. P.172.
[70] Ibid. P.173, 177.
[71] Ibid. P.177.
[72] Ibid. P.184, 423.
[73] Ibidem.
[74] Ibid. P.186.
[75] Ibid. P.196, 423.
[76] Ibid. P.197.
[77] Ibidem.
[78] Ibid. P.199.
[79] Ibid. P.200-201.
[80] Ibidem.
[81] Ibid. P.202.
[82] Ibid. P.203.
[83] Ibidem.
[84] Ibid. P.206, 423.
[85] Ibid. P.211.
[86] Ibid. P.214.
[87] Ibid., P.252.
[88] Ibid. P.253.
[89] Ibidem.
[90] Ibid. P.257.
[91] Ibid. P.261.
[92] Ibid. P.265, 423.
[93] Ibid. P.267 ,423.
[94] Ibid. P.271.
[95] Ibid. P.273.
[96] Ibid. P.279, 280.
[97] Ibid. P.280.
[98] Ibid. P.284.
[99] Ibid. P.292.
[100] Ibid. P.293.
[101] Ibid. P.297.
[102] Ibid. P.423.
[103] Архангельский С.И. Аграрное законодательство … С.12.

ГЛАВА 7

ДЖОН ВИКЛИФ - ВЕЛИКИЙ ЕРЕТИК XIV ВЕКА

Сложные, порой кризисные процессы в английском социуме конца XIV-XVвв., не могли не отразиться в сфере общественного сознания. Конец XIVв. - время расцвета раннего английского гуманизма. Имена Ленгленда, Чосера достаточно хорошо известны. Однако не гуманизм, а ересь, точнее, ересь высокого уровня, близкая к реформационным учениям Яна Гуса, Мартина Лютера, Жана Кальвина, определила основные антагонизмы в сфере духовной жизни Англии. Имя этому великому ученому еретику XIV в.- Джон Виклиф.

Вопрос о времени и месте рождения Виклифа вызывал много споров среди его биографов. Дата рождения не может быть с точностью установлена, так как отсутствуют какие-либо документальные данные. Дж. Льюис был первым, кто зафиксировал 1324 г. как год рождения Виклифа. Точки зрения Льюиса придерживается большинство ученых[1]. О месте рождения Виклифа также нет определенных сведений, известно, что он родился в Йоркшире[2], в семье небогатого джентльмена Роджера Виклифа, владевшего небольшим манором, который он держал за рыцарскую службу от Вильяма ле Скроупа (le Scrope)[3]. Все свое детство Виклиф провел в имении родителей. По-видимому, здесь же он получил начальное образование. В имении была небольшая церковь, время постройки которой датируются 1240 г. Скорее всего, первым учителем Виклифа был приходской священник[4].

Как младший сын Виклиф должен был принять духовное звание. В шестнадцатилетнем возрасте он отправился в Оксфордский университет, который переживал тогда пору своего расцвета. Г.Б. Уоркмен отмечает, что университет славился своими курсами по астрономии, математики, философии[5]. Точная дата поступления Виклифа в Оксфорд отсутствует. На вопрос, в какой колледж прибыл Виклиф, документы точного ответа также дать не могут[6]. Есть предположение, что он был определен в Баллиол-колледж[7]. Уоркмен доказывает это тем, что Баллиол-колледж[8] принимал студентов из северных районов Англии и тем, что существовала определенная связь доктрин студента Виклифа с взглядами известного ученого Баллиол-колледжа Ричарда Фитцральфа (Fitzralf)[9].

Интерес представляют вопросы о том, как учился Виклиф и кто были его учителя. Был ли это Томас Бредвордин (Bredwardin)[10] или Ричард Фитцральф[11]. Не ясное представление мы имеем о том, что и как изучал Виклиф в колледже. Все, чем мы располагаем, так это то, что знание схоластики и латинского языка было обязательным для средневековых университетов. В то время большое внимание отводилось обучению "семи свободным искусствам", которые нужно было изучить в определённом порядке[12].

Университетский курс Виклифа был очень длительным. В течение семи лет он закончил младший факультет - "артистический"[13], где первые четыре года посвящались изучению грамматики, риторики и логики, после чего студенту присваивалась степень бакалавра искусств; следующие три года отводилось изучению точных наук - арифметики, геометрии и астрономии, в результате бакалавру присваивалась степень магистра семи свободных искусств (magister of the arts). Теперь перед выпускником стоял выбор: либо завершить свое образование, либо его продолжить. Виклиф поступает на Богословский факультет[14]. В течение трех лет молодой ученый слушал лекции по Вульгате. Следующие два года были отведены изучению "Сентенций" Петра Ломбардского[15] и по истечении пяти лет кандидату присваивали степень бакалавра теологии. После этого, в течение года, Виклиф должен был читать латинские проповеди и только потом мог приступить к самостоятельному чтению лекций по "Сентенциям". Не ограничиваясь стандартным богословским образованием, он стал готовиться к научной деятельности. В 1372 г. Виклифу была присвоена степень доктора теологии (doctor theologiae)[16].

Для характеристики этого периода необходимо осветить круг интересов оксфордского ученого.

Многочисленные заметки в работах Виклифа позволяют утверждать, что некоторое время он посвятил изучению точных наук - физики, математики, астрономии, законы которых использует для разъяснения религиозных истин. По его мнению, "вера, как правильно установленные линзы, позволяет нам видеть очень далекие предметы так ясно, как если бы они были очень близко от нас"[17]. Молодого ученого глубоко интересует сфера правовых норм. Его знания в этой области не ограничиваются рамками канонического права, а распространяются на гражданские и административные правовые отношения. Касаясь философских взглядов Виклифа, необходимо сказать, что он не был борцом против средневековой схоластики. Он безоговорочно признавал авторитет Аристотеля, знал работы арабских интерпретаторов Аристотеля - Авиценны и Аверроэса.

Оксфорд XIV в. был разделен на соперничавшие философские школы последователей Фомы Аквинского и Дунса Скота, иначе- «реалистов» и «номиналистов». Противоречия этих школ оказали влияние на формирование взглядов молодого Виклифа. До разрыва со средневековой церковью его больше привлекало учение Фомы Аквинского, давшего синтез учений Аристотеля и его арабских интерпретаторов, Августина и догматики средневекового католицизма[18]. Виклиф, как и Фома Аквинский, доказывал существование связи между философией и теологией. Философия вытекает из отношения человека к Богу, а теология- из отношений Бога к своему творению.

Большое влияние на формирование взглядов Виклифа оказали философские взгляды Дунса Скота, а именно его учение о полной свободе божественной воли и о первенстве воли над разумом. Часто молодой ученый обращался к работам современных ему, но более старых докторов Оксфорда, в частности, к работам последователя Дунса Скота по имени Кэнон (Canon)[19]. Реализм Виклифа очень противоречив. Уоркмен утверждает, что его взгляды обострили спор реалистов и номиналистов, который достиг критической стадии несколько лет спустя[20]. В своих ранних проповедях Виклиф дает перечень теологов и философов, которые оказали влияние на формирование его мировоззрения[21]. Среди них мы встречаем Джона Беверли (Beverley), Роберта Гроссетеста (Grossetest), Эдмунда Рича (Rich), Вальтера Берли (Berley) и других. Огромное влияние на характер молодого ученого и его мировоззрение оказали писания Томаса Бредвордина[22], которые внушили ему убеждение, что спасение зависит не от добрых дел, а от воздействий на человека божьей благодати. Идею предопределения Виклиф заимствовал именно у него.

Несколько слов необходимо сказать относительно связи доктрин оксфордского теолога и концепции Марсилия Падуанского, требовавшего отделения церкви от государства, и изъятия собственности из рук церкви. Но в работах Виклифа отсутствуют какие-либо упоминания об этом предшественнике. По-видимому, влияние Марсилия Падуанского на Оксфорд шло через английского мыслителя Уильяма Оккама, работы которого Виклиф тщательно изучал[23]. Так обнаруживается интерес оксфордского теолога к вопросам конкретной политики.

Между 1356 и 1360 гг. Виклиф был избран ректором Баллиол-колледжа[24]. 16 мая 1361 г. он получает от колледжа приход Филлингем (Fillingham) в Линкольншире. Это назначение не говорит о том, что Виклиф сразу же бросил университет и переехал в Линкольншир. По традициям того времени он оставался членом университета со всеми правами[25].

В 1368 г. Виклиф обменял свой линкольнширский приход на приход Лад-гарсхолл (Ludgershall) в Бекингемшире. В этом же году он попросил разрешения освободиться от должности ректора на два года, чтобы заняться наукой в университете. Такой "отпуск" Виклифом был получен[26].

В это время Оксфордский университет представлял собой арену борьбы между монахами и «священниками» белого клира[27]. Ярким примером участия Виклифа в этой борьбе является история нового колледжа Кентербери-холла, основанного архиепископом Симоном Ислипом в 1363 г.[28]. Первоначально в состав колледжа входили четыре монаха и восемь священников. Однако в 1365 г. положение изменилось. Место монахов заняли священники, а Виклиф был назначен главой колледжа. После смерти архиепископа Ислипа в 1366 г. его преемником стал аббат Вестминстера Симон Лэнгхем. Это привело к смещению Виклифа с поста главы Кентербери-холла и замене его монахом. Популярность оксфордского ученого в это время была уже столь велика, что в то время как Лэнгхем лишил его места, перед ним открылись новые возможности продолжать свою деятельность. Популярность Виклифа среди молодежи росла год от года. Особенным вниманием у студентов пользовались его лекции-комментарии на книги Нового завета, особенно – на евангельские тексты. Позднее он обобщил свои мысли в ряде латино-и-англоязычных трактатов. Среди них – «Об истинности священного писания» (1378) и «Евангельский труд» (1382). Поэтому в Англии как сторонники, так и противники взглядов Виклифа звали его с уважением «doctor evangelicus» – «евангелический доктор».

К семидесятым годам XIV в. относится острый экономический и политический кризис в Англии. Развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой значительные изменения в манориальной системе. Первой из таких перемен была замена натуральных повинностей вилланов денежными платежами. Это был процесс коммутации. В связи с этим возрастает спрос на наемную рабочую силу в сельском хозяйстве. Однако рабочих рук не хватало. Малая производительность барщинного труда, неспособность лордов приспособить свои хозяйства к условиям рынка создали предпосылки для разложения домениального хозяйства, что сказалось в сокращении домена, развитии арендных отношений и купле-продаже крестьянской земли и в расслоении крестьянства. Развитие товарно-денежных отношений привело к некоторым сдвигам внутри господствующего класса английского общества. Начался процесс перехода земель из рук крупных феодалов в руки средних

и мелких вотчинников, что вело к оскудению земельно-феодальных ресурсов знати и возрастанию мощи мелких землевладельцев[29].

Противоречия в деревне еще более обострились в связи с эпидемиями чумы в 1348 и последующих годах "Черная смерть" прервала коммутацию. Нехватка рабочей силы и ее дороговизна вынуждали лордов требовать от вилланов возвращения барщинной ренты. На помощь средним и мелким землевладельцам и богатым бюргерам пришло государство. Оно издало законодательные акты, объединенные в "рабочее законодательство", которое распространялось на сельских и городских рабочих. Статуты о рабочих привели к усилению социально-экономической борьбы и в деревне, и в городе. Но страну не удалось вывести из кризиса, который усилился в связи со Столетней войной. Военные действия 1370 г. поставили Англию перед лицом катастрофы: она потеряла почти все владения во Франции, кроме Кале на севере и Бордо и Байонны на юге. Поражение в 1372 г. под Ла-Рошелью вырвала из рук Англии морское превосходство. Эти события еще больше усугубили экономический кризис.

Обострение социально-экономических противоречий проявилось и в области идеологии. Во второй половине XIV века в Англии развернулось широкое движение за реформу церкви. Английская церковь была очень богата, ее доходы в три раза превышали доходы английского короля, поэтому на фоне всеобщего кризиса страны она вызывала зависть всех слоев общества и желание секуляризировать ее земельные богатства.

В этой обстановке и выступил Джон Виклиф. В проповедях, произносимых им в стенах университета, доказывалось, что папа не имеет права взимать поборы с Англии[30]. Отстаивая права короля, он доказывал превосходство светской власти над церковью[31]; открыто ставил вопрос о секуляризации церковной собственности[32]. В одном из трактатов Виклиф писал: "Король - это представитель Христа в его стране." Он обладает "главной властью" (capitalem dominium)[33] и должен бдительно следить, чтобы "главный закон власти" в точности соблюдался. В "Триалоге" оксфордский теолог высказывает мнение, что король в том государстве, где царствует, имеет право поправлять грехи духовенства[34]. Он защищает право светских властей на налогообложение церковного имущества и предлагает ввести ежегодный побор с нищенствующих орденов в размере 1000 марок, как "знак признания ими своего подданства королю"[35]. В случае если церковь заблуждается или церковные мужи злоупотребляют имуществом церкви, то король вправе лишить их имущества- такова позиция Виклифа.

В 1366 г. папа Урбан V потребовал от короля Эдуарда III большую сумму денег[36], ссылаясь на обязательства Иоанна Безземельного, полуторастолетней давности. Созванный королем в мае 1366 г. парламент наотрез отказался дать деньги папе, отрицая право короля отдавать в вассальную зависимость самого себя, свою страну и свой народ без согласия парламента[37]. Решение майского парламента 1366 г. было восторженно встречено Виклифом, и он решительно высказал свое одобрение. Джон Виклиф был в то время пропагандистом идей уже распространенных в стране. Курия же обвинила его в грабеже римских прелатов и нарушении согласия между папой и Англией[38].

Публичные проповеди и лекции оксфордского теолога привлекли внимание короля. В период с 1371 по 1378 г. Виклиф уже вовлечен в королевскую церковную политику. Хотя он и продолжает свою профессорскую дея-

тельность, но основное число работ этого периода написано в поддержку короля. В жизни Виклифа наступил новый период - период связи с политической партией Джона Ланкастера. В чем же проявилась связь Виклифа с королевским двором? История преследований оксфордского теолога английским духовенством указывает на то, что он был связан с двором, но не занимал никакой официальной должности. Очевидно, что он использовался при дворе в качестве клирика, оплачиваемого частным образом. Виклиф был вызван на заседание парламента 1371 г., где рассматривался вопрос о праве короля облагать церковь налогами. Церковь не желала мириться с этим и отстаивала добровольный характер "даров". Цитируя Библию, оксфордский теолог должен был доказать, что светская власть вправе распоряжаться имуществом церкви. В результате была составлена петиция к Эдуарду III, в которой речь шла о том, что государственные дела слишком долго находились в руках прелатов, не умевших управлять. Необходимо, чтобы далее все государственные должности находились в руках мирян. Эти требования парламента были удовлетворены, что вполне соответствовало взглядам Виклифа. Растущее налогообложение, отток золота в папскую курию, старания папы обойти английское законодательство заставили парламент, собравшийся в 1373 г., еще раз обратиться с апелляцией к королю. Парламент требовал, чтобы папа отказался от налогообложения Англии до окончания Столетней войны. Правительство послало две дипломатические миссии; одну в Авиньон, другую в Брюгге - для обсуждения с представителями папы требований, выдвинутых парламентом 1373 г. Необходимость этих переговоров была очевидной, так как со стороны папы в феврале 1373 г. последовало новое требование денег. Обстановка в стране стала настолько напряженной, что, не дожидаясь начала переговоров, Эдуард III в марте 1374 г. послал приказ архиепископам и шерифам с требованием отобрать до 16 апреля 1374 г. все церковные бенефиции, находившиеся в руках иностранцев.

Королевская церковная политика встретила оппозицию английского клира. 21 мая в Вестминстере была собрана конвокация прелатов во главе с Черным принцем и архиепископом Кентерберийским. Конвокация должна была вынести решение о требованиях папы. Справедливость папского требования доказывалась следующими доводами: во-первых, папа является наместником Бога на земле, и, во-вторых, он передал в начале XIII в. Англию в руки короля Иоанна Безземельного в качестве лена. Мнения разделились, и все-таки вестминстерский совет духовенства пришел к выводу о незаконности требований папы. К этому времени относится первый политический трактат Виклифа «Рассуждение о власти» (Determinatio de Dominio)[39].

В мае 1374 г. в Брюгге была направлена ещё одна дипломатическая миссия. В списке членов миссии имя Виклифа стояло вторым. Он должен был получать в силу возложенных на него обязанностей 20 шиллингов в день. Предполагалось, что оксфордский теолог будет легко парировать аргументы папских легатов. Но с самого начала было очевидно, что король и папа ждут от переговоров компромиссного решения, и в их планы отнюдь не входил разрыв дипломатических отношений. Первая встреча была очень короткой, и в сентябре Виклиф уже вернулся в Англию. Переговоры в Брюгге продолжались в течение двух лет и не дали ничего нового. Они были бесполезны для Англии, но сыграли большую роль в жизни Виклифа. Он выезжал в эти годы за пределы своей страны, и пребывание в Брюгге спо-

собствовало его общению с духовными лицами Испании, Франции, Италии. Переговоры позволили Виклифу познакомиться с жизнью папского двора. Другим важным моментом в его жизни было знакомство с Джоном Гонтом, который возглавлял переговоры с Францией. Возможно, именно здесь возникла тесная связь этих людей, которая длилась в течение долгого времени.

Вернувшись в Англию, Виклиф поселился в Колледже Королевы (Queen's College). Его участие в дипломатической миссии не было отмечено королевской администрацией. И если все члены делегации в Брюгге были награждены земельными владениями, то Виклиф не получил ничего[40]. В течение года, по возвращении, он безвыездно жил в Оксфорде, писал свои трактаты, выступал с проповедями и лекциями. Они являлись как бы ответом на вопросы: какая власть на земле выше, церковная или светская; кто вправе распоряжаться церковной собственностью. Ответом служат трактаты "О власти божьей" и "О власти гражданской", которые были результатом лекций, прочитанных в период с 1374 по 1376 гг. Эти вопросы были чрезвычайно злободневны[41], так как представляли собой одну из сторон многовекового спора о юрисдикции церкви и государства. Идеи Виклифа, высказанные в этих трактатах, привлекли особенное внимание всех слоев общества и с большим интересом были встречены Джоном Ланкастером, в руках которого сосредоточилось в то время управление страной. По мнению оксфордского теолога, высшей властью обладает только Бог. Человеческая власть основана на божьей благодати. Значит, власть Бога является высшей, ибо создав мир, Бог никому не обязан служить; власть человека основана на милости Бога[42].

Дворцовая партия Джона Ланкастера не видела другого выхода из экономического кризиса, кроме секуляризации церковной собственности и полного прекращения платежей в папскую курию. Поэтому лекции Виклифа вызвали большой интерес. Он же надеялся, что изъятие собственности у церкви значительно облегчит налогообложение. Виклиф предлагал королю и светским лордам разделить церковные земли между бедными рыцарями, которые защищают страну от врагов. В результате этого страна станет сильнее без каких-либо государственных издержек.

После заседания Доброго парламента в 1376 г. интерес Джона Гонта к Виклифу возрос. 22 сентября 1376 года Джон Гонт послал в Оксфорд Алана Барлея с письмом, в котором приглашал доктора теологии читать проповеди в Лондоне. Джон Гонт рассчитывал, что с его помощью он отвлечёт народный гнев от своей политики и направит против церкви[43].

В то время как герцог Ланкастерский занимался формированием парламента 1377 г., Виклиф, находясь в Лондоне, посещал церкви и в своих проповедях осуждал богатство, роскошь духовенства. Оксфордский теолог выражал интересы феодалов, партии Гонта, но его выступления были созвучны настроениям рыцарей и горожан, также ненавидевших богатство церкви. Виклиф считал, что союз с герцогом Ланкастерским вполне обеспечит проведение реформы и личную его безопасность. Но здесь Виклиф просчитался. До тех пор пока союз с Джоном Гонтом оставался тайным для горожан, его проповеди привлекали толпы народа. Духовенство же выражало тревогу, чувствуя необходимость заставить его замолчать. Во главе клерикальной партии стоял епископ Лондона Уильям Куртнэ (Courtenay)[44]. 19 февраля 1377 г. Куртнэ вызвал Виклифа на суд в собор Святого Павла и обвинил в выступлениях против церковной собственности. Джон Ланкастер

понимал, что епископат Англии предпринимал первые шаги в борьбе против него. Им были приглашены в суд в качестве арбитров четыре доктора богословия, задачей которых являлось очищение Виклифа от обвинений в ереси. Процесс привлек в собор множество людей. Здесь стало ясно, чьи интересы выражает Джон Виклиф. Горожане, ненавидевшие герцога сменили свои симпатии к оксфордскому теологу на гнев. Евангелический доктор появился в сопровождении Джона Ланкастера и Генри Перси - королевского маршала. Подойдя к кафедре, Джон Ланкастер и Генри Перси сели, предложив Виклифу сделать то же. Куртнэ заявил протест, так как по обычаям того времени обвиняемому полагалось стоять. Началась перебранка. Герцог был готов силой вытащить Куртнэ из церкви. Горожане, возмущенные оскорблением нанесенным епископу, поднялись на его защиту. Заседание суда было прервано. Герцог и Виклиф вынуждены были покинуть собор Святого Павла. На следующий день в Лондоне начался бунт, прекратить который удалось с помощью самого же Куртнэ[45]. Неудачный суд в соборе Святого Павла не остановил травлю евангелического доктора. На этот раз обвинения против Виклифа были выдвинуты самим папой. 22 мая 1377 г. папа Григорий XI издал серию булл. Три буллы были адресованы архиепископу Кентерберийскому Сэдбери (Sudbury) и епископу Куртнэ[46]. В буллах папа перечислил 19 ошибочных заключении Виклифа и предложил Сэдбери и Куртнэ провести расследование, действительно ли Виклиф выступал с этими положениями перед слушателями. Если расследование подтвердит авторство Виклифа, папа предлагал арестовать его и добиться письменного отречения от ереси. Затем папа потребовал, чтобы Виклиф лично предстал перед ним для суда. Булла, направленная в Оксфорд, предлагала университету запретить распространение идей евангелического доктора. И, наконец, пятая булла, адресованная королю, требовала предоставления полной свободы Сэдбери и Куртнэ в "деле Виклифа".

Буллы были отправлены из Авиньона 22 мая, но Оксфорда они достигли только за несколько дней до Рождества, т.е. 18-25 декабря 1377 г. Какова же причина этой задержки? Очевидно, выполнение булл задерживалось архиепископом Кентерберийским и епископом Куртнэ. Дело в том, что король Эдуард III находился при смерти. 21 июня 1377 г. король умер в своем поместье[47]. Теперь от того, кто будет регентом, будет зависеть характер выполнения папских булл. Если Джон Ланкастер лишится влияния при дворе, то расправиться с Виклифом было бы очень просто[48].

13 октября собрался первый парламент Ричарда II, на котором царило антипапское настроение, отчасти из-за военных неудач англичан[49]. На заседании парламента еще раз были возобновлены жалобы на громадные издержки в пользу папской курии. Парламент принял предписание, приказывавшее всем иностранцам, священникам и монахам покинуть страну до февраля 1378 г. Виклиф был вызван в парламент в качестве арбитра в решении вопроса о праве страны отказаться во время войны от папских поборов[50]. Сессия парламента отсрочила публикацию папских булл. Однако Виклиф узнал от епископа Рочестерского о существовании булл, в которых были осуждены его доктрины, а сам он подлежал аресту.

28 ноября 1377 г. парламент был распущен. Буллы были опубликованы. Булла, адресованная канцлеру Оксфорда Адаму де Тонуорту состояла в следующем: канцлеру было поручено выяснить, проповедовал ли Виклиф доктрины, осужденные папскими буллами; через 30 дней после получения

булл канцлер должен предать евангелического доктора суду Сэдбери и Куртнэ в соборе Святого Павла. Но в этом указе не было ни слова об аресте Виклифа и заключении его в тюрьму[51]. Указ вызвал волнения среди ученых. С одной стороны, ученые Оксфорда были возмущены стремлением папы распространить свое влияние на территории Англии. С другой стороны, они боялись, что невыполнение требований папы приведет к лишению университета привилегий[52]. Таким образом, университет должен был вынести такое решение, которое удовлетворило бы и папу и короля.

Канцлер выразил мнение всех теологов Оксфорда, утверждая, что осужденные папой доктрины Виклифа "были истинными, хотя плохо звучали для уха". Это решение должно было удовлетворить двор. А чтобы доказать преданность папе, канцлер предложил Виклифу не покидать Блэк Холл (Black Hall). Виклиф согласился на этот мнимый арест. Таким тайным сговором оксфордские ученые надеялись удовлетворить несовместимые требования папы и английского правительства и сохранить собственное достоинство.

Публикация папских булл ускорила работу «евангелического доктора» над трактатом, в котором он изложил свои мысли на организацию церкви. Так появился трактат "О церкви" (De Ecclesia)[53]. В трактате раскрывается идея предопределения, отрицающая право церкви решать человеческие судьбы. Ни один человек: ни папа, ни епископ не знают, прощены ли они или нет, они не ведают, в церкви ли они или же вне ее, а если вне, тогда они являются частью дьявола[54]. Всех людей Виклиф разделил на две категории: на предопределенных Богом и отвергнутых им. Из учения о предопределении вытекали весьма существенные выводы об изменениях в религиозном культе: отпадала необходимость молиться за усопших, ставился под вопрос весь церковный ритуал, поскольку обряды никакой роли уже не играли в судьбе людей.

Далее, Виклиф переходит к рассмотрению значений таинств - основы средневековой церкви. Новые "ереси" были гораздо страшнее для церкви, чем предыдущие. В чем смысл таинств? Под этим понятием скрывается сакраментальная сторона обряда, магическая сила которого передается верующему. Одним из важных таинств была евхаристия, или причащение. До 1378 г. Виклиф не оспаривал католической трактовки этого таинства. Но в дальнейшем разошелся в трактовке евхаристии с официальным учением, по которому хлеб и вино после молитвы священника превращаются в тело и кровь Христа. По мнению евангелического доктора, хлеб остается хлебом и после всех действий священника. Превращение состоит лишь в том, что хлеб становится подобием Христа. Тот не присутствует в нем в своей телесной субстанции (реально), а только образно (фигурально). Акт евхаристии Виклиф связывает с учением о предопределении. Все зависит не от силы священника, а от состояния верующего. Если верующий предопределен, то превращение совершается, если же он отвергнут, то он просто вкушает хлеб и вино.

Эти взгляды евангелического доктора произвели такую сенсацию, какую не ожидал и сам Виклиф. Джон Ланкастер предложил ему прекратить свои выступления о «таинстве алтаря», однако Виклиф отказался.

В апреле 1378 г. Виклиф вновь предстал перед судом Сэдбери и Куртнэ[55] в соборе Святого Павла. Но разбирательство было перенесено. Причина изменения места суда была, очевидно, связана с новым ростом симпатий к Виклифу среди лондонцев, которые могли вмешаться и прервать

слушание судебного дела. Кроме того, известие о том, что теологи Оксфорда сняли с евангелического доктора обвинения в ереси, распространилось довольно быстро, поэтому суд был перенесен в более уединенное место - Ламбетский дворец.

За год, что прошел со времени суда в соборе святого Павла, положение Виклифа несколько изменилось. Парламент обращался к нему за советом по вопросу о денежных претензиях папского двора. На стороне оксфордского теолога были симпатии принцессы Уэльской – Джоанны - матери несовершеннолетнего короля, за спиной которой стоял Джон Гонт. Последняя отправила со своим слугой Льюисом Клифордом письмо, приказывающее епископам не выносить какое-либо решение против чести обвиняемого, хотя право епископов судить Виклифа не оспаривалось. Суд превратился в фарс. Кроме того, жители Лондона ворвались в Ламбетский дворец и прекратили судебное разбирательство. Епископы поняли, что потерпели поражение. Они вынесли осуждение, носившее чисто формальный характер. Оно гласило, что "Виклиф не должен в дальнейшем пропагандировать свои доктрины в проповедях во избежании соблазна среди мирян"[56].

Вскоре после суда умер папа Григорий XI, а новый папа был поглощен собственными делами, чтобы заниматься делами Виклифа[57].

Несмотря на это, вызов в курию все еще тяготел над Виклифом, поэтому он протестует против папских вызовов в суд. Папа не может предъявить ему никаких обвинений, кроме одного: что он "опубликовал закон божий и закон королевства. Папа, вызывая человека в Рим, заставляет его путешествовать по опасным дорогам. А человек может быть больным и слабым. Папа не имеет права судить королевского вассала, который может свободно оставаться дома и просить божьей помощи"[58]. Осенью 1378 г., в то время как Виклиф писал свои трактаты о церкви и государстве, произошел великий раскол. После смерти Григория XI папой стал Урбан VI . Французские кардиналы, не удовлетворенные этим выбором, собрали новый конклав, который отправил послание Урбану VI, в котором объявили его выборы недействительным, так как он был сделан римским народом и требовали его отказаться от папского сана. Члены конклава папой выбрали Роберта Женевского, принявшего имя Климента VII. С этого момента началась борьба пап, получившая название «Великого Раскола» или «Великой схизмы». Стороны пускали в ход любое оружие: клевета, подкуп, отлучение друг друга от церкви. Схизма разделила Европу на два лагеря: «урбанистов» (Англия, Фландрия, Богемия, Польша, Венгрия, Португалия) и приверженцев Климента (Франция, Испания, Королевство Обеих Сицилий, Шотландия).

Раскол заставил Виклифа по-новому отнестись к папской власти. Если до раскола он критиковал действия отдельных пап, но все же признавал их право контроля над духовной жизнью мира, то теперь он выступал против всего института папства. Его трактат "О папе" (De papa)[59], ясно свидетельствует об этом.

Период со 2 августа 1380 г. по 1 августа 1381 г. Виклиф прожил в Оксфорде. В это время евангелический доктор огласил свою доктрину о "таинстве алтаря". Канцлер университета Вильям Бертон весной 1380 г. собрал совет из двенадцати докторов теологии для рассмотрения ереси Виклифа по вопросу о "таинстве алтаря". Совет, наполовину состоявший из монахов, осудил доктрины евангелического доктора. Виклифу было запрещено такое толкование таинства. Вместо того, чтобы обратиться с жалобой

на этот приговор к собранию членов правления и к общему собранию докторов университета, он апеллировал к королю. Королевский двор был готов защищать евангелического доктора, но лишь до тех пор, пока его взгляды совпадают с интересами государства, т.е. пока он выступал против церковной собственности. Как только вопрос перешел в чисто духовную сферу, правительство перестало поддерживать Виклифа .

В конце 1381 г. Виклиф покинул Оксфорд и переехал в Лоттерворт. Лоттервортский период его жизни был посвящен переводу Библии, публикации латинских проповедей, выпуску английских трактатов, подготовке "бедных священников", которые затем понесли в мир его идеи.

Доктрины евангелического доктора остро поставили вопрос о необходимости перевода Библии на английский язык. В период с 1380 по 1384 гг. он и его друзья занимались этой работой. Распространению идей Виклифа в народе служили и странствующие проповедники. Задача создания организации "бедных проповедников слова Божьего" занимала Виклифа[60]. Он пытался разрешить ее по своему: зная историю религиозных орденов, он не хотел повторить их опыт, т.е. он не стремился создать новый орден. Перед своими учениками он выдвинул идеалы - бедность без попрошайничества. Первое место они должны уделять в своих проповедях истории Евангелия. Их проповеди должны быть простыми, ясными, доступными пониманию слушателей и призывать к спасению души на родном языке. Виклиф и его бедные священники были заняты распространением своего учения, когда в июне 1381 г. начались крестьянские волнения, вызванные рядом социально-экономических причин. Понятно, что противники Виклифа с определенным злорадством воспользовались этими событиями и дали понять, что это плоды оппозиции Виклифа к церкви. Поэтому нас, прежде всего, интересует отношение евангелического доктора к начавшемуся восстанию. Позиции его в этом вопросе противоречивы. С одной стороны, он осуждал существующие порядки, а с другой - признавал их законными. Взгляды на крепостное право изложены им в трактате "О служении гражданском" (De Servitute Civili), где евангелический доктор допускает существование крепостного права, которое, однако, не должно распространяться на потомство, так как люди, рожденные крепостными, могут быть наделены божественной благодатью[61]. Крестьяне должны жить в кротости и добросовестно выполнять работу[62]. Это положение свидетельствует о том, что Виклиф не мог сочувствовать восставшим. Всегда и во всем он отстаивал права лордов и считал, что крепостные должны подчиняться даже грешным сеньорам. В трактате "Слуги и господа" (Servants and Lords), написанном вскоре после подавления восстания, он утверждал, что слуги не должны быть лживыми, ленивыми при исполнении своей службы. Мысль о том, что человек не должен служить и работать на другого, принадлежит дьяволу. "Можно отказаться от уплаты десятины, но не ренты"[63]. Однако в этом же трактате Виклиф гневно обличает и сеньоров, которые разоряют крестьян неразумными поборами. "Они пожирают добро бедняков, в то время как бедняки умирают от холода и голода. Эти лорды пожирают тело людей и пьют их кровь"[64]. Виклиф откровенно призывает к смягчению крепостничества.

Известие об ограблении монастырей, церквей и приютов было встречено им по-другому. В трактате "О богохульстве" (De Blasphemia), частично написанном сразу же после восстания, он порицает народ и сожалеет по поводу убийства архиепископа Симона Сэдбери[65], но считает, что убийство

архиепископа было результатом чувств народной справедливости. Евангелический доктор еще раз напоминает, что духовенство должно отдать стране свою собственность, оставив себе лишь скромные средства на пропитание. Но даже в целях лишения церкви собственности Виклиф не одобряет бунта "черни" и не воодушевляет восставших.

Восстание 1381 г. сыграло отрицательную роль в жизни Виклифа. Среди аристократии и не только среди нее распространилось мнение о его причастности к восстанию. Против него было пущено в ход показание Джона Болла, которое он дал после ареста, что в течение двух лет он был учеником Виклифа и слушал его проповеди[66]. Кроме этого смерть Симона Сэдбери открыла Куртнэ, злейшему врагу Виклифа, путь к посту архиепископа Кентерберийского. Первые шаги, которые предпринял новый архиепископ, были связаны с пресечением проповеди «бедных» священников на юго-востоке Англии и подавление виклифизма в Оксфорде.

Положение Виклифа в Оксфорде несколько изменилось к началу 80-х гг. Если в 1377 г. значительное количество ученых симпатизировало евангелическому доктору и разделяло его точку зрения на богатства церкви, то в начале 80-х число его сторонников значительно уменьшилось, особенно после того, как он начал выступать со своими проповедями, обличавшими папство, монашеские ордена, католическое учение о причастии и т.п.

Когда началось восстание 1381 г., в университете шла острая борьба между разными группами духовенства, обвинявшими друг друга в подготовке восстания. Представители монашеских орденов обратились за поддержкой к Куртнэ, прося избавить Оксфорд от виклифизма. Время для вмешательства было самое подходящее, ибо в подавление лоллардизма Куртнэ мог опираться на широкую поддержку духовенства, аристократии и короны.

7 мая 1382 г. Виклиф подал петицию парламенту, в которой утверждал, что Англия не должна повиноваться папе, кроме случаев, находящихся в соответствии с законами христианства, что деньги не должны отправляться в Рим, если этот платеж не может быть доказан Священным Писанием. Обращаясь непосредственно к общинам, Виклиф утверждал, что нельзя обременять страну новыми платежами, пока пожертвования духовенству истощают народ. Одновременно с этой петицией он опубликовал на английском языке трактат - "Жалоба" (Complaint), в котором обосновывал права короля и королевского совета на изъятии из рук церкви собственности, данной ей другими людьми[67].

Пока Виклиф писал эти документы, его ученики проповедовали по стране его доктрины. На эти действия Куртнэ ответил репрессиями. Он созвал собор теологов, который начал работу 17 мая в здании Доминиканского монастыря у «Черных братьев» (at the Black friars) в Лондоне и вошел в историю под названием «блэкфрайарского». На конвокации фигурировали 24 еретических заключения евангелического доктора, взятые из его работ. Обвинения 1382 г. повторили обвинения 1377 г., выдвинутые папой Григорием XI. "Блэкфрайарский" собор осудил 24 умозаключения Виклифа, а 26 мая парламент издал статут, который обеспечивал иерархии помощь правительства в деле преследования виклифизма. 26 июня Куртнэ получил письменный патент, в котором ему предоставлялось право арестовывать всех защитников осужденных тезисов и заключать их в тюрьму до тех пор, пока они не раскаются и не отрекутся от своих убеждений, или до тех пор, пока

король и его совет не предпримут других мер против этих лиц. Получив такой патент, Куртнэ начал выполнять его с оксфордского университета.

Открытое посягательство на права университета вызвало раздражение канцлера, утверждавшего, что ни архиепископы, ни епископы не имеют права вмешиваться в дела университета даже в вопросе ереси. Канцлер Роберт Ригг (Rigg) воспрепятствовал оглашению 24 ересей, осужденных Куртнэ. Сопротивление канцлера было недолгим. Он был вызван на "блэкфрайарский" собор и обвинен в симпатиях к еретическим взглядам Виклифа. Чтобы не потерять должности, Ригг признал еретическими 24 тезиса и вымолил прощение за неподчинение архиепископу. Он был прощен, и ему было разрешено вернуться в Оксфорд при условии, что он огласит 24 еретических тезиса и запретит кому-либо проповедовать их.

Канцлер университета вынужден был выполнить приказ. Последователи Виклифа были изгнаны из Оксфорда и затем отлучены от церкви[68]. Но почему, в то время когда гонениям подверглись все сторонники Виклифа, сам он оставался в покое? Как считает Г.В.Лехлер, это хорошо продуманная тактика Куртнэ. После того, как все последователи будут сломлены, с одиноким и покинутым Виклифом справиться будет легче[69].

После нескольких неудачных попыток привезти Виклифа на суд папы в Рим, он был оставлен в покое. Виклиф спокойно мог вернуться в Лоттерворт и два полных года до своей смерти больше не испытывал претензий со стороны иерархии. Это время он посвятил «теологической» работе. В эти годы выходят такие трактаты как «Триалог» (Trialogus), «Евангелический труд» (Opus Evangelicum) и «О богохульстве» (De Blasphemia), посвященные различного рода философским проблемам.

Виклиф, перенеся инфаркт, писать уже не мог, и поэтому все его трактаты, созданные в это время, писались его учениками под диктовку учителя. Последнее время всегда рядом с Виклифом находился Джон Пэрви, его ученик, которому удалось выполнить замыслы великого реформатора и создать литературный перевод Библии на английский язык

28 декабря 1384 г. Виклифа разбил полный паралич. Через два дня, 31 декабря, он умер, не раскаявшись в своих убеждениях. Констанцский собор 1415 г., рассмотрев ересь Виклифа и Яна Гуса, осудил их обоих. Труды евангелического доктора подлежали сожжению. Его прах был извлечен из земли и сожжен, а пепел развеян.

Но реформационное движение в Европе продолжалось. Победу ему принес XVI в. Книги Виклифа нашли своего читателя. Его идеи развивались и распространялись бедными священниками (как звали они себя) или лоллардами (как их обозначало католическое большинство английского населения того времени). Движение лоллардов продолжалось свыше ста шестидесяти лет. Оно разветвилось на ряд течений разной степени радикальности в религиозных и политических вопросах, но влилось в радикально-реформационный поток народной реформации в XVI в. Главный триумф ждал виклифизм в Чехии, где Ян Гус, основоположник реформационного антикатолического движения в центре Европы, стал интерпретатором и переводчиком его текстов. Многие приверженцы виклифизма нашли в Чехии приют и приняли участие в гуситских войнах.

[1] Lechler G. V. Johann von Wiclif und Vorgechichte der Reformation. Bande 1, Leipzig, 1871, S. 269. Workman H. B. John Wiclif, A Study of the English Medieval Church. Vol. 1, Ox., 1926. P. 21.

[2] Виклиф при поступлении в Оксфорд был зачислен в Баллиол-колледж, куда поступали юноши из северных районов Англии.

[3] Workman H. B. John Wiclif... I. P. 39.

[4] Тогда еще не было частных школ для подготовки в университет, кроме монастырских школ.

[5] Workman H. B. John Wiclif... P.114-150.

[6] Оксфорд состоял примерно из 20 колледжей. Три колледжа: колледж Королевы, Мертон и Баллиол считают Виклифа своим учеником. Workman H. B., John Wiclif... P.636, Lechler G.V. Johann von Wiclif... S.273.

[7] Колледж Королевы был основан в 1340 г. Виклиф пришел в университет не раньше 1340 г., но его имя среди студентов не фигурирует. В 1363 г. Виклиф снимал комнату в этом колледже. Рента составляла 20 ш. в год. Мертон-колледж принимал студентов из южных районов Англии. Таким образом, Виклиф не был студентом этих колледжей.

[8] Баллиол - один из самых старых колледжей Оксфорда, был основан в 1266 г.

[9] Workman H. B. John Wiclif... P.77-78.

[10] Томас Бредвордин родился в конце XIII в. в Сессексе. Закончил Мертон-колледж. Изучал богословие, математику, астрономию.

[11] Фитцральф в 1340 г. был канцлером университета в Оксфорде и читал лекции по богословию.

[12] Францисканцы старались добиться права не включать в программу образования факультета искусств, а сразу переходить к изучению теологии. Борьба вокруг этого вопроса носила столь острый характер, что дело было передано на рассмотрение в Римскую курию, вынесшую решение, обеспечивавшее победу руководству университета.

[13] Или философский, что означает одно и то же.

[14] Продолжить образование можно на трех факультетах: медицинском, юридическом и богословском. Для незнатных людей более выгодным был богословский, т.к. после его окончания карьеру сделать было легче.

[15] Работа содержит изречения отцов церкви, которые Петр пытался научно обосновать.

[16] Workman H. B. John Wiclif... I. P. 151-206.

[17] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 280-281.

[18] Workman H.B. John Wiclif... I. P. 104.

[19] Его работа "Комментарии по физике Аристотеля" была очень распространена в то время.

[20] Workman H.B. John Wiclif... I. P. 140.

[21] Ibid. P. 115.

[22] Виклиф очень часто в своих записях упоминал "doctor profundus ", что подтверждает размеры влияния Бредвордина на Виклифа. Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 276.

[23] В 50-е годы XIV века номинализм Оккама был господствующим течением.

[24] Его работа на этом посту была осложнена чумой 1361 г., которая унесла большое количество духовных лиц, а также священников Мертона и Ковентри, Workman H.B. John Wiclif... I. P. 152.

[25] Возможно, он посещал Филлингем во время каникул, чтобы лично осуществлять руководство. Все остальное время службу исполнял нанятый викарий, получавший за свою работу определенную плату.

[26] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 292.

[27] Канцлер, который выбирался докторами теологии и канонического права был главным административным лицом. Высшим законодательным органом университета была конвокация, включающая представителей всех факультетов, что сосредотачивало контроль над политической деятельностью университета в руках факультета искусств. Это соотношение обуславливало острую борьбу между представителями черного и белого духовенства в стенах университета. Большая ссора черного и белого духовенства произошла в 1357 г., когда архиепископ Ирландии Ричард Фитцральф обвинил монахов перед курией в том, что они нечестными путями сманивают детей в свой орден. В 1358 г. был издан статут, запрещавший монашеским орденам принимать мальчиков до 18 лет. Споры черного и белого духовенства и далее носили острый характер. Каждый раз в борьбу партий вмешивалась Римская курия или королевская власть. Это вмешательство обычно приводило к компромиссному решению, к временному примирению, но не устраняло причин конфликта. Но борьба партий имела некоторые благоприятные мотивы, побуждая курию и королевскую власть предоставлять все новые и новые привилегии университету.

[28] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 308

[29] Петрушевский. Д.М. Восстание Уота Тайлера, М.,1937. С.177.

[30] Wyclif J. Trialogus cum supplemento trialogi, ed. G. Lechler, Ox., 1869. P. 312. The English Works of Wyclif hitherto unprinted, ed. F.D. Matthew, L., 1902. P.XXXV.

[31] J. Wiclif's Polemical Works in Latin, ed. R. Buddensieg, The Wyclif Society, 1883. 1. P. 255-6 .

[32] Lechler, Johann von Wiclif... S. 382.

[33] WEW. P. XXXV.

[34] Tr. P. 312.

[35] PW, I. P. 255-6.

[36] Урбан V требовал 1000 марок ежегодного налога. Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 321.

[37] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 322.

[38] Ebenda. S. 323.

[39] Workman H.B. John Wiclif... I. P. 231. Эта работа распадается на две части. Первая часть - острая дискуссия Виклифа с Дж. Утредом (Uthred), поддерживавшего папские требования в Англии. Дискуссия касается проблемы первенства духовенства и светской власти. Вторая часть представляет собой новую дискуссию, но с Вильямом Бихемом.

[40] Люттерворт был получен им в апреле 1374 г., т.е. до его включения в состав делегации.

[41] В лице архиепископа Фитцральфа Виклиф имел предшественника, аргументы которого он заимствовал и расширил. Таким образом, идеи Виклифа не совсем оригинальны.

[42] Wycliffe J. De Dominio Divino, ed. R. L. Poole. London, 1890, P. 2-30.

[43] Союз Дж. Ланкастера и Виклифа весьма странен. Их сближало лишь стремление секуляризовать собственность церкви. Дж. Гонт совсем не разделял реформаторских взглядов Виклифа. Ему нужен был лишь предлог, чтобы завладеть церковным имуществом. Теория Виклифа давала такой предлог. Но Дж. Гонт не задумывался о том, что цели Виклифа шли значительно дальше.

[44] Вильям Куртнэ был младшим сыном графа Девоншира.

[45] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 371.

[46] Первая булла содержит инструкцию и полномочия обоих прелатов. Вторая булла содержит только дополнения к первой. Третья булла требует убеждения в ошибочности взглядов Виклифа и их уничтожения. Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 375

[47] Ebenda. S. 380

[48] 17 июля 1377 г. королем стал одиннадцатилетний Ричард II и неизвестно, какая партия имела бы влияние на юного короля. Ebenda. S.38.

[49] Отряды французов высадились на южном и восточном побережье страны, а на севере угрожающими стали действия шотландцев.

[50] В своей речи Виклиф доказывал это следующими доводами: во-первых, Англия в силу самосохранения должна отказать папе в уплате налогов, во-вторых, согласно Евангелию все пожертвования в случае нужды есть от себя исходящее милосердие, в-третьих, если так будет продолжаться, то Англия обнищает, в то время как курия будет в изобилии. Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 382.

[51] Куртнэ не осмелился требовать ареста, так как Виклиф пользовался поддержкой двора, парламента и лондонских бюргеров.

[52] Кроме того, арест человека по приказу папы противоречил английским законам.

[53] Именно эта работа была особенно популярна в Богемии. Многие доктрины Яна Гуса были заимствованы из этой работы Виклифа.

[54] Wycliffe J. De Ecclesia, Ed. by J. Loserth, London, 1886. P. 514-515.

[55] Это неточная дата. Возможно, что суд состоялся раньше, когда еще был жив Григорий XI, который умер 27 марта 1378 г.

[56] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 387.

[57] На 12 день после смерти Григория XI папой был выбран архиепископ Бартоломей Тригнано, принявший имя Урбана VI.

[58] Wyclif J. Opera Minora, ed. J. Loserth, The Wyclif Society, L., 1913. P.159-161.

[59] Трактат написан приблизительно в 1380 г.

[60] В это время нищенствующие монахи, чтобы достичь популярности использовали в своих проповедях легенды и сказки о святых. Такие проповеди вызывали интерес, но не имели истинного морального характера. «Братья хвастают своими проповедями, но они заботятся только о том, чтобы доставить слушателям удовольствие и получить деньги», OM. P.331-332.

[61] OM. P.152.

[62] SEW, III. P.204-207.

[63] Ibid., p.229.

[64] Ibid., p.233-234.

[65] 13 июня 1381 г. восставшие отрубили ему голову.

[66] Даже если это так, то это не говорит о связи Виклифа с Джоном Боллом. Проповеди Виклифа мог слушать кто угодно.

[67] Workman H.B. John Wiclif... II. P. 251

[68] Репингтон, Эстон, не выдержав травли, отреклись от учения Виклифа. Они были восстановлены в прежних должностях. Не раскаявшимся остался только Герифорд, который в дальнейшем будет участвовать в движении лоллардов.

[69] Lechler G.V. Johann von Wiclif... S. 697

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

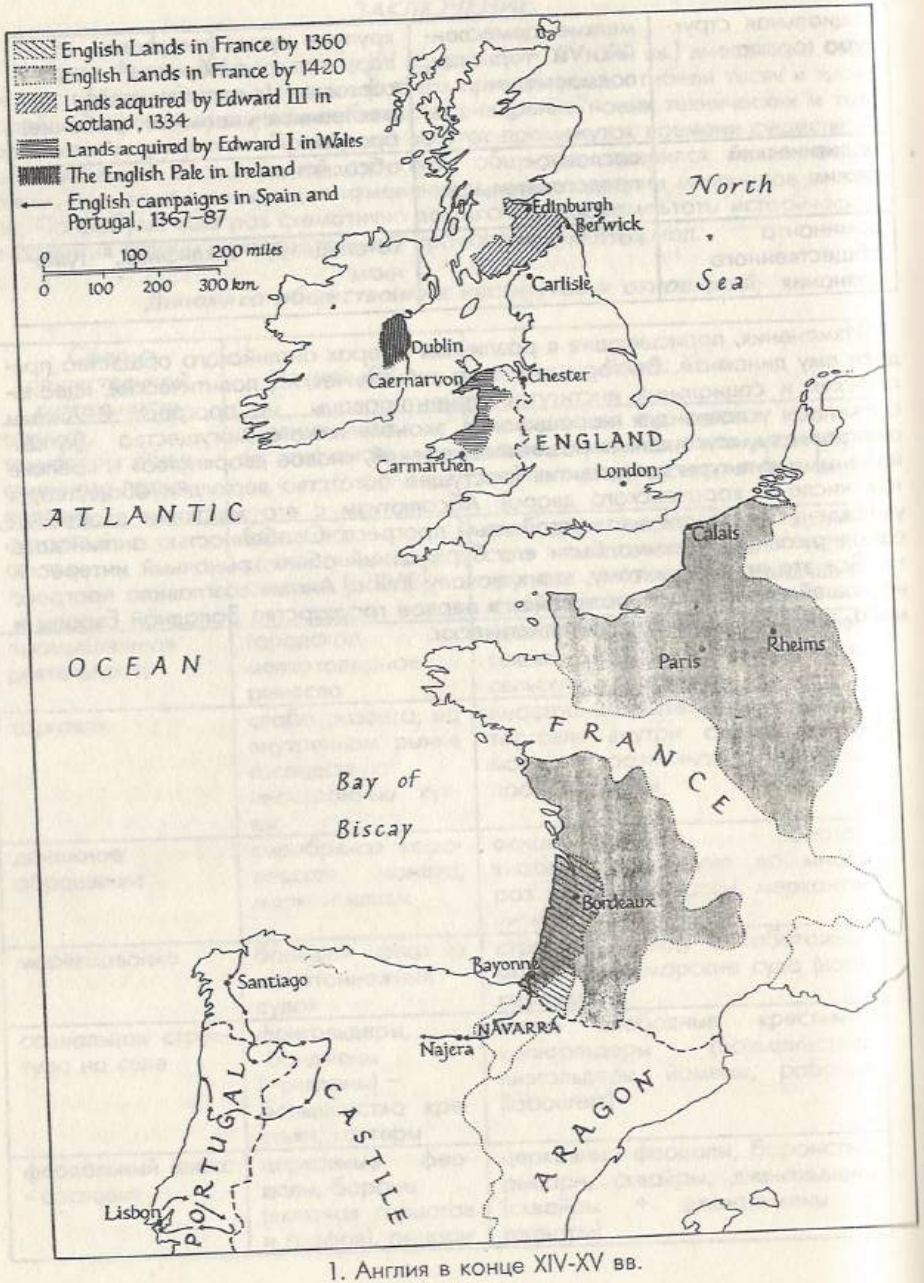
История Англии XV в. (условно XV в., точнее – XIV- XVI вв.) вместила в себя многое: войны, насилие в разных формах приводившее к гибели тысяч и тысяч людей, но также наращивание богатств, внедрение новых технических и технологических процессов. Произошли за этот промежуток времени существенные изменения в социальной структуре общества, сменился политический режим, произошли решающие изменения в мировоззрении миллионов англичан. Попробуем еще раз схематично зафиксировать результаты исторического развития страны в рассмотренный хронологический период.

Динамика общественных институтов и отношений

Сферы общественной деятельности	*Начало XIV в.*	*Конец XV в.*
техника, технология общественного производства	традиционная, экстенсивная	механизация сукноделия, кооперация, включая мануфактуру, крупные овцеводческие фермы.
аграрный сектор	барщино-крепостническая система (манор)	свободное крестьянское хозяйство мелкотоварного типа, крупные товаропроизводящие хозяйства
промышленная деятельность	городское, мелкотоварное ремесло	мелкотоварное ремесло, кооперация простая, мануфактура сельская и городская
торговля	слабо развита, на внутреннем рынке господствуют иностранные купцы	иностранцы вытеснены, крупная торговля внутри страны и за морем, розничная торговля, протекционизм
денежное обращение	серебряная королевская монета, меркантилизм	основа рынка - золотой «нобль», увеличение во много раз денежной массы, меркантилизм
мореплавание	большой флот из малотоннажных судов	строятся ,наряду с каботажными, крупные морские суда (коги, каравеллы)
социальная структура на селе	фригольдеры, бондмены (=вилланы) – большинство крестьян, коттеры	лично свободные крестьяне, копигольдеры (большинство), лизгольдеры, йомены, рабочие (labourers)
феодальный класс - сословия	церковные феодалы, бароны (включая герцогов и графов), рыцари	церковные феодалы, баронство, рыцари, сквайры, джентльмены (сквайры + джентльмены = джентри)

социальная структура города	мелкие ремесленники и торговцы, подмастерья	крупные купцы (merchants)- стэплеры и авантюристы, мелкие торговцы (дистрибьюторы), ремесленники, наемные рабочие, бродяги
политический режим	сословно-представительная монархия	абсолютизм
доминанта общественного сознания	католицизм	католицизм, виклифизм, гуманизм

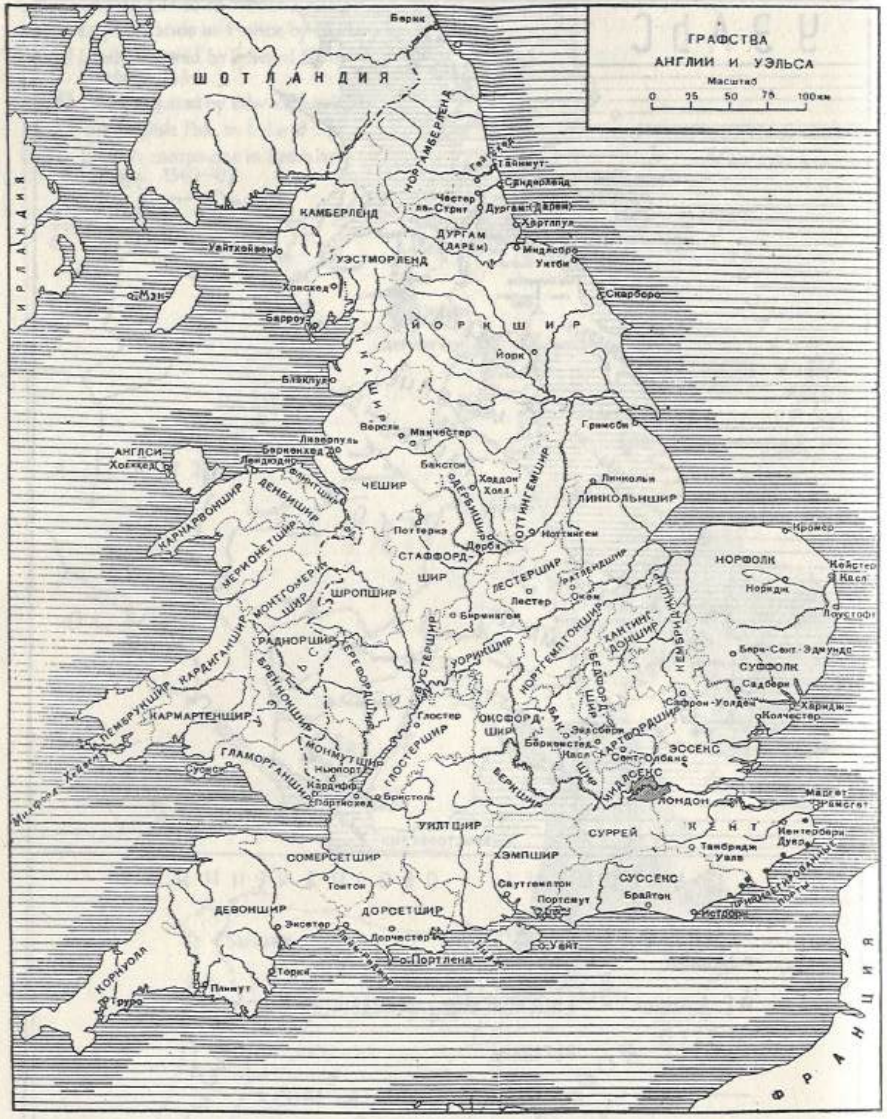
Изменения, происшедшие в различных сферах английского общества придали ему динамизм. Векторы движения экономических, политических, идеологических и социальных институтов ориентированы на прогресс. В Англии сложились условия для наращивания экономического могущества (купцы-авантюристы, «суконщики» различных уровней, «новое дворянство» и крепкие йомены) и культурного развития (растущее богатство верхушки общества, в том числе – королевского двора). Абсолютизм с его жесткими властными учреждениями обеспечивал устойчивый прогресс. Особенностью английского самодержавного режима были его буржуазный облик, рыночный интерес и т.п. Все это привело к тому, что к началу XVII в. Англия возглавила прогресс на нашей планете, превратившись в первое государство Западной Европы и мира, где жизнь шла по-капиталистически.

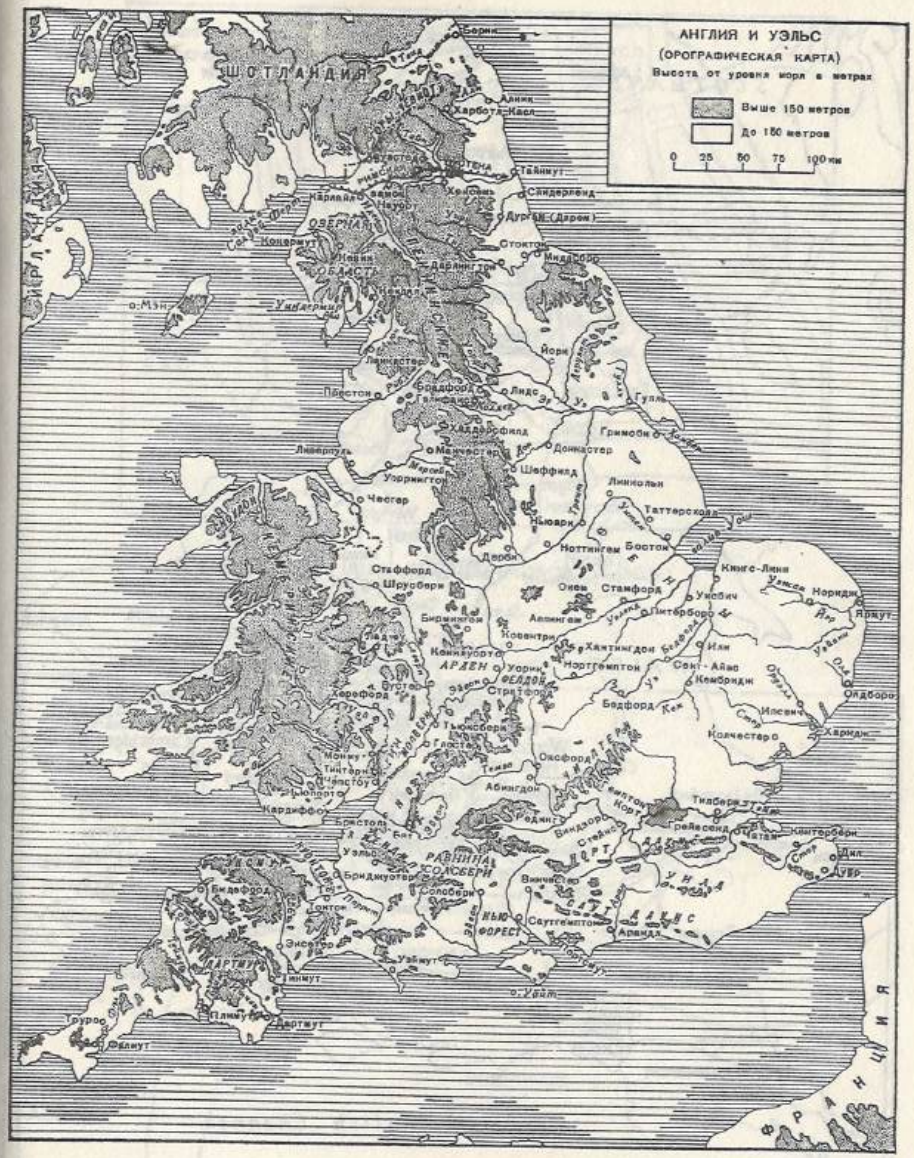
1. Англия в конце XIV-XV вв.

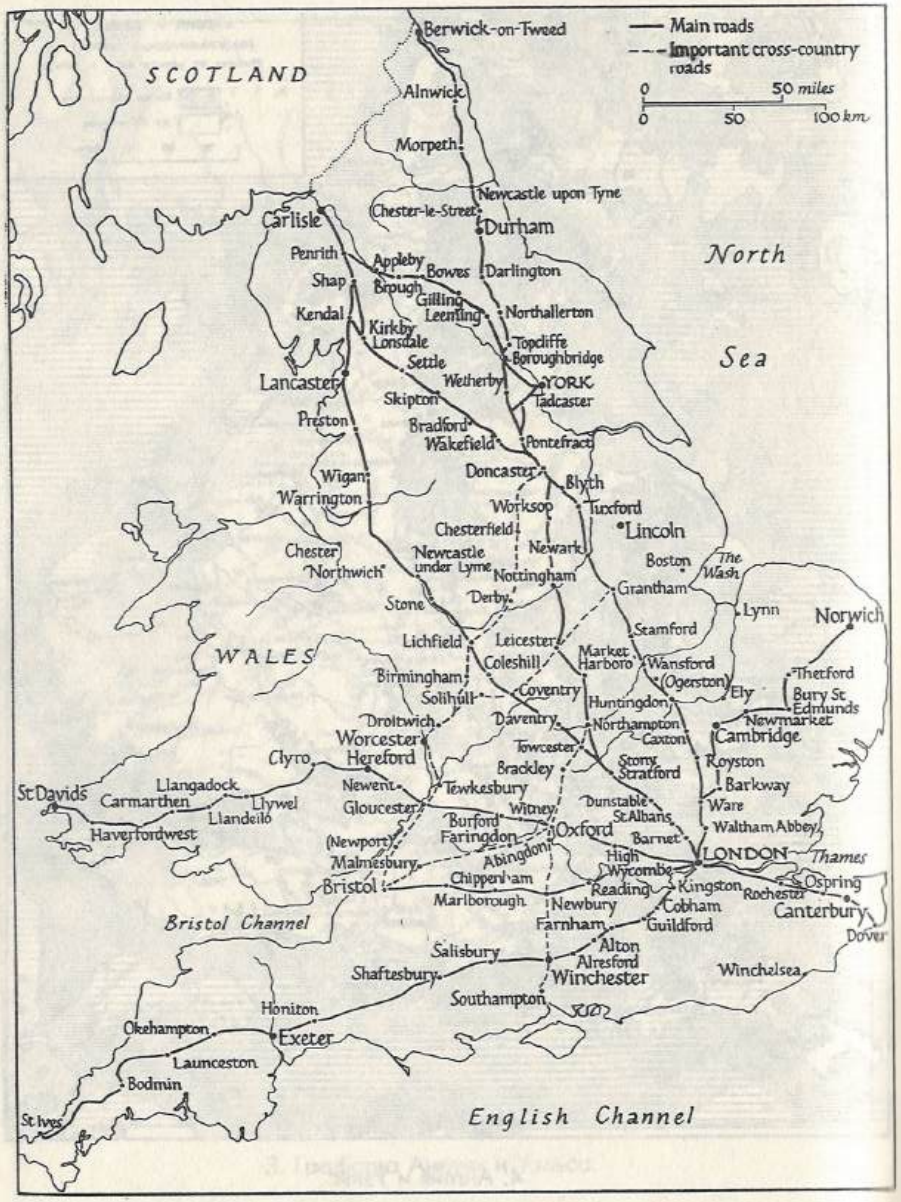
2. Уэльс

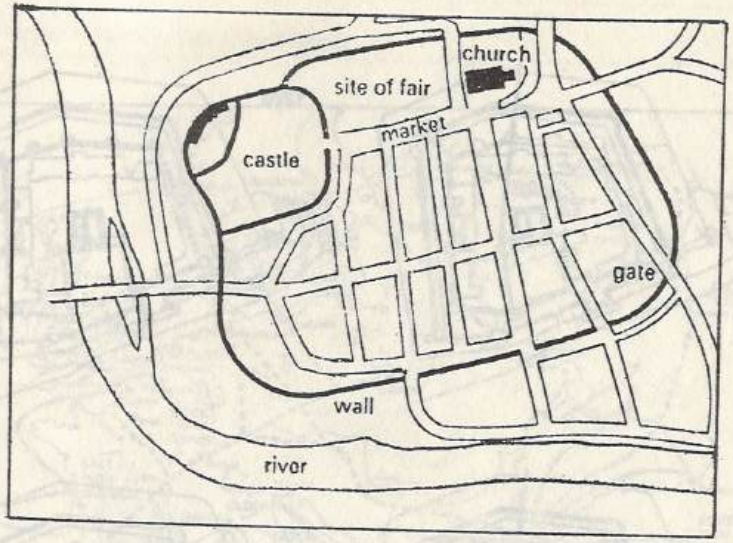
3. Графства Англии и Уэльса.

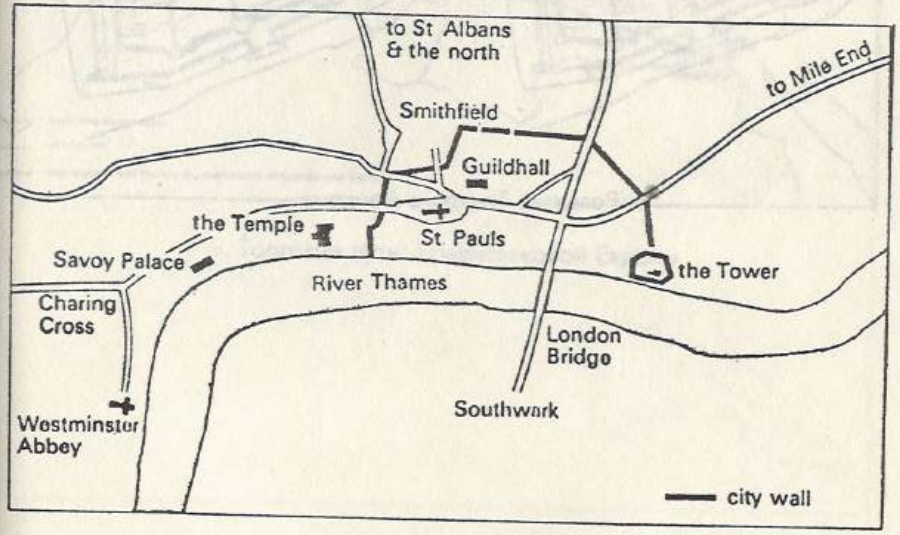
4. Англия и Уэльс

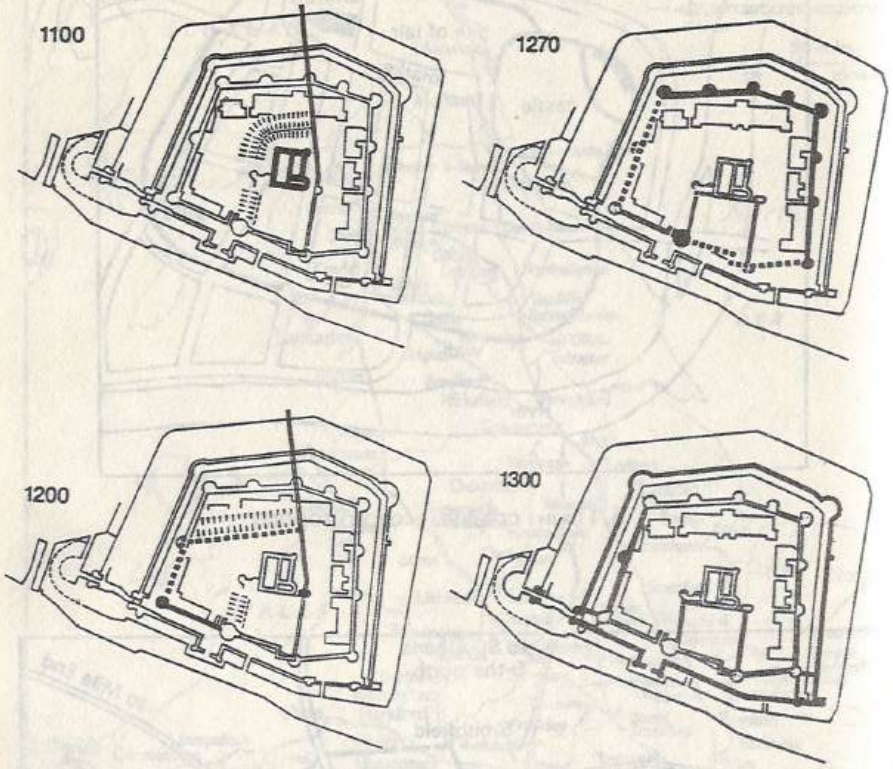
5. Главные дороги в средневековых Англии и Уэльсе

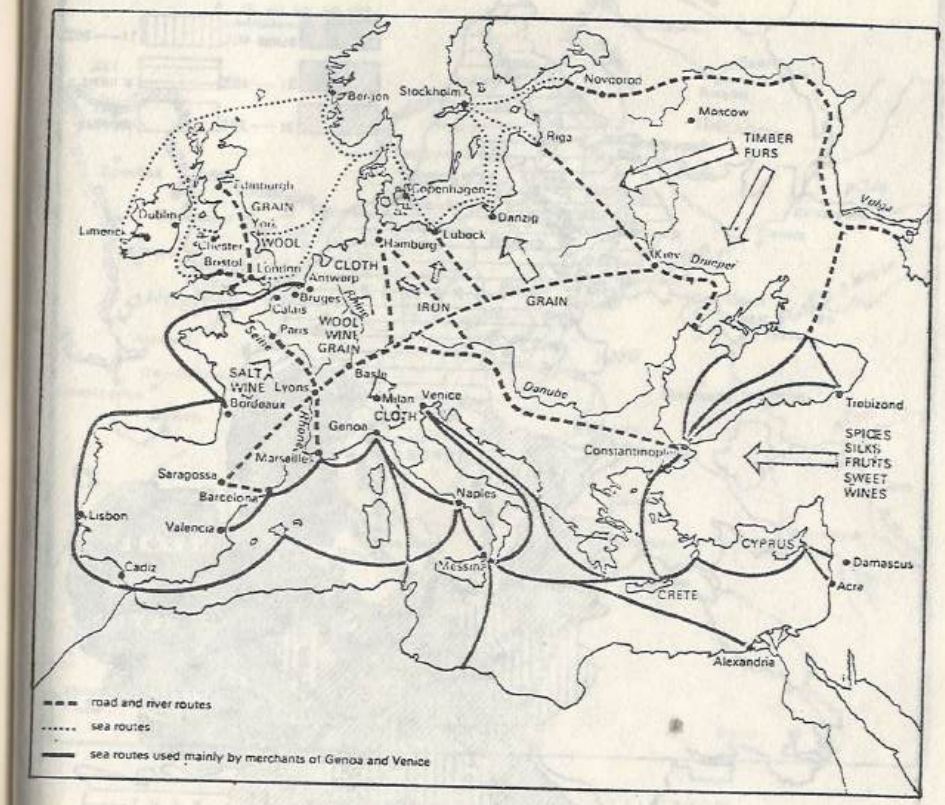
6. План средневекового города

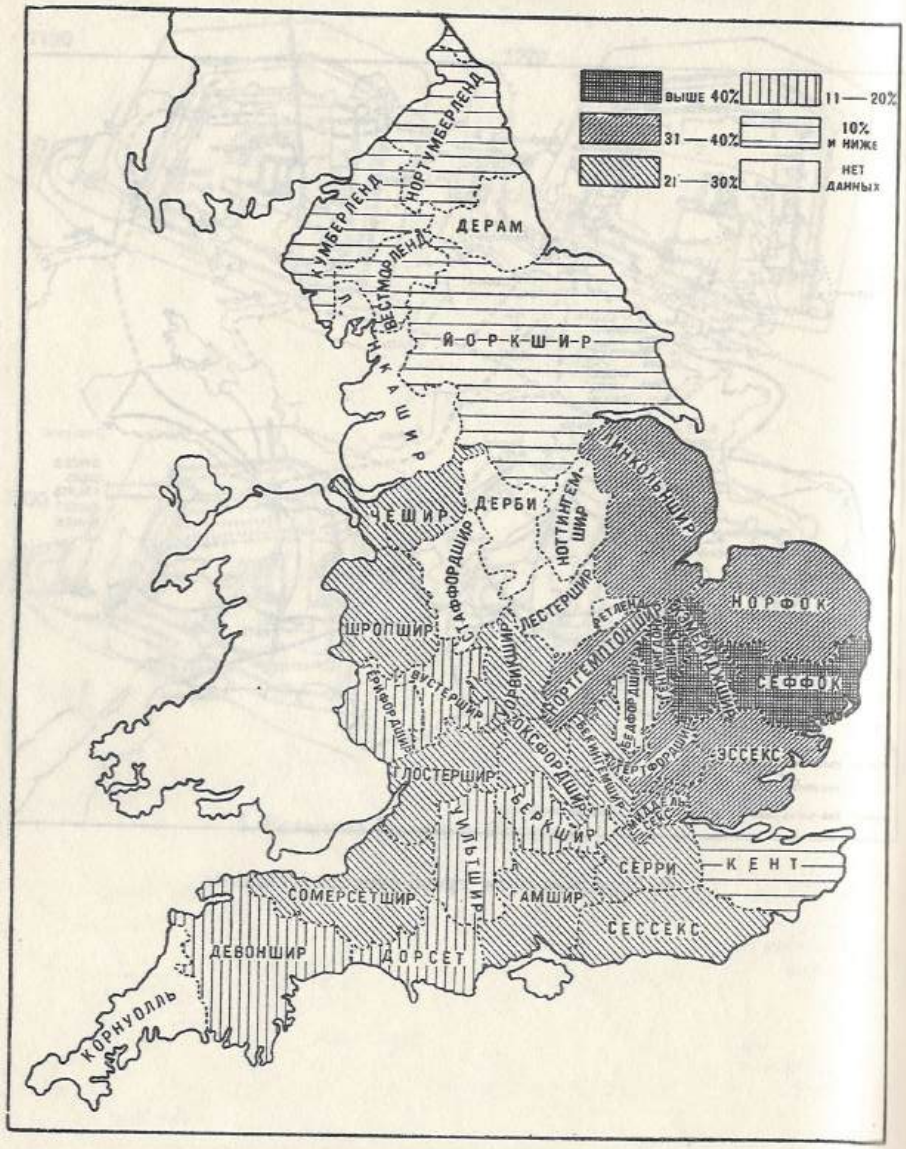
7. План Лондона 1371 г.

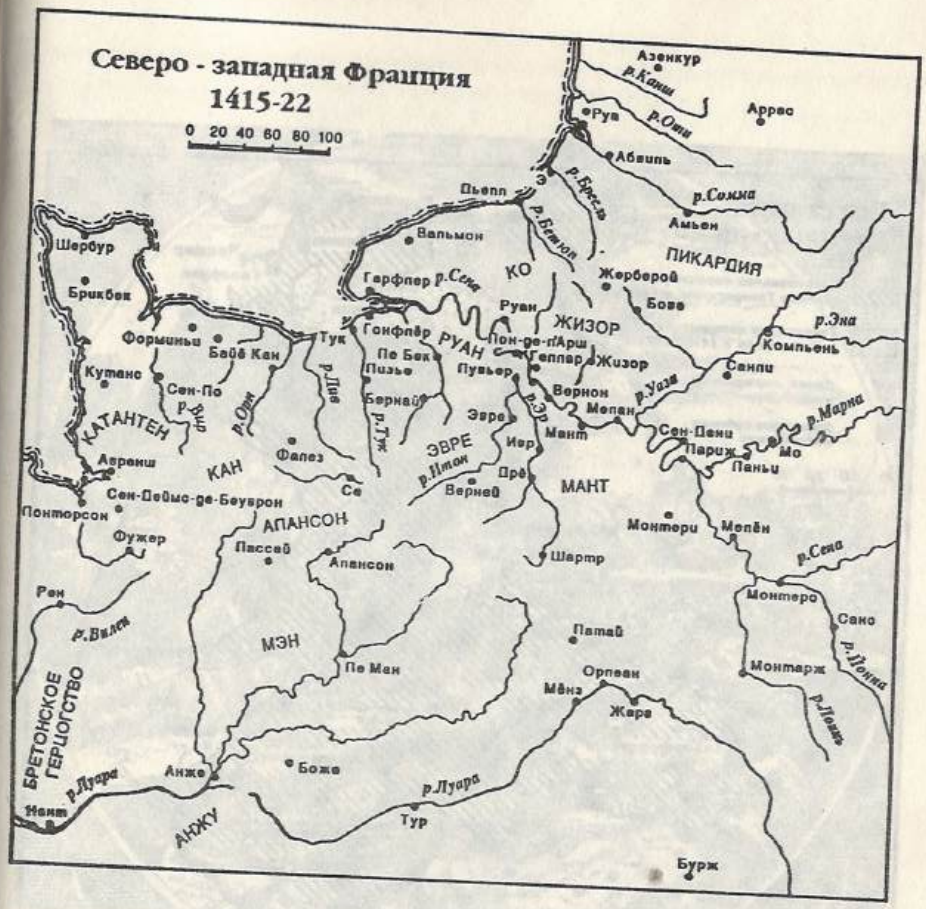
8. Развитие Тауэра в Лондоне

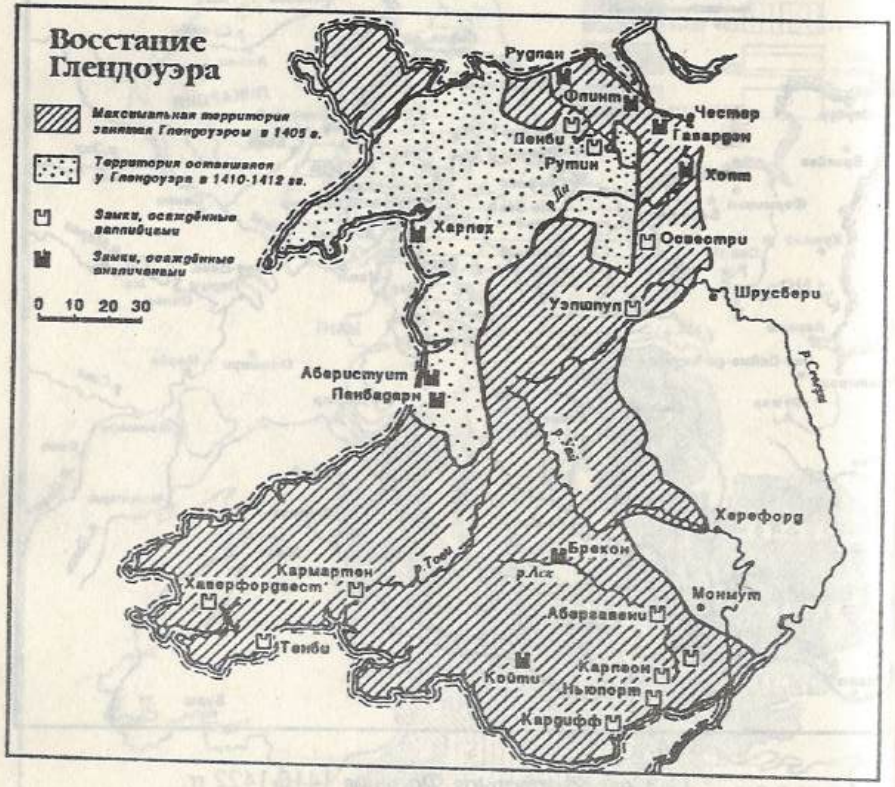
9. Торговые пути средневековой Европы

10. Экономическая карта Англии.
Процентное отношение оценки отработанной ренты к общей сумме рент

11. Северо-западная Франция 1415-1422 гг.

12. Восстание Глендоуэра

Рис.1. «Черная смерть»

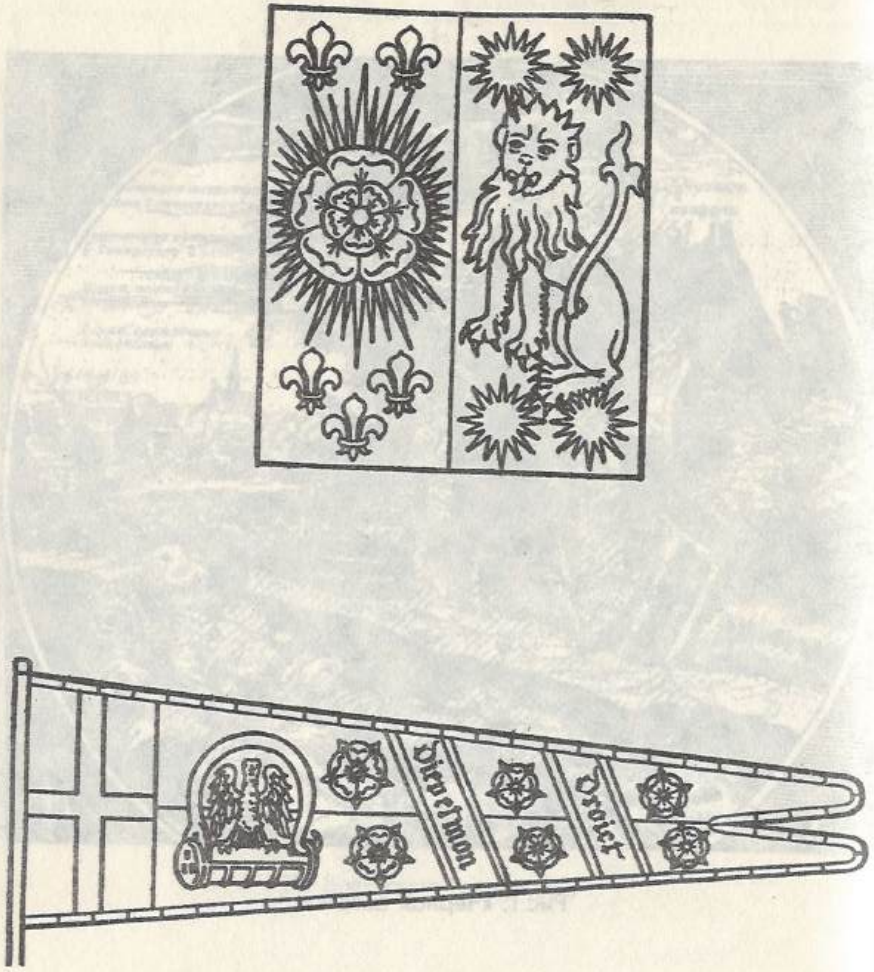

Рис. 2. Эмблема и штандарт йоркистов

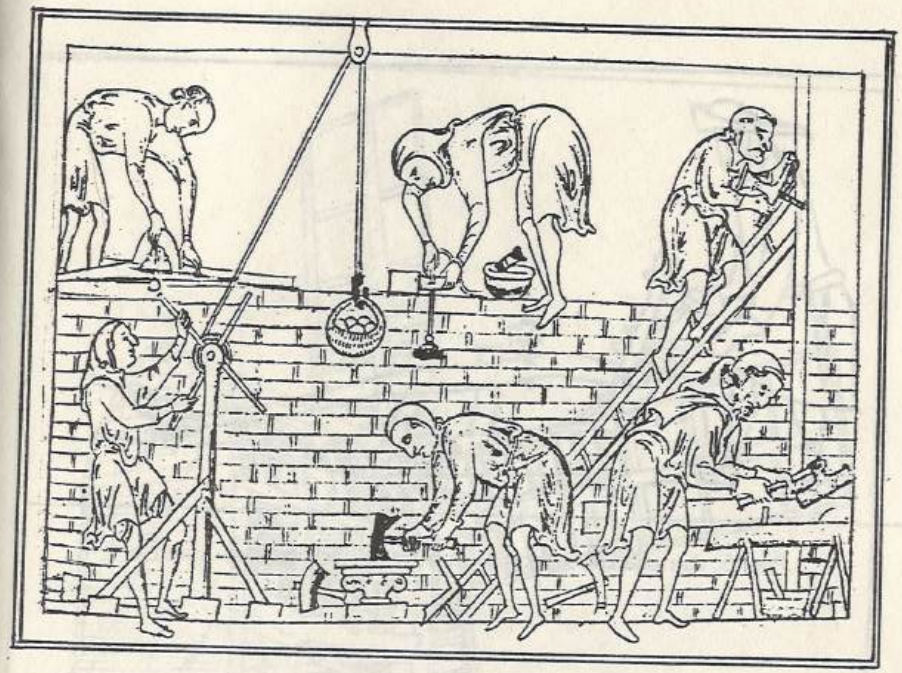

Рис. 3. Английские каменщики

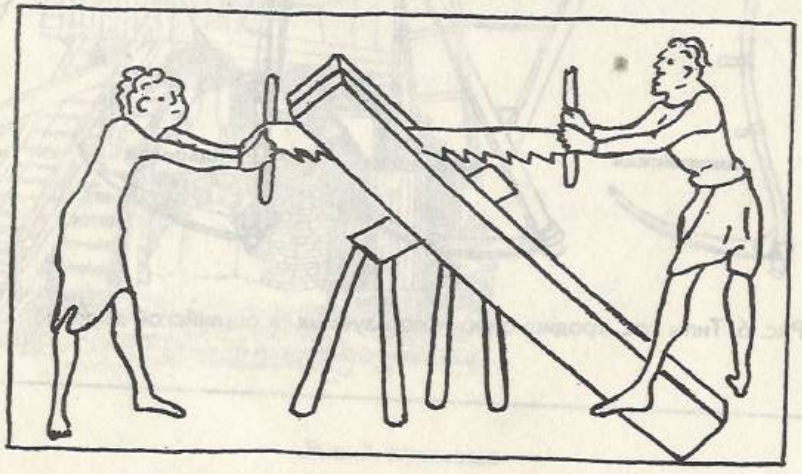

Рис. 4. Английские плотники

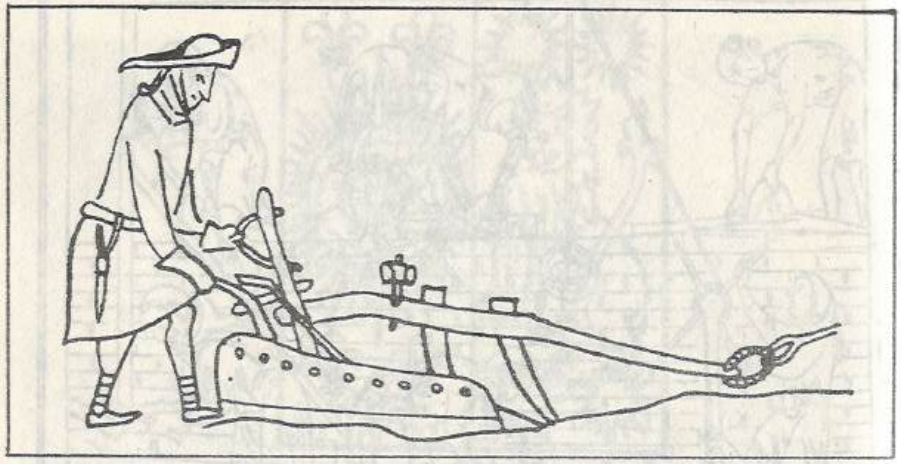

Рис. 5. Английский крестьянин, идущий за тяжелым плугом

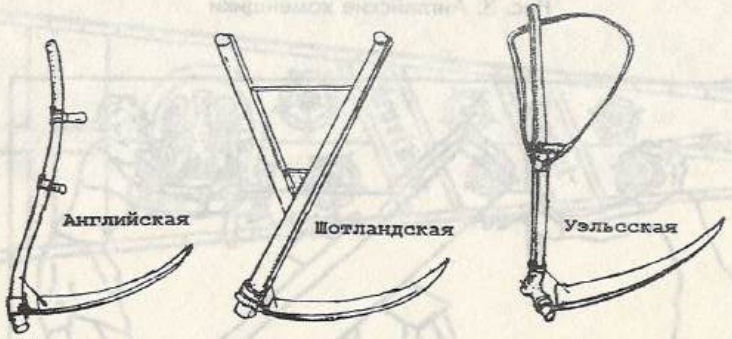

Рис. 6. Типы кос, традиционно используемых в английской деревне

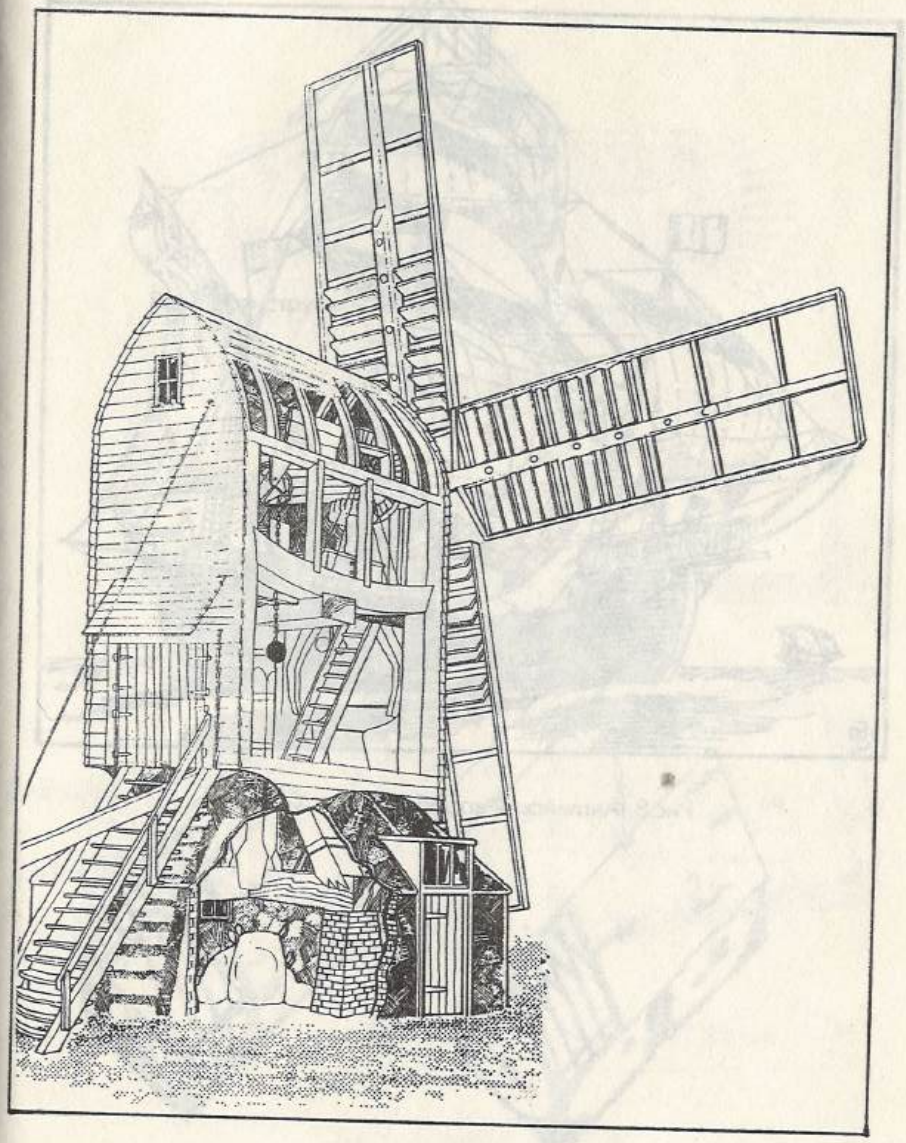

Рис. 7. Мельница

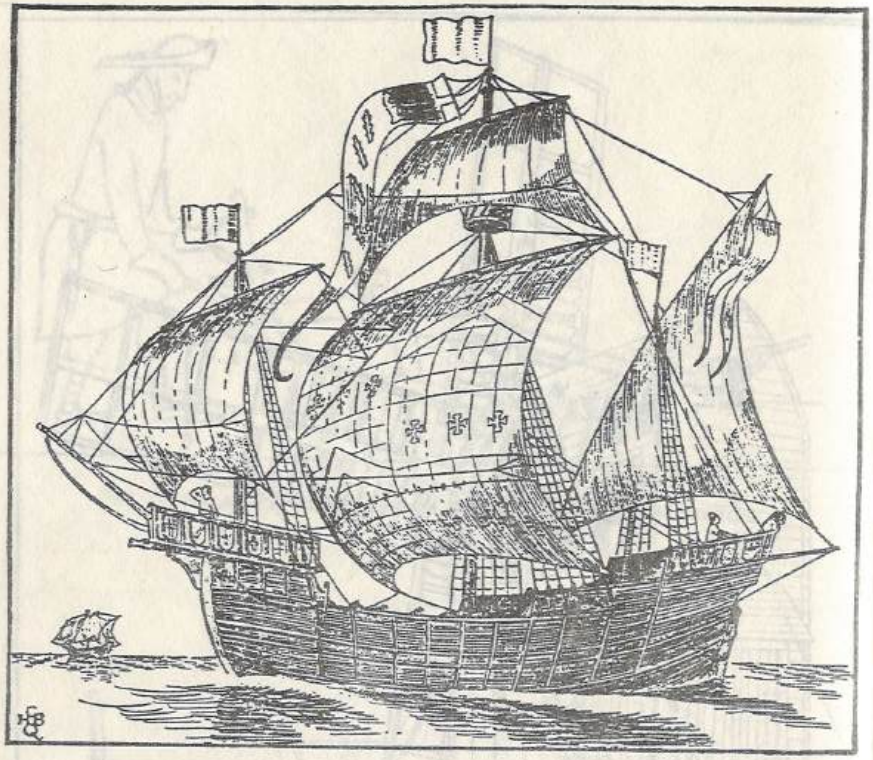

Рис.8. Английский корабль конца XV века

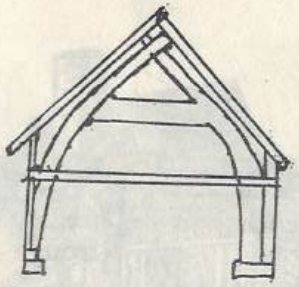

Рис.9. Конструкция дома английского крестьянина

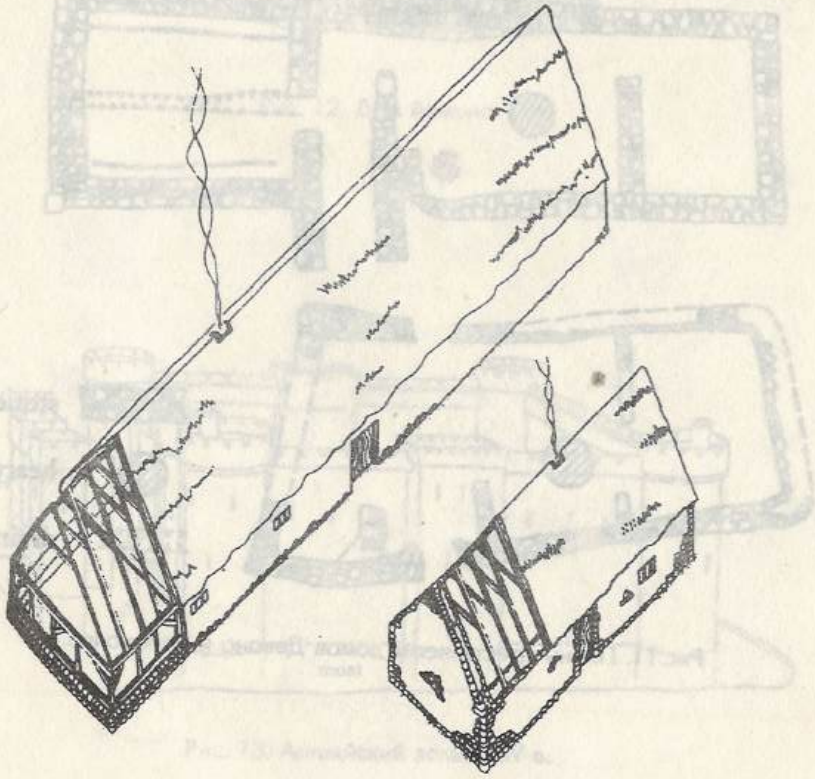

Рис. 10. Дома крестьян (по археологическим раскопкам в Йоркшире)

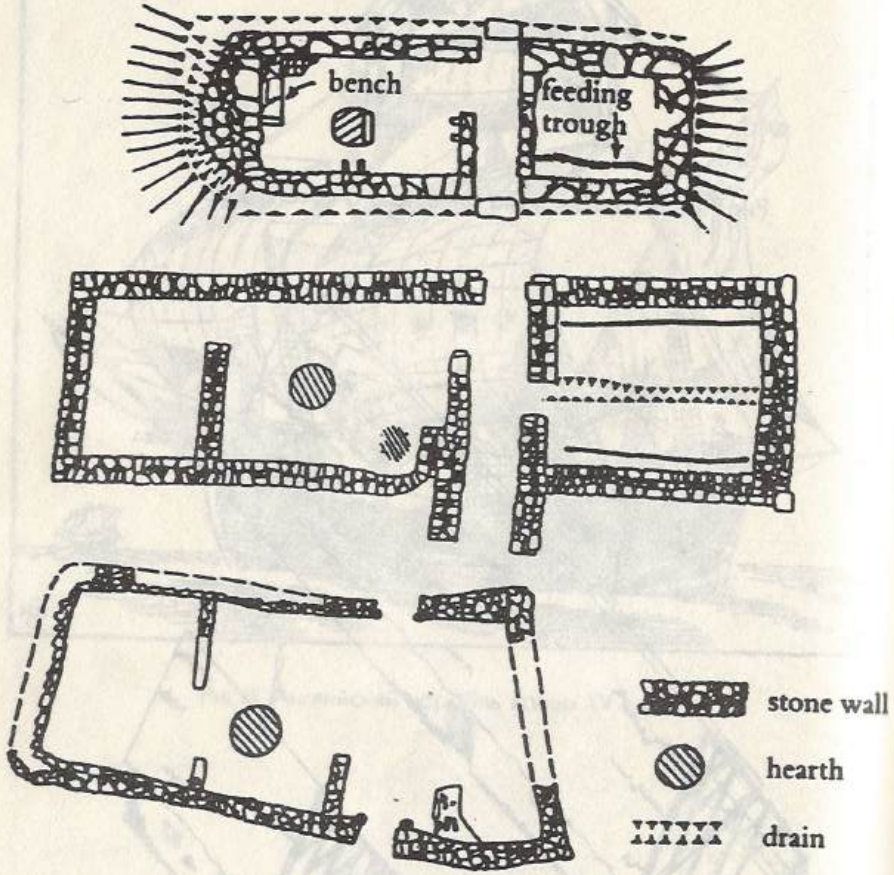

Рис.11. Планы крестьянских домов Девона и Корнуолла

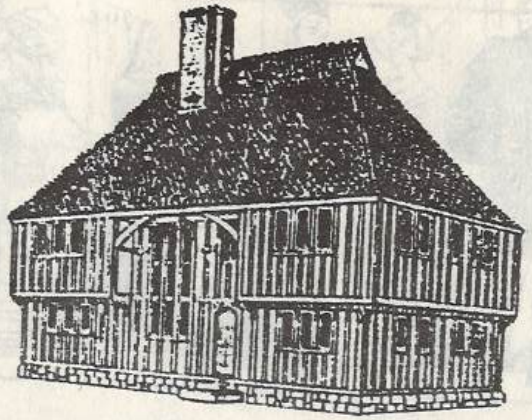

Рис. 12. Дом йомена

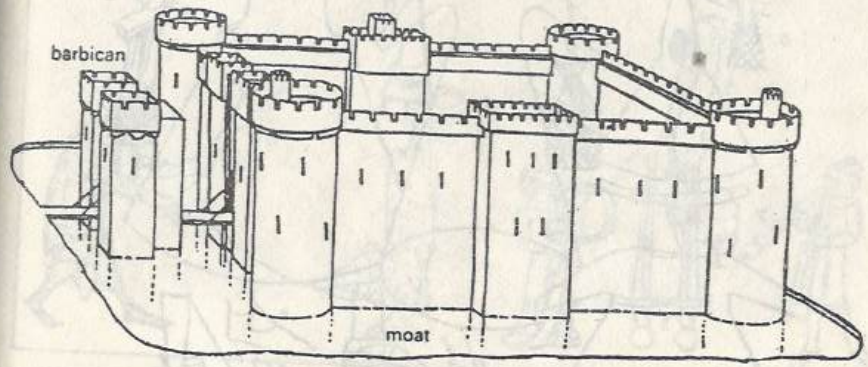

Рис. 13. Английский замок XIV в.

Рис. 14. Английский костюм XV века

Рис. 15. Детали средневековой английской одежды

Рис. 16. Инквизиция

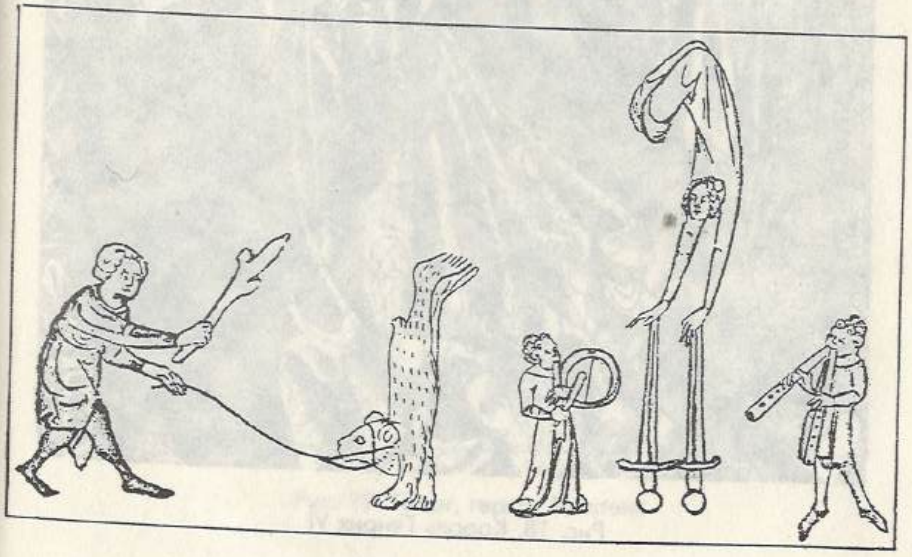

Рис. 17. Бродячие артисты

Рис. 18. Король Генрих VI

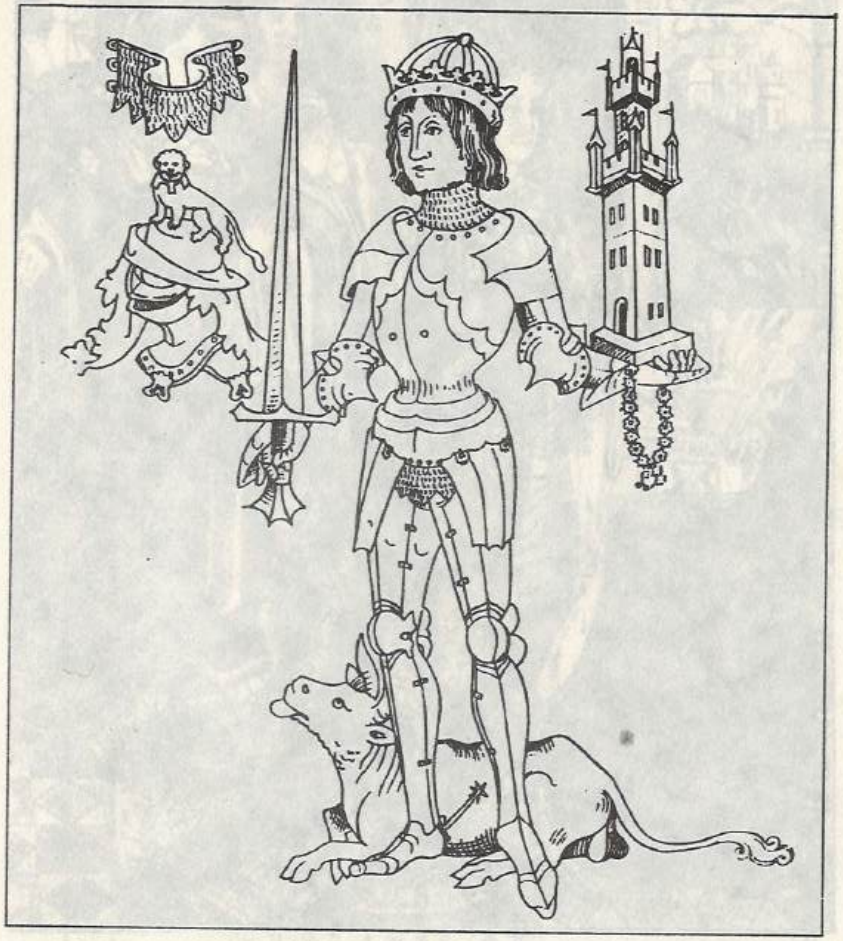
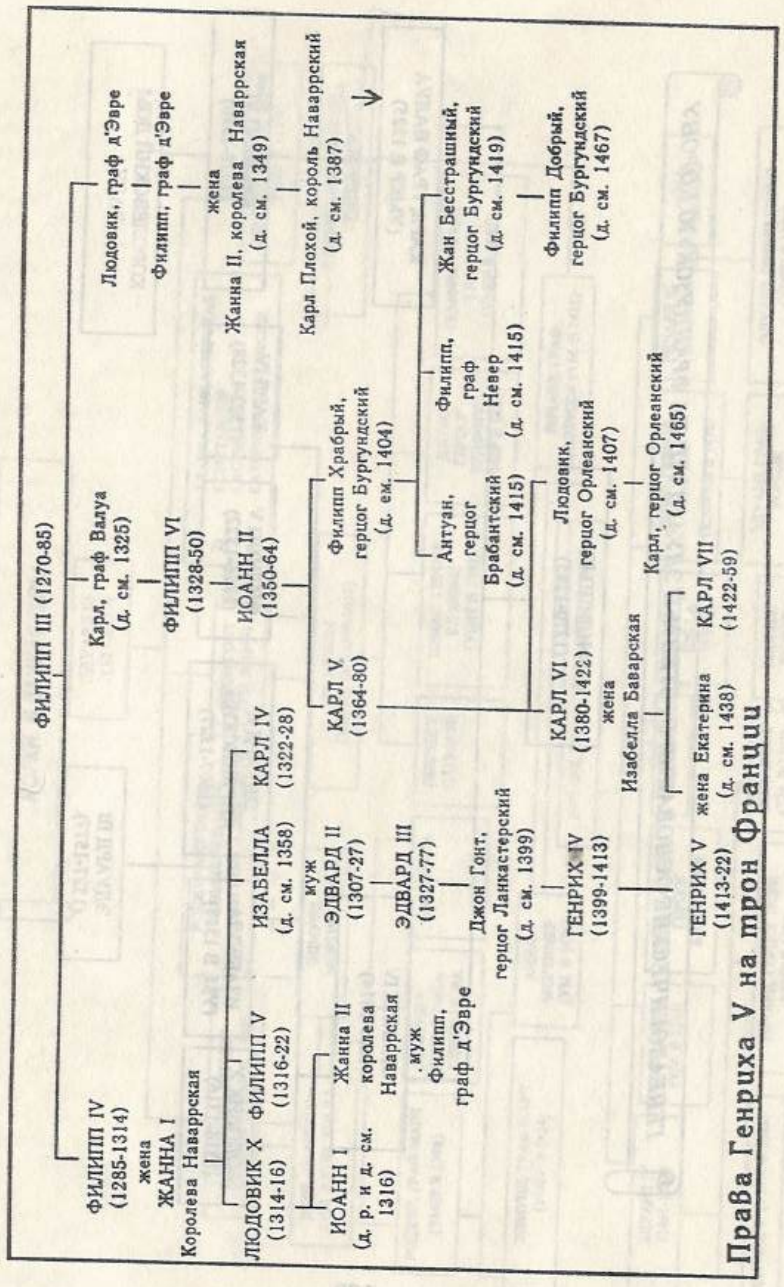

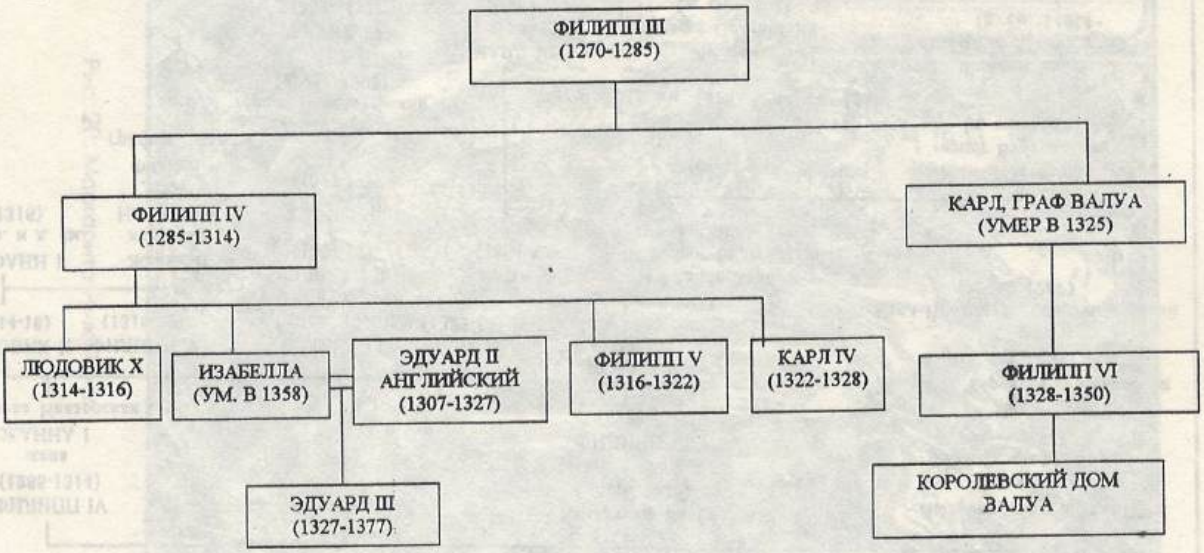
Рис. 19. Георг, герцог Кларенс

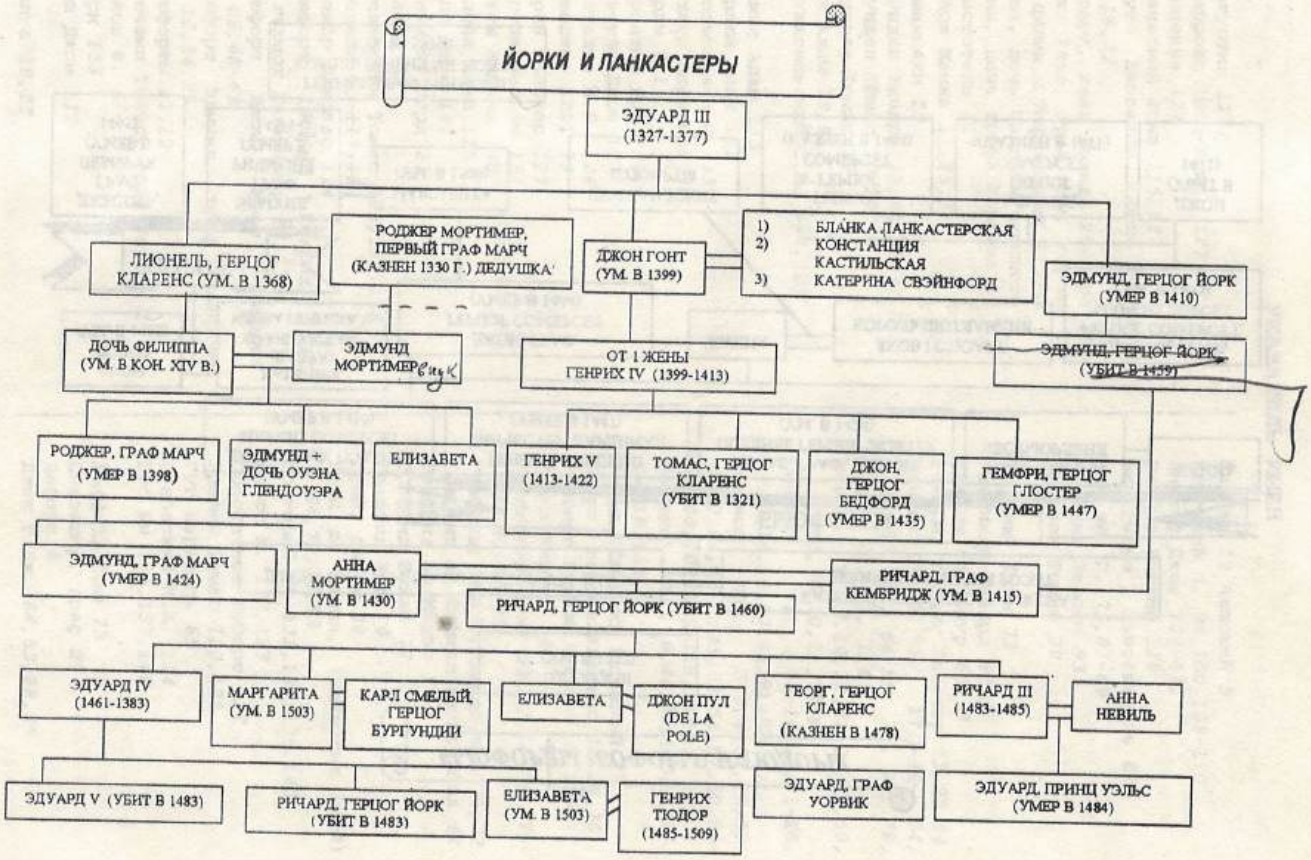
Рис. 20. Маргарита Анжуйская

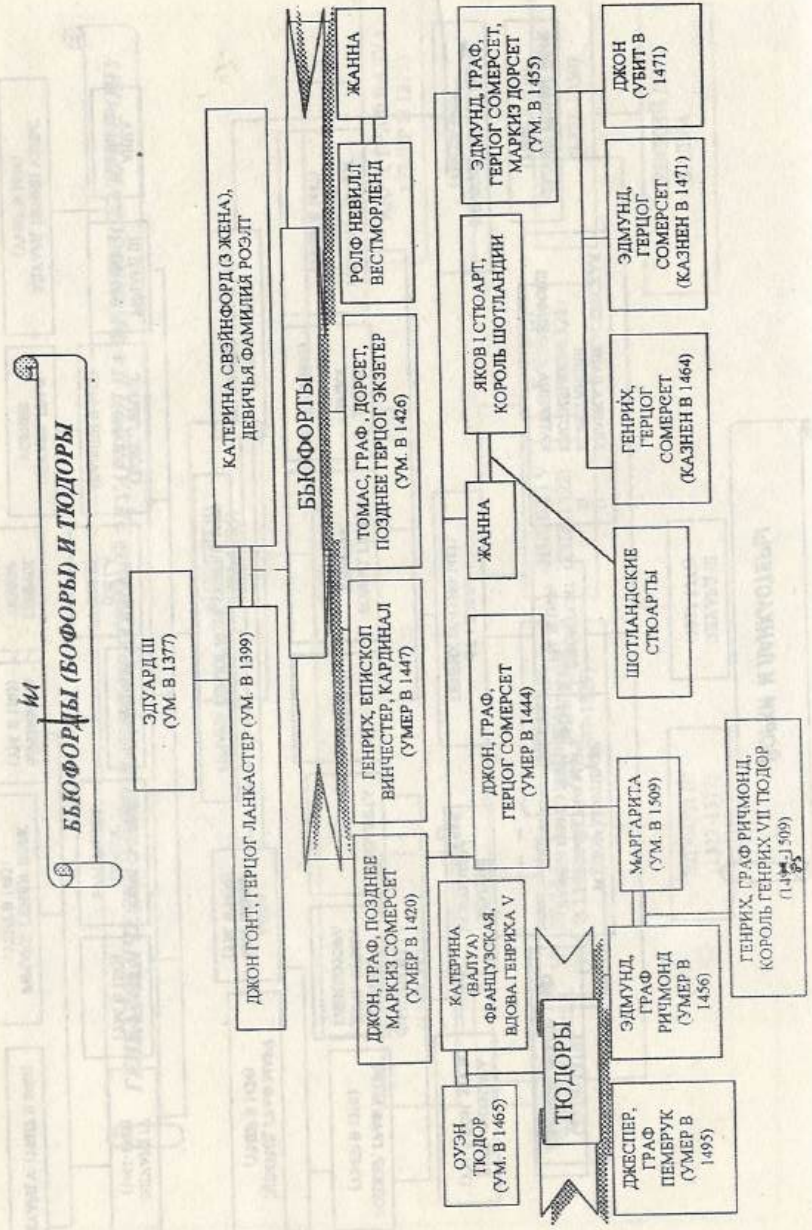

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕТЕНЗИЙ ЭДУАРДА III НА ФРАНЦУЗСКУЮ КОРОНУ

ЙОРКИ И ЛАНКАСТЕРЫ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Августин *127*
Аверроэс (Ибн-Рушд) *127*
Авиценна *127*
Аквинский Фома *115,127*
Акуто Джованни (Джон Гауквуд) *18,33*
Ангард, жена Дэвида Хэнмера *88*
Анжу Рене, граф Мэн, король Сицилии и Иерусалима *12,24*
Анна, дочь Вацлава Чешского *5*
Анна, дочь графа Уорвика *14*
Аристотель *127*
д'Арк Жанна *11,23,34*
Арманьяки *22*
Арундел Ричард *20,64,67,77,84*
Арундел Томас *10,20*
Арундел Томас *72*
Аск Адам *78,85*
Архангельский С.И. *124,125*

Бамме Адам *113*
Барлей Алан *131*
Басовская Н.И. *33*
Батлер Элеонора *96*
Барди *111*
Баронтин Дро *114*
Беверли Джон *127*
Белтадзе И.В. *124*
Бенедикт XIII *79*
Берли Вальтер *127*
Бертон Вильям *134*
Бихем Вильям *140*
Болейн Анна *115*
Болл Джон *141*
Бонвиль, лорд *27*
Браозы *63*
Бредвордин Томас *126,127,138*
Бродель Ф. *117,124*
Брэмбр Николас *114*
Бьюфорт (Бофор) Генрих, III герцог Ланкастер *13,23*
Бьюфорт Джон, граф Сомерсет *65,68-69*
Бьюфорт Эдмунд, граф Сомерсет *12,24,25*
Бьюфорты *11,12*
Бьючемп Томас, граф Уорвик *20*
Бэкон Ф. *6*
Бэри *113*
Бэш Джон *112*

Валуа *18,23*
Вацлав IV Чешский *5*
Вергилий П. *98,100,108-110*
Виклиф Джон *126-141*
Виклиф Роджер *126*
Вильгельм I Завоеватель *62*
Вильямс Г. *73,87-89*
Вудвиль Энтони *93*
Вудсток Томас *20*

Гардинг Джон *72*
Гастингс Ричард *93-95*
Гвилим ап Тюдур *65,78*
Гемфри, герцог Глостер *12,22-24*
Генрих IV *9, 10, 17, 21, 24, 51-53, 57, 64-69, 71, 72, 78, 82, 91, 92, 114*
Генрих V *9,10,11,21-24,37,50, 51,57,64,70,71,73,80*
Генрих VI *11-14,20,23-26, 30,34,51,57,82,91,92*
Генрих VII *3,5,6,14,15,30-32,44, 45,53,56,57,60,98-100,103-105,118,119*
Генрих VIII *6,44,83,115, 116, 118,121*
Георг (Джордж) Йоркский *27*
Георг, герцог Кларенс *14,28,30*
Герберт Уильям *28*
Гивел Киффин *84*
Глендоуэр Оуэн *21,62,64-73, 75-79,81-83,91*
Граффид, сын О.Глендоуэра *71,72*
Граффид ап Дэфидд ап Граффид *64*
Граффид ап Мэдог *77*
Граффид Вихан *77*
Граффид Янг *79*
Грей, барон *80*
Грей де Ратин, (Рейнольд Грей) *64,72,74,83*
Григорий XI *132,134,136,140*
Гросс К. *112,123*
Гроссетест Роберт *127*
Грэшем Томас *120,121*
Гуг Барнелль *65*
Гуковский М.А. *124*
Гус Ян *126,137,140*

Даффидд Гэм *73*
Девоншир, граф *27*
Деформ *6*
Джек Р.Дж. *84,83,88,89*

Джеймс, граф Каррик 70
Джилберт, лорд Талбот 71,105
Джоанна, принцесса Уэльская 134
Джон Моубрей, герцог Норфолк 27
Джон Гонт I Ланкастер 5, 8, 9, 19, 20, 24, 33, 78, 130-132, 134, 140
Джон Бедфорд II Ланкастер 11, 22-24
Джордан У.К. 116,117,119,122, 124
Дон Генрих 68,78
Дунс Скот 127
Дюгеклен Бертран 19,33
Дэвид, брат Лливелина Последнего 78
Дэвид Брюс, шотландский король 4,5
Дэвис Р.Р. 77,83-88

Екатерина Мортимер 67,71
Екатерина, дочь Карла VI 10,22
Елизавета Вудвиль 13,28
Елизавета Мортимер 85
Елизавета I 115,116

Жан Бургундский (Иоанн Бесстрашный) 10,22

Золотов В.И. 89,123

Иван III, московский князь 5
Изабелла, дочь Педро 5
Изабелла, жена Карла VI 22
Иоанн II Безземельный 129,130
Иоанн II Добрый 4,5
Йехан ап Бледдин 84
Йорк Ричард 11-13,26

Кабот Джон 6
Кальвин Жан 126
Карью Томас 67,68,86
Карл Смелый 13
Карл V 8,19
Карл VI 9,10,19-22, 34,70,79
Карл VII 11,12,22,23,25
Карл VIII 99,100
Карус-Вилсон Э. 36,46
Кенинг Уильям 42
Кингсфорд Ч. 4
Кириллова А.А. 123
Клари 63
Климент VII 134
Клиффорд Льюис 134
Клиффорд, лорд 27
Кобрин К.Р. 89
Коммин Ф. де 86
Констанца, дочь Педро 5
Косминский Е.А. 91,108
Крэх Ффиннант 84
Кузнецов Е.В. 5,46,61,123
Кук Джон 120
Куртнэ Уильям 132-133,136,137, 140
Кэд Джон (Джек) 12,25,29
Кэкстон Уильям 115,122
Кэнингем У. 112
Кэнон 127

Лайонс 113
Ласи 63
Ле Гофф Ж. 46
Левандовский А.М. 34
Левицкий Я.А. 46
Ленгленд У. 126
Лехлер Г.В. 137-141
Лингард 98
Липсон Э. 112,123
Лионель, сын Эдуарда III 5
Лливелин ап Граффидд Фихан оф Кэо 78
Лливелин ап Мэдог ап Лливелин 84
Лливелин Великий 63,64
Людовик XI 13,31,92,102
Лютер Мартин 126

Максимилиан I Габсбург 6
Маргарет, дочь О.Глендоуэра 88
Маргарита, жена О.Глендоуэра 71
Маргарита, жена Карла Смелого 13
Маргарита Тюдор 6
Маргарита Английская 24
Маргарита Анжуйская 12-14,24,92
Маргарита Бофор 121
Маргарита Бургундская 15
Марсилий Падуанский 128
Марч Джон 83
Марч Эдмунд 82
Маршаллы 63
Медведева Т.А. 46
Мерлин 76
Мертон 139
Монфорс Джон де, герцог Бретани 8,33
Мор Томас 95,98,108,115

Морган ле Янга 80
Мортимер Эдмунд 10,66,67,71, 85-87
Мортимеры 63,69,70
Мортон А.Л. 46
Мэклесфилд Томас оф 88
Мэтью ап Лливелин 81

Николас Алвин 120
Невиль Гэмфри 96

Оккам Уильям 128,139
Олдкасл Джон 10
Орлеанский, герцог 11

Патруаллар де Три, барон дю Плесси 70
Педро Жестокий 5,33
Пейторн Эдуард 112
Пенрес Джон 74
Перкин Варбек 5, 15, 31
Перрот Дэвид 69
Перси Генрих 65-67, 69, 71, 97, 100, 105,106,108,132
Перси Томас, граф Вустер 67-69
Перуцци 111
Петер Симондс 119
Петр, король Кипра 5
Петр Ломбардский 127
Петрушевский Д.М. 34,139
Плантагенеты 7
Повис, лорд 66
Пойнинг Эдуард 6
Попе Томас 121
Поч Томас 86
Пул Джон 94,97,107
Пул Уильям, граф Сеффолк 12,15,24,25,31
Пул Эдмунд, граф Сеффолк 5,15, 31
Пэрви Джон 137
Пэч 113

Райцес В.И. 34
Ре Жан де 70
Реде Эдмунд 120
Репингтон 141
Ригг Роберт 137
Рис ап Граффидд ап Гвилин 80
Рис ап Граффидд ап Лливелин (Рис Дду) 72,78
Рис ап Тюдур 65,78,80
Рис Гетин из Нантконвой 78
Рис Дэвис 68
Рис оф Деубарт 77
Рич Эдмунд 127
Ричард, лорд Грей оф Коднор 67
Ричард Риверс, граф Вудвиль 28,29
Ричард Глостер 14, 19, 30
Ричард Йорк 11-13, 24, 26, 27, 30, 33, 92
Ричард Лестранж оф Нокин 72
Ричард Невиль, граф Уорвик 13,14,26-29,32,68
Ричард II 5, 8, 9, 19-21, 41, 51, 53, 57, 67, 77, 78, 83, 84, 92, 97, 132, 140
Ричард III 14, 15, 30-32, 52, 53, 57,92-108
Робин из Ридесдейла 14
Росс (Роус) Джон 67
Рулл Джосселин 114
Рэтклиф Ричард 96,100

Савин А.Н. 61
Себенцова М.М. 34
Сигизмунд, император 10
Симон Ислип 128
Симон Лэнгхем 128
Скадемор Джон 73
Скидмор Филипп 72
Скроуп Вильям ле 126
Скроуп Ричард 92
Стаббс У. 48,51,61
Стаффорд Генри, герцог Бекингем 94-99
Стенли Говард 100
Стенли Томас 93
Стерми Уильям 42
Стивенс Дж. 67
Стивенсон Р.92
Сэдбери Симон, архиепископ Кентерберийский 132-136

Тайлер Уот 56
Типтоф Джон 28
Тирелл Д. 15,31
Тонурота Адам де 132
Трапп С. 112,123,124
Трастамара Генрих 5,33
Тревельян Дж. М. 5,114,116,124
Тревор Джон 79
Тэйлор Уильям 121
Тюдор Джаспер 13,98
Тюдур Мередидд 77
Тюдур, брат О. Глендоуэра 71

Уайли Дж. Г. 68,71,85

Уильям Парминтер, герцог Йорк 25
Уильям Пул, банкир 45
Уитингтон Ричард (Дик) 111-115
Уолворт Николас 114
Уолкер Д. 67,73,84-89
Уолсингем Томас 67,85
Уоркмен Г.Б. 126, 127, 138, 139, 141
Уоррен Роберт 119
Урбан V 129,139
Урбан VI 134,140
Урсвик Томас 114
Утред Дж. 139

Фальконбридж 29
Федоров-Давыдов Г.А. 46
Фердинанд Арагонский 6
Филипп, капеллан из Ллендрилло 84
Филипп, герцог Бургундии 23
Филипп IV Красивый 4
Филпот 114
Фитцральф Р. 126,138-140
Фишер Ф. Дж. 36,46
Фокс Джон 6
Франчесс Рэклифф 122

Хант Томас 120
Херт Джоанна 113
Хилл Томас 119
Хью Клоптон 120
Хью Оффли 119
Хэнмер Джон 86
Хэнмер Дэвид 77,88
Хэнмеры-Граффид, братья 84

Чарлтон оф Повис 72
Чосер Дж. 126

Шаа Эдмунд 121
Шекспир У. 92

Эдвард Чарлтон 66
Эдмунд, граф Кембриджский 5
Эдуард I 63,65,88
Эдуард II 57,63
Эдуард III 3,4,8,18,19,21,44, 57,129,130,132
Эдуард IV Черный Принц 5,12-14, 17-19, 26, 30-32, 44, 52, 53, 57, 61, 63, 65, 92-94, 97-99, 101, 103, 106, 132
Эдуард VI 30,32
Элен, мать О. Глендоуэра 64,77
Элизабет, дочь Джона Лестранж оф Нокин 77
Элис, дочь О. Глендоуэра 73
Эллис ап Ричард ап Ховел ап Морган Ллвид ап Абгри 68
Энрике (Генрих) 33
д`Эспань Жан 68
Эстон 141

Яброва М.М. 123
Яков IV 6
Янг Джон 119
Ястребицкая А.Л. 124

Bacer R. 4,5
Campbell W. 6
Chipolla C. 6
Clarck G. 123
Curus-Wilson E.M. 61
Dietz F.C. 6,46
Ellis H. 83,87
Goodman A. 88
Hearne T. 84,85
Hingeston L. 83
Jacob E.F. 34,124
Jordan W.K. 124
Kisack M. Mc. 123,124
Lipson E. 123
Lloyd J.E. 84
Lloyd T.H. 46
Llyell L. 6
Mackie F.D. 6,108
Matthew F.D. 139
Morgan O. 46
Morres W.H. 86
Morton A.L. 46
Myers A.R. 49,51,61
Postan L. 46
Power E. 46
Ramsay J.H. 61,84,109,110
Roberts T. 88
Salzman L.F. 123
Turvey R.H. 84-88
Vicers K.H. 85,87
Williams G. 86-89
Winn J. 84
Wylie J.H. 85-88
Workman H.B. 138,139,141
Unwin G. 123
Zalzman G.M. 5

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Bacon – Bacon F. A History of the Reign of King Henry VII. /Works. Vol. VI. L.1878.

DNB – Dictionary of the National Biography

Foedera – Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Anglie et alios quosvis imperatores, pontifices, principes, vel communitates. Ed. Th. Rymer. Haguae. 1739.

HA – Historia anglicana. (by Thomas Walsingham). Ed. H. T.Riley. L. 1864.

ML – Memorials of London in the XIII, XIV and XV centuries. Ed. by H.T.Riley. L. 1868.

OM – Wyclif J. Opera minora. Ed. by J.Joserth. L.1913.

PO I,II – Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England. Ed. H.Nicolas. Vol. I,II. L.1834.

PW – J. Wiclif's Polemical Works in Latin. Ed. by R.Buddensieg. /The Wiclif Society. L.1883. Vol.I.

RP – Rotuli Parliamentorum...Ed.by J.Strachey. L.1767.

SEW – Wycliffe J. Select English Works. Ed. by Th.Arnold. Vols.I, II, III, L. 1869-1871.

SR II – The Statutes of the Realm. Vol. II. L. 1809.

Tr. – Wiclif J. Trialogus ... Ed. by J. Lechler . Ox.1869.

Usk – Chronicon Adae de Usk. Ed. E. M. Thompcon. L. 1904.

WEW – The English Works of Wyclif hitherto unprinted. Ed. by J.D.Matthew. L.1902.

WHR – The Welsh History Review.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Дайджест политической жизни Англии 1360-1500 гг. 7

ГЛАВА II. Экономика и общество 35

ГЛАВА III. Парламент и государственные институты 47

ГЛАВА IV. Уэльс. Восстание Глендоуэра 62

ГЛАВА V. Английский Север в XV в. и Ричард Йорк 90

ГЛАВА VI. Лондон: страницы социального бытия 111

§ 1. Ричард Уитингтон – «цветок» лондонского купечества 111
§ 2. Богатые и бедные в Лондоне 115

ГЛАВА VII. Джон Виклиф – великий еретик XIV в. 126

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 142

ПРИЛОЖЕНИЯ 144

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 173

Список сокращений 177

АНГЛИЯ И УЭЛЬС В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. Монография. Отв. ред. доктор исторических наук, профессор Е.В. КУЗНЕЦОВ.

Авторский коллектив: **О.В. Губанова, Е.В. Кузнецов, Т.Б. Меркулова, Т.Г. Минеева, В.Б. Романовская, О.Н. Сенюткина, М.В. Третьякова, Н.В. Щелокова**

Компьютерная верстка Л.П. Никонова

Сдано в печать 20.10.98
Подписано в печать 10.02.99.
Усл. печ. листов 10,3.

Тираж 1000 экз.
Заказ № 162

Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П.Гайдара.
607220, г. Арзамас, Нижегородская обл., ул. К. Маркса, 36.
Множительный участок